

mafusai

ДНЕВНИК

Здесь собраны записи из ЖЖ Mafusail. Многие ссылки уже не работают, и утрачены, к сожалению, многие фотографии; нет здесь и комментариев к записям, как нет уже, увы, некоторых комментаторов.

И автора нет.

Но тексты остались, и их можно здесь прочитать.

Вот их неполный перечень:

- 6 [ЖЕНЬКА И JANET](#)
  - 8 [БРАТ](#)
  - 10 [КОТЫ МОЕЙ ЖИЗНИ](#)
  - 21 [МОЙ ФРОСТ](#)
  - 25 [МОЕ ОДЕССКОЕ ЧЕРНОЕ МОРЕ \(МОЗАИКА\)](#)
  - 33 [ДЕТСКОЕ НОСТАЛЬГИЧЕСКОЕ](#)
  - 44 [АМЕРИКАНСКИЙ КОНСПЕКТ](#)
  - 48 [МЫ САМИ НЕ МЕСТНЫЕ](#)
  - 62 [СТРАНА ИЛЛЮЗИЙ](#)
  - 65 [СВОБОДА?](#)
  - 66 [МНЕ ИЗБЫ СЕРЫЕ ТВОИ...](#)
  - 77 [БАБУШКИН САД, ИЛИ СПРЕССОВАННОЕ ВРЕМЯ](#)
  - 98 [ШТРИХ К БЕЛОРУССКОМУ ПОРТРЕТУ](#)
  - 112 [ТЕДДИ-ДОЛГОЖИТЕЛЬ](#)
  - 187 [OUR DEBTS](#)
  - 204 [ТАКОЙ СЕРЫЙ, ТАКОЙ ОБЫКНОВЕННЫЙ](#)
-

Saturday, November 16th, 2002

КОТ

Кот наслаждается свободой: балкон застеклили, теперь окно комнаты открыто, можно выходить, когда хочешь, сидеть на подоконнике и смотреть на происходящую внизу жизнь, ночью никто домой не загоняет. Прячется в цветах, гремит склянками по углам, пугает, выскакивая внезапно, пробует голос - пространство от пустоты своей резонирует. Коту эта степень свободы внове, он оживлен, в широко раскрытых глазах черные зрачки оставляют от радужки только золотистый ободок. Он явно похорошел, у него с лица не сходит выражение заинтересованного собеседника, ждущего момента, чтобы произнести свою реплику.

-Ну говори, слушаю!

Умчался, взбрыкнув - и так все понятно!

Хорошо.

Monday, January 6th, 2003

Стало мне невесело по ряду причин. Вышла на балкон.

Смотрю в окно: за ним сумерки, в свете фонаря виден косо летящий снег.

Тянется к окну ветка, потерявшая листья.

Вдруг кот вспрыгнул на подоконник, нервно мурлыча, стал заглядывать в лицо: что случилось?

Я перешла к другому окну, кот - за мной, начал осторожно бодать твердой черепушкой в плечо, так же громко мурлыча.

- Ну что тебе? Погрустить не даешь.

Спрыгнул на пол, развалился на спине, призывно показывая живот: погладь, разрешаю.

Стало смешно. Погладила и пошла в комнату: полегчало.

Вбежал впереди меня и исчез где-то в глубине квартиры.

Friday, February 14th, 2003

Слышен звук открываемой ключом двери.

Бежит стремглав из самого дальнего угла: наконец-то вернулся тот, кто уходил из дому!

Звонок в дверь.

Спешит встретить, крутится под ногами у самого порога, ждет, пока откроют и впустят: свой пришел.

Такой же звонок в дверь.

Не спеша, идет в прихожую, останавливается, ждет, как решишь: открывать? Не открывать? Кто-то незнакомый звонит.

Рассматривает вошедшего, не приближаясь к нему. Успокаивается, возвращается к своим делам.

Шаги на площадке, замершие у двери.

Тихо подходит к двери, вслушивается, хвост поднят, слегка выгнут, уши торчком.

Оглядывается на меня: неужели откроешь?

Звук шагов снова слышен: кто-то проверил номер квартиры и поднимается на следующий этаж.

Смущенно уходит в комнату: и чего волновался?

По утрам встаю в одно и то же время: в рабочий день раньше, в выходной – на часок позже.

Встав, надо пройти на кухню и включить чайник. Идти надо осторожно, потому что можно наступить на внезапно рухнувшего поперек дороги кота: это означает – привет, посмотри. какой красивый у меня живот, погладь, только недолго!

Кряхтя и зевая, наклоняешься. гладишь (нежнее, еще нежнее, чтобы не вызвать недовольства), дальше можешь идти спокойно, ритуал соблюден.

Приболев, решаю остаться дома в рабочий день. Лежу, то ли сплю, то ли не сплю, дремлю.

Вдруг слышу громкое мурлыканье, острый коготок цепляет за волосы. Открываю глаза: прямо у моего лица усатая морда, взор внимательный, лапа тянется снова к волосам, коготь наготове.

- Почему ты лежишь?

- А тебе-то что?

- Это ты в выходной можешь валяться, а сейчас вставай!

Действительно.

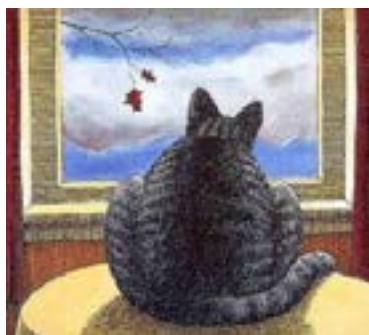
Что вы думаете? Встаю и иду на работу.

А откуда он знает, когда рабочий день, а когда выходной?

Сколько еще таких историй можно рассказать!

Все равно непонятно: откуда он всё знает?

Monday, January 10th, 2005

МОНОЛОГ

Видно, не зря такой юзерпик мною выбран: сижу и смотрю в окно.

Лист пролетел, кот незнакомый прошел...интересно...

Писать в ЖЖ, как оказалось, не могу: излишне личным кажется все написанное.

А заходить в чужие иногда нравится. В кладовку к Левконое, к Ихневмону, который вроде котов любит, но сам фараоновой мышью зовется. С другой стороны, мангусты у него в родственниках. То ли хищник ихневмон, то ли его добыча - не поймешь, пока ихневмонов ЖЖ не считаешь. Непростой зверь этот Ихневмон. Часовщик вот еще есть...к нему хорошо забрести, часы сверить, правильно ли идут. Беглый появился недавно, про котов и людей все понимает. И еще.. нет, это лучше к Левконое зайти и там всех стОящих людей найти, у нее не кладовка, а сундук времен и типажей.

На сайт с изображениями неба тянет.. Котам до неба обычно дела нет, но если лечь в траву

животом вверх, заложить руки за голову, зрачки в линейчку сузить и смотреть на облака...смотреть.. многое может привидеться...

Опять же, если вдруг слово сказать хочешь в чужом ЖЖ, все ж таки приличнее назваться, а не анонимом прослыть.

Даже если бедняга хозяин в ответ зайдет сюда - и на кошачью задницу наткнется, которая уже год ни гу-гу. Сюда ни птица не летит, ни зверь нейдет...Какие френды у кота? Кот - одиночка, только по весне в ассамблеях принимает участие. Но до весны далеко.

Ага.

Вот так и буду ходить молча по ЖЖ, ума и впечатлений набираться, тихо исчезать безо всякой вредности, как усмешка чеширского кота, а здесь на всякий случай останется место для отстоя возможной мысли.

Dixi.

Tuesday, January 11th, 2005

ХРОНИКИ

Юра, неужели величественное dixi! Вы приняли за призывное мяуканье кота в преддверии весны?:) Не смею отмолчаться в ответ на Вашу диверсию, не сомневаясь в благих намерениях. Если Вы уже знакомы с некоторыми эпизодами, так Вам и надо.

Все началось с хлопот кота вокруг груды хлама на балконе. Мы решили, что он намекает на беспорядок и поклялись ему начать уборку с понедельника.

Опоздали.

У нас завелась мышь. Надо полагать, влезла через открытое окно.

Кот нервничает, волнуется хвостом, бдит по разным местам: очевидно, мышь меняет позиции.

***

Ночью мышь гремела сухарем внутри плиты на кухне. Кот бился о плиту, как мадам Грицацуева, а потом ушел спать.

Не понимаем, что делать: мышеловку поставить – коту, как минимум, лапу отдавит, отраву подложить - тем более невозможно. Запаха мышиного нет, следы с трудом обнаружили рядом с обпиленным сухариком в поддоне плиты, при этом мы с теткой ползали на коленях, сталкиваясь головами и путая очки – близорукие и дальнорюкие.

БНБ на меня сердит за вечные причитания по поводу отсутствия у кота друга. Теперь есть.

У всех.

***

Мышь кайфует: вода в кошачьей миске, еда с витаминами рядом. Зеленого овса в ящике на балконе полно. Санаторий.

Надеюсь, она не на сносях, во-первых, и не будет настаивать на воссоединении с оставшейся на воле семьей, во-вторых.

***

По всему дому топот, а потом раздался теткин вопль: ты кого принес?! Кот от удивления пасть отверз и мышь, понятное дело, упустил. Снова топот, но чем дело кончилось – неясно. С мышью. С теткой кончилось валерьянкой. Коту валерьянка пофигу. Он от кофе и шоколада балдеет.

***

Наутро мыши в округе нет, кот переполнен гордостью, однако неизвестно, съел он ее или заткнул куда про запас.

***

Оказывается, он просто вогнал ее в стресс. Два дня она где-то молча приходила в себя, а потом опять что-то захрустело под плитой. Кот нервно поглядывает в ту сторону, о тетке уж и говорить нечего. Ждем, чем дело кончится. Мышеловку под шкафчик у плиты я не даю поставить. У меня есть тайная надежда, что все станут дружить.

***

Следующей ночью кот дождался мышинового выхода на простор и радостно стал гонять несчастную по квартире. Догонит - отпустит. Зрителем была тетка, взгромоздившаяся на спинку дивана, поскольку ареной была ее комната.

Мышь была целой, но совершенно затурканной. Когда она замирала в обмороке, кот всячески понукал ее к действию: царапал рядом с ней пол, подталкивал лапой без когтей, мягкая при этом совершенно беззлобно и даже просительно.

Наконец, рассердился, врезал ей по корпусу от всей души, отчего мышьяная душа отлетела вместе с телом в прихожую. Там их пути разошлись. Тело осталось лежать, а душа унеслась прочь, в какого-то беднягу вселяться. Кот отсидел над усопшей почетным караулом, уже не трогая: что-то понял или пытался понять.

Утром был задумчив.

Разумеется, ритуальные действия совершила тетка, ворча и соболезнуя мыши и себе.

Хорошо, что мыши в доме теперь нет, следовательно, и хлопот лишних нет.

Друга тоже нет, однако.

Я чувствую себя Пилатом.

ЖЕНЬКА И JANET

Женька давно мечтал о звере в доме.

Собаку нельзя, говорила ему мама. Собаке простор нужен, а двор неогороженный, машины ездят близко... Женька вздыхал и соглашался.

Кота брат тоже резона нет: если надо уехать в отпуск, дома его одного не оставить, и собой в лес не возьмешь. Убежит, потеряется.

Женька невесело принимал эти возражения: действительно, какой же резон в лесу кота терять... Но от мечты своей не отступался, он человек целеустремленный. А вот и день рождения скоро:

чего тебе , Женька, получить в подарок хочется?

- А хомяка можно?

- Хомяка?.. Уловил паузу, заторопился: ну пожалуйста, пожалуйста, hamster (Женька сейчас живет в Америке и иногда путает русский с английским) маленький, пушистый, может жить в клетке, никому мешать не будет, его и возить с собой можно. Женька в волнении сжимает перед собой руки и проникновенно смотрит в глаза.

Ну что ты будешь делать.

Теперь уже мама вздохнула - сама напросилась - и согласилась. У нее в детстве жил хомяк, ему разрешали прогуливаться по обеденному столу и воровать бумажные салфетки, заталкивая их обеими руками в защечные мешки. Хомяк этими салфетками утеплял свою клетку. Действительно, хлопот с ним было мало.

Папа и старший брат тихо мечтали именно о коте, но ведь нет резона, они и вздыхать даже не стали. Собрались и поехали в зоомагазин. Где хомяки?

А нет хомяков, извините, на сегодня хомяки закончились. Зато полно котят: обезбложенные, обесклещенные, стерилизованные, даже с вывешенными около клеток характеристиками психолога. Сам кошачий психолог прохаживается рядом, приглядывается к возможным покупателям.

Тут надо сказать, что Женька так любит своего брата, который на целых два года старше, что нуждается в ком-то младшем, чтобы почувствовать, как это - быть старшим и любимым. Это нам с вами сложно понять, а психолог все правильно понял. Показал нескольких веселых малышей, дал с ними поиграть, а уговорил на застенчивую четырехмесячную Janet, которая нуждалась в любви и ласке. У нее было трудное раннее детство. Против трудного детства и мама не устояла.

Вопрос был решен.

Женька не только целеустремленный, он еще и ответственный, чего о любимом брате не всегда скажешь. Брат - натура такая творческая, что запаса его ответственности на все не хватает. А у Женьки хватает. Поэтому кошка теперь живет у него в комнате, осторожно похрустывает, когда захочет, своими сухариками, запивает их свежей водой, которую Женька не забывает менять, что-то мурлычет ему перед сном, кошачьи сказки рассказывает, а когда Женька засыпает, тихо уходит – куда, как вы думаете?

Ну да, к маме! Janet хорошо помнит, чье слово было решающим в ее судьбе, и спит рядом до утра. И, кажется, это маме нравится.

Janet не забывает и папиной счастливой улыбки, когда он нес ее в клетке из магазина к машине. Каждое утро она провожает его на работу, сидя на подоконнике, и не уходит оттуда, пока он не помашет ей на прощанье рукой. Брата Janet немного стесняется, ей неловко, что она Женькина - так получилось, и, когда брат ее гладит, она подставляет ему шейку и одновременно смущенно отступает, отчего становится чуть ли не вдвое длиннее и тоньше.

Лучше всего она чувствует себя с Женькой. Когда он держит ее на руках, они похожи на изображение Мадонны с младенцем. Младенец без волнения смотрит в будущее, и Мадонна совершенно счастлива, история ведь не всегда повторяется.

ГРАФОМАНСКОЕ ЛИРИЧЕСКОЕ

Когда-то мне хотелось написать вещь, которая состояла бы из одной бесконечной фразы. Попытки были ужасны. Редактор в Ворде зеленел, его тошнило, он все время просил что-нибудь сократить, разделить или убрать. Я шла ему навстречу, и с трудом и без особенного успеха старалась избавиться от лишних деталей, синонимов, шипящих причастий, от неряшливой спонтанности - отличительных приемов графоманов.

От подлинного графомана меня отделяла только лень (моя, конечно).

Потом я поняла, что читатель, как и слушатель, не нуждается в подробностях. У него есть свое воображение, которому необходим всего лишь толчок - удачное слово. Если такое слово есть, оно включает цепь ассоциаций. Тогда человек или понимает прочитанное или услышанное, или представляет, как кадры из фильма. Если автор и читатель – люди левополушарные, им легче соответственно изложить и понять. Если правополушарные – изобразить и увидеть.

Если же на этом перекрестке встретились личности с разными доминирующими полушариями, может возникнуть непонимание, губительное для автора. Читатель зевнет и перейдет на другую страницу.

Вдобавок ко всему, я не могла и все еще не могу избежать неприкрытой графоманской чувствительности, что кажется чуждым моему фенотипу и вызывает молчаливое изумление друзей и близких.

Кончилось тем, что иногда я позволяю правому полушарию развлечься зарисовками. При этом я заметила, что левосторонний рудимент закономерно требует логических выводов и обязательно вылезет последней фразой текста, напоминая заключительную запись в истории болезни. От этого произвольного и даже императивного приема я не могу избавиться, как преступник от почерка совершаемых им преступлений.

Мои первые опыты были выложены когда-то давно под другими никами на страницах доброжелательных, весьма снисходительных, спасибо им, сайтах, куда я теперь и заглядывать-то не решусь.

Но коварные пиарщики невольно включили мои ассоциации. Не знаю, хорошо ли это. Сидела себе у окна и шила гладью...

Первым я выложу тот текст, который мне хотелось написать одной фразой. Разбила, конечно, же на отдельные предложения. В тексте есть все перечисленные мною недостатки графоманского слога. А картинка живет в памяти, не стирается.

БРАТ

Каюсь, я многого не знаю, всего не охватишь, а что касается природы – биология не моя специальность, и я, городской человек, ценю и храню скорее впечатления, чем точные сведения.

Мне греют душу воспоминания о бархатной, неожиданно твердой спинке шмеля, приходящего в себя после зимнего холодного подземелья в первый горячий весенний день, такого слабого, что я осмеливаюсь к нему прикоснуться. О теплой мягкой морде ослика, один вид которого всегда вызывает у меня состояние дурацкого восторга. О внезапном голубом проблеске синичек-лазоревок на кормушке за окном или о розовой, подернутой пепельным дымком перелетной стае снегирей, окутавшей большой куст перед домом в конце ноября. О золотых глазах и тонкой глад-

кой коже зеленой лягушки, спокойно сидящей, как в сказке, на ладони моего старшего брата, большого любителя и знатока природы, давшего мне первые уроки любви и уважения ко всему живому.

Приезжая на каникулы, он брал меня на долгие прогулки. Невзрачная белая кашка оказывалась ядовитой цикутой, отвар или настой которой выпил Сократ. У смешного коротышки навозника, так неудобно, задом наперед, да еще и вверх ногами перекатывающего идеальной формы шарик своих запасов, была таинственная и увлекательная история скарабея, священного жука древнего Египта. С братом нельзя было рвать цветы на букеты, если до дома еще далеко: они завянут или даже выпадут из рук, тянущихся сорвать еще один, и останутся лежать на тропинке, никому уже не нужные. Зачем это, не рви, лучше возьми карандаш или краски и нарисуй, или просто запомни.

На его легких акварелях воздух был прозрачным, вода мокрой, а небо занимало почти все пространство рисунка, жило своей жизнью – закатное или рассветное, знойное полуденное, хмурое перед грозой, с голубыми просветами после дождя. У него были свои, особенные, отношения с животными.... продолжение следует

Я помню, как однажды рожала его обычная серо-полосатая кошка, взятая в дом женой, чтобы отвадить прирученную им же тайком мышь.

...Брат сидел на низком стульчике возле кошки, что-то тихо и серьезно ей говорил, иногда легко поглаживая, а она тоже серьезно и доверчиво смотрела ему прямо в лицо большими на осунувшейся веснучатой мордочке глазами, зная, что он не обманет ее доверия и не погубит ее детей.

Им нельзя было мешать, они вдвоем были заняты общей тяжелой работой, а потом оба отходили от пережитого, она – на чистой подстилочке, устало вылизывая котят, он – в кресле, откинув голову на спинку и задумчиво, даже отрешенно глядя в никуда, не сразу отзываясь на обращенные к нему слова.

Кошки этой давно уже нет.

Внезапно и тихо закончилась и его не очень долгая жизнь, так необходимая его горячо любимому мальчику, которому он все-таки успел передать все самое важное, что чувствовал и знал. Немного утешала мысль, что он вернулся назад в природу, из которой ненадолго приходил в чуждую ему мелочную человеческую суету.

В безмолвии, наступившем после отъезда бесполезных врачей, из-под диванчика, на котором остался лежать брат, выбрался совсем маленький незнакомый серо-полосатый котенок и неверной походкой на еще слабых ножках ушел в распахнутую дверь дома.

Заплаканный мальчик, что-то угадав в моем растерянном взгляде, сказал по-взрослому успокаивающе: нет, это просто чужой котенок, он зашел случайно, испугался шума и спрятался, а теперь идет домой.

Конечно, он был прав...

КОТЫ МОЕЙ ЖИЗНИ

Ночью было зябко, не спалось, и я, пытаясь согреться и заснуть, стала вспоминать наших домашних котов, которые еще не совсем ушли в густые заросли моей памяти. Оказывается, я не забыла даже тех, которые жили у нас в самом раннем моем детстве.

Жизнь кошачья обычно коротка, они уходят, не доживая до старости, оставляя в хозяйской душе чувство вины, благодарности и грусти, что не уменьшает почти маниакального желания по прошествии времени завести следующего.

Как на пламя горящего в ночи костра, как на струи воды на мелких перекатах прохладных речек, как на облака в высоком летнем небе, в кошачье лицо можно смотреть бесконечно, находя все новые подробности, понимание и собственное успокоение.

Возможно, любовь к котам - сублимация желания прижаться к теплому материнскому меху. Время в такие минуты терпеливо притормаживает, давая тебе возможность отдохнуть, отодвинуться от каждодневной суеты, научиться кошачьей способности абсолютно расслабиться, но миг собраться и ответить на любой вызов безошибочным действием.

Я постепенно согреваюсь и вижу, как их мягкие лапы ступают по моей жизни, как по разрозненным листам зачитанной книги. На пожелтевших страницах постепенно проявляются разнообразного окраса физиономии, об их деталях можно слагать песни. Японская туманность, размытость контуров, импрессионистское свечение шерстинок в солнечном контражуре... Свет слепит, смыкаются веки...

Ну, вот они, коты моей жизни.

***

Васька, самый первый, пришел сам уже взрослым, повел себя солидно и запомнился моим родителям тем, что реагировал на слова, как собака, т.е. не прикидывался дурачком с остолбенелым взором, а делал то, что просили, сразу и с пониманием.

Он покинул дом так же необъяснимо, как и появился, выполнив свою благородную миссию: смягчил послевоенные родительские сердца и остался в них навсегда, неизменно присутствуя в разговорах об уровне кошачьего интеллекта. Мне кажется, что и я вижу, как он сидит на подоконнике и внимательно и несуетливо следит за тем, что происходит снаружи. Не могу понять, почему никому в голову не пришло посадить на форштевень корабля Кота, Вперед Смотрящего. В отличие от бездумно манящей в океанские волны женской фигуры он должен был бы внушать спокойную уверенность морякам.

***

Пунька. Его принесла в благодарность за помощь старая женщина, которую мама нашла на улице в обмороке, привела сначала в чувство, а потом к нам домой, чтобы откормить-отпоить. Женщина эта появлялась потом довольно регулярно с необычными подарками вроде огромной ветвистой грозди винограда или яблока размером «с голову ребенка». Помню, как поразило меня это медицинское выражение. В медицине надолго задержались образные определения размеров, введенные, как мне кажется, впечатлительными французами. Опухоль, например, могла быть величиной со сливу, с куриное яйцо, с кулак или, прости Господи, с голову ребенка. Думаю, новорожденного: хоть какая-то унификация. Рождались и микро- и гидроцефалы, но они, очевидно, в расчет не принимались. Уже на моей памяти доктора окончательно перешли с этой

кулинарно-анатомической системы на метрическую.

У Пуньки был коротко купирован хвост. Скорее всего, его откусила в азарте погони собака, но старуха объяснила это иначе: укоротили, чтобы вопросительно загнутый кончик хвоста не падал в тарелку с супом, если кот ходил вокруг стола по лавкам. Ну, время тогда было несытое, возможно, и такая мера воспитания признавалась в рациональных крестьянских домах. Подарок прижился и исправно ловил мышей. Пуньку кто-то сманил и унес за синие леса.

***

Пуська. Прелестный полосатый котенок с яркой мордочкой, радостный, игривый.

Судьба настигла его в виде сорвавшейся с цепи соседской собаки, которая в бешеном беге схватила мимоходом Пуську за голову, трянула, выронила и исчезла навсегда. Мама высаживала рассаду цветов, я стояла рядом. Пуська отвлек от нас внимание собаки, как с волнением потом говорили взрослые. В слезах мама стала делать котенку камфару, массаж, всячески старалась оживить, но ничего не помогло. Ну а нам пришлось вынести серию уколов против бешенства, потому что собака перед исчезновением отказалась от еды и питья, а это считается плохим признаком.

***

Оська, белый с серыми пятнами. Назвали его так потому, что он любил ласково бодаться и напоминал маме знакомого ослика. Она очень боялась, что и этот пропадет, что его украдут, убьют, и разрешала сидеть на подоконнике открытого окне только с поводком, закрепленным за шпингалет. Его украли вместе с обрезанным поводком. Мама успела написать маслом Оськин портрет, на котором он лежит, уютно свернувшись, светится белой шерсткой и ясными глазами на фоне темно-красной подушки.

***

Кока. Тоже светлый и пятнистый. Он так громко и мелодично мурлыкал, что был назван в честь известного молдавского композитора. Несмотря на почетное имя, отличался очень простым нравом. Был замечен в воровстве мяса прямо из кастрюли на плите. Чтобы не обжечься, он сжимал кулачок, выставя один коготь и - эть! – лихо вынимал кусок из горячего супа.

Я с интересом за этим следила, воровству не препятствуя, естественно. Охотником Кока был азартным и успешным, он приносил мышей к порогу входной двери и укладывал рядами, ориентируя головами в одну сторону, возможно, на восток. Упорядоченность серых безжизненных тушек угнетала. Он жил охотой и однажды, крепко заснув рядом со мной, во сне вдруг затрясся, заурчал и вцепился в мою руку выше локтя всеми руками, ногами и зубами. Ему, очевидно, привиделось, что в лапы попала аппетитнаямышь. Я после этого ходила с глубокими отметинами на руке, кошачьи царапины долго не заживают. К сожалению, когда нам пришлось переезжать в другой город, Кока вырвался на первой же остановке из машины и убежал, не оглядываясь. Наверное, вернулся в свои охотничьи угодья. Все очень расстроились, я до слез, потому что уже достаточно подросла, чтобы понимать и чувствовать зверя и осознать потерю.

***

Фанфан-тюльпан, просто Фаньчик. Так его назвал папа, которого умилял и смешил вид крепкого тыла уходящего по садовой тропинке кота с высоко поднятым на манер плюмажа на шляпе хвостом: экий фанфан-тюльпан! Хороший был кот, полосатый, неглупый, очень свободолюбивый, я бы сказала, типичный, правильный. Уходил и возвращался через форточку, когда хотел, никого не беспокоя. В доме был ласковым, спал рядышком, мурлыкал, играл бумажками, клуб-

ками ниток. Мышей к тому времени перевела санэпидстанция; на кого он охотился по ночам и с кем встречался, было неизвестно. Он жил просто и счастливо. Привыкнув к свободе, Фаньчик не перенес нашего очередного переезда. В новой квартире на другом конце города он часами стоял на задних лапах у окна, упершись передними в стекло, жадно смотрел на улицу, на котов, на кошек и – не выдержал, сбежал через месяц. Мир перевернулся. Были долгие слезы и клятвы никогда не брать в дом животных, потому что сердце рвется, когда они пропадают или погибают.

***

Кисуса (я начала учить латынь) мне принесли в бумажном фунтике, таким он был маленьким. Черный с белой манишкой, пышными белыми усами на черных пупочках и в белых перчатках, он походил на дирижера. Это был мой кот! Он любил сидеть, опершись спиной о подушку, вытянув задние лапы, совсем, как человек. Иногда в такой позиции он захватывал обеими передними лапами хвост, подносил к морде и рассеянно вылизывал кончик, иногда надолго задумывался, но хвоста из рук не выпускал. Постепенно Кисус совсем очеловечился.

Однажды он рассчитывал поужинать, но погасло электричество, и на его нетерпеливое мяуканье мама сделала ему выговор. В ответ прозвучала длинная ворчливая фраза, абсолютно повторяющая мамину интонацию. Мы расхохотались, свет зажегся, а кот остался стоять, упрямо уткнувшись лбом в холодильник. Он свободно выходил во двор и погиб на четвертом году жизни во время какого-то санитарного рейда активистов ЖЭКА, пропади они все. Полным пропадом.

***

Филя. Кот - легенда. Я получила его в подарок от жены очень известного министра, который впоследствии плохо кончил. Жена его писала диссертацию, а руководителем был отец моей сокурсницы и подруги. Я нарисовала для диссертации пару схем, за что меня наградили котенком от роскошной министерской кошки.

Котенок отличался необыкновенным окрасом: серебряно-сиреневый дым с размытыми темными полосами. Голова у него была изящная, а шерсть постепенно удлинялась к хвосту. В пышном подшерстке волновались и переливались перламутром более светлые оттенки, от которых падали в обморок окружающие кошки. Характер у него был замечательный. Никакой агрессии.

И чадолюбие Фильки было необычным. Он не стеснялся помочь своей очередной подруге воспитывать детей, заботливо сидя над ними в отдаленном уголке двора, пока кошка уходила поесть и размяться. Папа перед Филькой просто стелился и, когда утром впускал его после ночной прогулки в дом, приговаривал приторно-ласковым голосом: «Филечка хочет фаршику!» Они вдвоем спешили к холодильнику за «фаршиком», очень довольные друг другом.

С мамой кот ходил в магазин, вернее, доводил ее до угла, но дорогу не переходил, сидел и ждал, а потом они возвращались, степенно беседуя, так казалось со стороны. Во всяком случае, мама ему точно что-то рассказывала и даже иногда делилась какими-то сомнениями, я иногда подслушивала их беседы. Замечательно было зайти во двор и увидеть вылетающего из кустов, чтобы тебя встретить и довести до двери, кота. Филька был известен всей округе, соседи звонили в дверь, когда он хотел войти в дом, собаки его не трогали, он везде был своим. Сволочи – санитарные активисты успели и здесь. Филькиной пропажи родители уже не могли забыть и больше никогда котов не заводили. Но еще долго, проходя близкими дворами, папа волновался, увидев колеблющийся в вальяжной походке серо-перламутровый хвост: «еще один Филькинзон!» Это он так называл Филькиных многочисленных потомков. Филькин поясной портрет, на котором он и сам выглядит министром или генералом, только без орденов, всегда висел в папиной комнате на стене. И сейчас у нас висит.

***

Кис. Просто Кот. Главный кот нашей жизни. Он прожил 23 года и можно сказать, воспитал нас и нашего сына. Кис встречал всех у входной двери, становился на задние лапы и протягивал передние, как ребенок, который просится на руки. Его надо было обязательно взять за подмышечки, поднять, прижать к себе, вдохнуть запах чистого теплого меха и замереть от удовольствия. Только после этого можно было проходить дальше, иначе он недоуменно и даже обиженно трогал вас лапами, напоминая о себе.

Появление его было связано с приключениями. Его матерью была необычная черная кошка Зита, помесь сиамки и огромного черного кота породы «голубой шартрез». Завидую тому, кто знает, что это такое, я всегда думала, что шартрез – это ликер. Зита полюбила полосатого бродягу, и у нее родились два котенка: крупный полосатый и бездыханный черный. Человеколюбивая тетка сделала ему искусственное дыхание, привела в чувство и оставила жить. Он рос совершенным заморышем, потому что Зита занималась перспективным братом. Вот этого заморыша я увидела, когда ему было не больше трех недель.

Он застенчиво жался в уголок, чувствуя нелюбовь матери. Я взяла его в руки – и пропала. Его шкурка была необычной наощупь: не младенческий пух, а мех, немного шершавый, плотный, как войлочек. Цветом и выражением лица он напоминал прогрессивного африканского деятеля и одновременно - чертенка, у него даже реденькая бородка была намечена. Никогда раньше не видела бородки у котов. Дело было решено, я его забрала. Но дело-то было в Киеве.

Мне надо было сначала довести его из Дарницы на метро до автобуса, потом автобусом до Пущи-Водицы, а назавтра мы с сынишкой и друзьями возвращались к себе домой – автобусом, метро и поездом.

Дорога превратилась в Виа Долороза.

Тихий в родном доме, котенок начал верещать сразу же, как только мы вышли из подъезда. Он верещал, не переставая. Он не мог, не должен был так кричать! Ему нечем было так кричать! Ему было от силы три недели! А у нас не было денег на такси, мы обреченно зашли в метро и постарались пройти к эскалатору. Ага. На душераздирающий кошачий ор выскочила из-за стойки контролерша с необъятным бюстом и собственным криком – буквально, честное слово!: «Котам нельзя! С котами нельзя!»

Увидев, кого мы везем, она остолбенела: «ото такие кошенья так орет? А ну дай!» Кошенья тут же оказалось на бескрайней горизонтальной теплой поверхности и замолкло - как выключили. Подошел милиционер. Я готова уже была подарить это несчастье сердобольной тетке, но она вдруг лихо сунула его мне за пазуху и подтолкнула нас к служебному проходу. Милиционер отвернулся.

Как только мы оказались на эскалаторе, кошачьи вопли, резонируя, заполнили все подземное пространство. Голова котенка высунулась из горловины свитера, со стороны этого не было видно, и мимо меня на встречном эскалаторе вверх проезжали вытарашенные очи киевлян.

На перроне ко мне кинулась очередная дежурная, но одновременно подошел поезд. Я схватила за руку ребенка и раздираемая, как печень Прометея, острыми коготками, рванула в вагон. Поезд тронулся, я готова была тронуться тоже, потому что крик звучал безостановочно. В дальнем конце вагона веселые студенты стали скандировать: «не мучьте животных!». Боже.

И в автобусе продолжалось то же самое, я теряла рассудок. Когда мы с сынишкой, еле передвигая ноги, вошли во двор, хозяин квартиры, которую мы снимали, недоуменно спросил: зачем вам ЭТО? Сейчас сезон, я хоть десяток нормальных котят дал бы.

Но черное недоразумение с торчащими ушами, еще не спрятанными коготками, с нелепой бородкой, рахитичными лапами вошло не только в мою печень, но и в душу.

Ночью он спал, в дороге до вокзала верещал, а в поезде снова замолчал, когда я его положила на чистую постель. Так и спал, смирившись ли, уставши ли от переживаний, всю дорогу. Проводница, увидев вытянутую на белой простыне пятнадцатисантиметровую (с хвостом) модель африканского дятеля пополам с чертовщиной, перекрестилась и не возникала с претензиями.

Он вырос красавцем, его мех напоминал мех норки (шестьсот рублей! – комментарий нашей одной знакомой, знающей толк в меховых воротниках), на солнце он отливал красно-коричневым, его очень большие глаза светились, как у польской красавицы, а в темноте их отблеск был не зеленым, а голубым.

Вот почему «голубой шартрез»!

Все свою долгую жизнь он не хотел выходить на улицу, боялся ее смертельно, помнил детские переживания. В полугодовалом возрасте мы решились его усечь, боясь очередной кошачьи пропажи. Повезли на такси к ветеринару. Кот в машине не усидел на руках, вырвался и застыл у заднего окна, изображая собой черную пантеру. Наш водитель ехал, чуть не свернув себе шею, все оглядывался назад. Это еще ничего. Водители проезжавших машин в изумлении притормаживали, стараясь рассмотреть, кого мы везем. Аварии не произошло только случайно.

Операцию под местной анестезией кот перенес стойко, я попросила не засовывать его в позорный ветеринарный мешок головой вперед, завернула так, чтобы он мог видеть окружающее и контролировать ситуацию. Когда ветеринарша быстро, почти незаметно, сделала необходимое и взяла тампончик с йодом, он дернулся, и она с замечательной интонацией детского доктора произнесла: «тихо, тихо, тетя только смажет йодом, больно не будет». Я ей за эту «тетю» благодарна по сей день.

Он пережил с нами много событий, любил спать у плеча, обнимая лапой за шею, он скрашивал нам трудные минуты, разделял с нами счастливые, стоял вратарем на воротах, ловя в высоком прыжке теннисный мячик, играл в догонялки с детьми, никогда никого всерьез не расцарапал. В случае семейных размолвок он был лучшим миротворцем. Тот, кто в конфликте сохранял большее хладнокровие, произносил: «а кот сегодня...»

- Что кот?

Рассказывалась очередная история, и мир восстанавливался мгновенно.

Он выдержал двухлетнюю совместную жизнь с ручной крысой Кристофером Робинотом, но дружбы не получилось из-за резкого, я думаю, нечаянного, выпада крысенка при знакомстве. Кот отпрянул, это выглядело отступлением. Ущемлять его самолюбия не хотелось, и сферы влияния были разделены по вертикали. Если Кристофера спускали погулять на пол, кот сидел на подоконнике или брезгливо уходил в другую комнату. Если же крыс занимался своими делами в домике на другом подоконнике, кот восстанавливал свои права на всю территорию.

Прыгать он умел лихо и любил показать себя, когда кто-то приходил: прыгал, доставая лапой до выключателя. Прыгал на балконе, стараясь поймать ночных бабочек, которые вечерами металась вокруг горящей лампочки под потолком. На возглас: «Кис, муха!» начинал вертеть головой, смотря вверх, как зенитчик. Однажды в наше отсутствие залетел воробей, и воздушный бой был им проигран, судя по разбросанным по всей квартире пестрым перышкам и даже следам борьбы на стене чуть ниже потолка. Жаль, мы бы его выручили, воробьи – это «тоже люди, только рубашка другой».

Он прожил замечательную жизнь, дожил до мафусаиловой старости и почил в Бозе в ночь под Новый год. Эх, много можно рассказать про Киса, не следовало бы комкать его историю, но я уже засыпаю, спасибо череде замечательных кошачьих фигур, согревших душу.

Последнее, что я осознаю перед сном – приятную тяжесть, внезапно возникшую в ногах. Она осторожно перемещается вдоль моего тела, я все отчетливее слышу мурлыканье. Ага, нас почти-ли вниманием и заботой. Теперь только бы не пошевелиться, чтобы не спугнуть, чтобы не сгинул, прыгнув в сторону, потому что это пришел своенравный и решительный нынешний глава нашего прайда, на первый взгляд такой серый, такой обыкновенный...

Мы засыпаем....

Saturday, March 12th, 2005

ВЕСНА И ДУРНЫЕ ПРИВЫЧКИ

Все-таки весна.

Снег, метель, но на следующий день синее небо, яркое солнце, синие саврасовские тени на снегу. А еще через денек - снега нет, только сухая промерзшая земля.

За одним окном в развилке дерева непривычно сосредоточенные знакомые сороки ремонтируют подрастрепавшееся на весеннем ветру гнездо.

В другое с близкой ветки каштана заглядывает плохо причесанная сойка, сияет синими же, с белой оторочкой, праздничными шевронами на крыльях.

А вот и снегирь: солидный помаранчевый животик, серая спинка, черная католическая шапочка. Я замираю.

Кот тут как тут: взмывает пунктиром, подбородок его трясется, уши прижаты, даже щеки пытаются распластать, чтобы стать незаметнее. Снегирь и не смотрит в нашу сторону, собирает на крыше в метре от окна кленовые семена, задержавшиеся с осени в черепице. Улетел.

Мы с котом перевели дух.

Он приводит в отчаянье совершенно сознательными шалостями: выковыривает кнопки из многочисленным свежих чертежей, развешанных на кульмане и стене, с дребезжанием гоняет их по квартире, прячет в обуви и наслаждается криками жертв. Застигнутый на месте преступления, делает кокетливый кувырок через голову, валится на бок, косит веселым глазом.

Дверь закрыть невозможно, он с дверью справляется. Утром на чертежах следы когтей и зубов.

Дрянь такая.

Wednesday, March 16th, 2005

ЗАГАДКА

Есть одна птичка- загадка, которая не дает мне покоя с детства.

Всегда, когда я слышу ее песню, состоящую всего из одного повторяющегося слова, которое она произносит с замечательной нежно-задумчивой, немного вопросительной интонацией, у меня сердце замирает.

Мне никогда не удавалось ее разглядеть, а попытки повторить мелодию вызывают судорожный смех собеседника, и все остается по-прежнему.

Недавно мне впервые удалось разглядеть ее: простенькая серая птичка с желтоватой полоской на крыльях. Просвистит - помолчит- снова просвистит. Насмотрелась я на нее, наслушалась, дома взяла определитель птиц. Щас, думаю, все станет ясным, да не тут-то было – то внешность не подходит, то песня по описанию не та. Ближе всего мне показалась ястребиная славка, но как раз про про ее песню ничего не написано, ну нет ответа, и все!

И пришло мне в голову, что если эту мелодию передать графически, она точно повторит эмблему спортивной фирмы NIKE : левая часть ниже, короче и толще, а правая стремительно утончается, поднимаясь вверх:

Фью-и-и-и-и!

Ну вот что за птица?

Saturday, March 19th, 2005

НЕБО

Весной и осенью особенно волнуют птицы в небе.

Неужели в нас еще живы гены птеродактилей? Где-нибудь в области нерасшифрованного "генетического мусора".

ЗА ЗАКРЫТОЙ ДВЕРЬЮ (ЧЕХОВ)

Из старого, графоманского, сложно-сочиненного и сложно-подчиненного, наштигованного прилагательными и причастиями. Эх, внимательнее надо Чехова читать! :):)

*К слову пришлось - специально для *tnz* вынута из черновиков и оставлено без правки.*

Незаметно для развеселившихся гостей он поднялся в кабинет, прикрыл за собой дверь. Слабость была такой сильной, что пришлось

сесть на стул у маленького столика, уставленного фотографиями. Солнечный свет еще освещал и оживлял комнату, проходя через цветные стекла незатейливого витража в верхней части окна, добавляя надежды.

Но солнце быстро садилось, скоро начнет смеркаться, и только на западе над морем будет долго сохраняться зеленоватый свет. Улыбка покинула его заметно похудевшее и постаревшее лицо. И следа не осталось той почти женской мягкости черт, которая в молодости казалась простонародной. Болезнь развивается быстро и уже отражается не только каждое утро в зеркале, но и в скрыто-внимательных и соболезнующих взглядах собеседников. Время сжимается. Он перестал сдерживать природную назидательность и настойчиво дробил на мелкие советы свой основной рецепт: делайте себя сами! Прекратите ныть, заламывать руки, закрывать глаза на настоящее, сожалеть о прошлом, о том, что родились и живете не там и не тогда, трудитесь, не давайте зарастать вишневым садам.

Поздно. Никто не услышит этих простых слов. Всех увлек, захватил нарастающий крик горьковских героев с вязкими взаимными обидами и обвинениями, героическими поисками злобной, жадной справедливости, хватанием за грудки, с пафосом недоучек.

Ведомый талантом, самолюбием, врачебной наблюдательностью, он методично, шаг за шагом поднимался и рос, а в результате достиг слоя, который на поверку оказался собранием никчемных, теряющих себя и друг друга, зачем-то образованных людей.

Эти люди говорят не то, что думают, думают не так, как говорят, сознают собственную никчемность, мучаются ею, надолго уезжают жить в чуждых размеренным порядком заграничных отелях или стреляются в смертной тоске. Они покорно исчезают вместе с матовыми абажурами, креслами-качалками, фотографиями на стенах, лунными пейзажами, с долгими разговорами за обеденным столом.

Их ведет стремление спрятаться, убежать куда угодно: в Москву, в прошлое, в... за границу, в жизнь, сделанную и налаженную кем-то другим.

По сути, пафос рассеянной, невнимательной всеобщей любви, не подкрепленной простыми попытками помочь ближнему, так же неуместен, как бессмысленный пафос горьковских бунтарей.

Уходит, как вода в песок, потрясающая интеллектуальная сила, не желая ни к какому созиданию приложить руки и предпочитая накладывать их на себя. Ее место занимает еще не совсем понятная энергия, которая несет трезвую и опасную способность рубить под корень все подряд, освобождая место для...

Внизу раздался взрыв смеха. Он встал, подошел к окну. Кроны молодых деревьев на маленьком участке у дома еще просвечивали насквозь. Что здесь будет через десять, двадцать лет? Сто? Хотелось заглянуть в будущее, увидеть, что же на самом деле сулят нынешние перемены.

Не успеть. Никаких надежд, остались одни обязательства. Даже от любви он всегда прятался, понимая, что любовь забирает человека без остатка.

Уже спускаясь по лестнице к гостеприимному столу под белым матовым абажуром, он поймал себя на мысли, что и сам родился не там и не тогда, и усмехнулся.

Где же это- там? И когда - тогда?

ПЛОХОЕ НАСТРОЕНИЕ

Кот может недовольно насупиться: верхние веки приспущены, в посветлевших глазах едва заметны узкие зрачки. В глаза собеседнику не смотрит, отводит взгляд, как чиновник, который ждет взятку, но не снисходит до просьбы.

Может, оказывается, и нахмуриться, тогда вертикальные черточки буквы М на лбу сближаются. В хорошем настроении расстояние между ними явно больше. Проверить рукой, образуются ли при этом складки кожи, не удастся: клиент уворачивается.

Может провоцировать конфликт: сидит, опустив голову, плотный гладкий хвост вытянут максимально и неподвижен. Виноват тот, кто позволит себе пройти ближе, чем на полметра. Происходит хватание зубами за ногу. Молча. Если через хвост попытаться переступить - то же самое, только с возмущенным вскриком. Вскрик, впрочем, сдвоен.

Цель этих демонстраций в углу кухни ничтожна: ему хочется свежей еды, но никто на это не обращает внимания. Та, что уже лежит в лоханочке, не нравится. Не нравится, вам говорят!!!

Sunday, April 3rd, 2005

Сага? Детектив?

Время действия: где-то в другой жизни, но в близкие нашим дни.

Место действия: кабинет Гекзаметра. Окна закрыты плотными шторами, сквозь щели пробиваются яркие лучи солнца: то ли полдень, то ли юг.

Действующие лица.

ПОРТРЕТ ПТЕРОДАКТИЛЯ, основателя рода. Написан с натуры еще в досиллабические времена.

ГЕКЗАМЕТР, глава семьи. Седой, грузный, неторопливый, ироничный, даже в эти немолодые годы интересный. Взгляд редко в глаза, но наповал. Что-то среднее между Габеном и Шароном.

СТРОФА, его супруга, во всем облике – следы былой красоты (одической, как почтительно отметил один из старых поклонников) и тонкой нервной организации, что добавляет ее речи оттенок приподнятости. У них два сына. Сыновья хорошо воспитаны, уступчивы. Недостатки восполняются достоинствами жен. Семья младшего сына живет в доме родителей.

АМФИБРАХИЙ, старший сын.

СЕКСТИНА, его жена, обладает твердым характером и четкой, размеренной речью.

ДАКТИЛЬ, их сын, в юности любил летать на дельтаплане, романтик. С возрастом немного остепенился.

ГАЗЕЛЛА, их дочь, родилась после романтического путешествия родителей в Персию.

ВЕРЛИБР, жених Газеллы. Непонятно, откуда взялся, ведет себя вольно, что всех, кроме Дактиля, шокирует. Гекзаметру интересен.

АНАПЕСТ, младший сын.

СИНТАГМА, его жена, во всем любит порядок и раздражается, если его нарушают.

ЯМБ и ХОРЕЙ, их дети, двойняшки. Им уже по 20 лет, но они резвы и вездесущи, как подростки.

АНАКРУЗА, вдова, племянница Гекзаметра, дочь его покойного брата Пентаметра.

АССОНАНС и АЛЛИТЕРАЦИЯ, дети Анакрузы, очень дружны между собой, говорят и смеются одновременно. Музыкальны.

КЛАУЗУЛА и ЦЕЗУРА, сестры Анакрузы, старые девы. Их путают, хотя никакого портретного сходства нет. Из-за этого с ними вечные недоразумения.

СТОПА, воспитанница. Миниатюрная, хорошенькая, живет в доме с младенчества. Никто не помнит или не хочет помнить, чья она дочь. Воспитана вместе с Ямбом и Хореем, на год моложе их.

СПОНДЕЙ, влюблен в Стопу. Чем –то симпатичен Гекзаметру, потому принят как потенциальный жених. Неясно даже, отвечает ли на его чувства Стопа. Двойняшки относятся к нему с иронией, остальные отмалчиваются.

РИФМА, воспитательница Ямба и Хорея. Рассеянна, не всегда точна, привычна всем, как немодная, но удобная мебель. Ее мнение никому не интересно. С готовностью исполняет любое поручение или просьбу, но помыкать ею никому не придет в голову. Во взгляде до сих иногда появляется мечтательность.

МОНОСТИХ, адвокат семьи. Держится с достоинством консерватора, как британский дипломат.

ЗАВЕЩАНИЕ дядюшки Катрена, последнего представителя боковой ветви рода со стороны Гекзаметра. Жил и скончался в Испании. Или в Италии...Или во Франции?..

Действующие лица постепенно появляются в кабинете, созванные главой семьи по просьбе адвоката. Об усопшем дядюшке никто ничего толком не знает, поэтому беседа идет ни о чем. Разговаривают каждый в своей манере, но недоумевают по поводу неожиданного сбора одинаково.

Основное действие начнется, когда все соберутся и адвокат огласит завещание.

Monday, April 4th, 2005

Скворцы прилетели.

Прилетели, хлопчут, выясняют отношения с риэлторами - воробьями.

Их свистом наполнено пространство.

Пролетные снегири исчезли, унесли свои прогрессивные "помаранчовые" тушки дальше...дальше..:)

Грачи, которые с нами зимуют, тоже откочевали севернее, скоро прилетят новые. Так и до соловья недалеко.

" Мне говорили, и слух этот мною проверен: в роще за городом снова запела свирель"

Весна!

МОЙ ФРОСТ

После того, как я впервые прочитала одно из стихотворений Роберта Фроста, первая его строка долго не давала мне покоя:

I have been one acquainted with the night.

Неожиданно я решилась на перевод, мне хотелось узнать, какими моими собственными словами отзовется фростовский душевный настрой. Мне бы прочитать у Новеллы Матвеевой:

*Если тебе не довольно света
Солнца, луны и звезд,
Вспомни, что существует где-то
Старенький фермер Фрост...*

Возможно, мне и новелломатвеевского отношения хватило бы, чтобы все понять, но я его не знала.

Иногда моей душе и впрямь не хватает звука камертона, тогда его заменяет как будто случайно, но на самом деле, вполне закономерно услышанное или прочитанное слово другого человека. Один из многих других - Р. Фрост, уводящий от суеты и смуты.

Спустя некоторое время я встретила в Интернете переводы тех же стихотворений, оказывается, их многие переводили.

Здесь выложен мой Фрост.

***

I HAVE BEEN ONE ACQUAINTED WITH THE NIGHT

Я был один, затерянный в ночи.
И только дождь меня сопровождал,
Когда оставил я постылый свет свечи.
Бессонный сторож взглядом проводил.
Там, за дождем, меня никто не ждал,
И слез моих никто не объяснил.
Я замер вдруг, когда далекий крик
Донесся через улицы и крыши:
Что, если не случайно он возник?
Но нет, там кто-то звал, но не меня,
Ответа моего он не услышит.
Лишь луч луны, из вечности светя,
Напомнил свет оставленной свечи.
Я был один, затерянный в ночи.

***

NEITHER OUT FAR NOR IN DEEP

Забыв про землю, стоят
Люди у кромки воды.
Пристален каждого взгляд:

Просят у моря судьбы.
Но мимо плывут корабли.
Чайка застыла у ног.
Влажным блеском своим
Двоит силуэт песок.
Так суждено: везде
И неизменно, как смерть,
Волнам стремиться к земле,
А людям в море смотреть.
Но в глубь им не заглянуть,
Вдали что - не угадать,
И сколько бы рук не тянуть,
Что видят, не удержать.

***

STOPPING BY WOODS ON A SNOWY EVENING

А тот, с кем я давно знаком,
Закрыв от стужи теплый дом,
Живет в деревне и не знает,
Что лес его, словно платком,
Метели хлопья укрывают.
Моя лошадка все вздыхает,
Легко бубенчиком звеня:
Зачем хозяин отдыхает
Вдали от теплого жилья?
Лишь шопот ветра за меня
И шорох хлопьев отвечают.
Ни зги не видно, нет огня,
И лес под снегом засыпает.
Хотелось бы и мне заснуть,
Но нам до дома долог путь.
Но нам до дома долог путь.

***

NOTHING GOLD CAN STAY

(считалка для взрослых, очень вольный перевод со сменой размера, "по мотивам":)

Природа щедра, но не навек.
И превратит времени бег
Зелень бутона в яркий цветок,
Жизни которого короток срок.
Алый рассвет погаснет потом,
Лист упадет вслед за листом,
Счастье бывшее сменит печаль,
Бронзу затаянет патины вуаль.

***

THE ROAD NOT TAKEN

В желтом лесу, у развилки дорог,
Стою, не решаясь ступить.
Выбрал бы обе,если бы смог.
В чаще теряется, полной тревог,
Первой дороги нить.
Как леди, прекрасна дорога вторая
И пышен травы покров.
И так же упрямо, как та, другая,
Зовет, моих шагов ожидая,
Но как мне ответить на зов?
В утреннем свете лежат предо мною,
Не видно нигде следов.
И та хороша, и пойти бы иною.
Обе укрыты желтой листвою,
Выбор свой сделать я не готов.
Со вздохом признаюсь я через года,
В самом конце пути -
Любую из них мог я выбрать тогда.
Я выбрал. Запутанной вышла она,
А мог и другою пойти.

Monday, April 11th, 2005

Не отпускает впечатление последних дней: в прямом эфире порывистый ветер перелистывает Евангелие на крышке гроба Папы Римского, а потом захлопывает обложку. Amen.

В повторах убран последний кадр. Очевидно, как излишне символический или даже пророческий.

Wednesday, April 13th, 2005

Прилетел соловей, два дня осматривался молча, сегодня начал пробовать голос.

Кормится на открытых участках земли, без травы: очень мелкие муравьи пооткрывали на свою голову ходы повсюду, даже на утопанных тропинках. Процесс явно пошел. Шмели проснулись, жук-солдат Петров снова ищет свою жену, жука-солдата Верку. Зацвели абрикосы, на каштанах крупные почки, у берез вот-вот тоже лопнет терпение, ивы прозрачно-зеленые.

Среди травы взбодрилась цветочная мелочь, фиалки раскрываются.

Скоро чихать начнем.

Tuesday, April 19th, 2005

Чиним-паяем, ЭВМ починаем (шутка прошлого века)

Несколько дней не было связи с сервером. Всю информацию только сороки на хвосте приносили.

Пришли серверные наладчики и почему-то стали раскурочивать компьютер, в этот момент сгорел порт клавиатуры. Естественно, пришлось покупать новую.

Причина обрыва связи была внешней, как оказалось.

Friday, April 22nd, 2005

Я стала приносить коту свежую шершавую траву, она не везде растет, срываю на работе и везу домой. Он балдеет от запаха зелени, настоящей жизни. Комнатный овес ему надоел. (Collapse)

Передними зубами получается только выдергивать травинки. Я боюсь, что поперхнет, держу крепко. Приходится ему отгрызать коренными: хрям, хрям - через мурлыканье, голова набок, тут сосредоточенность нужна. Я сочувствую и тоже невольно наклоняю голову.

Он с первого раза запомнил, что траву приношу именно я. И на мой звонок несется, сшибая всех, к двери. А сегодня я устала, отвлеклась и забыла, не принесла. Открыли дверь: у кота зрачки, как после атропина, внутри прямо двигатель работает, а травы нет! И вот оказалось, что невозможно зайти, обманув его ожидания.

Повернулась и побрела на пустырь у дома. Нашла нужное довольно далеко, возвращаюсь, поднимаюсь по лестнице, несу пучок "за зеленый хвостик". Принюхалась, мне тоже понравилось, хорошо пахнет. За один этаж до нашего услышала, как он за дверью звучит: шаги мои узнал. Тетка сказала, что и не отходил от двери. Ну, погрыз он травки, остался очень доволен, успокоился. Но это ж теперь не отвертись, так и носить все лето?

МОЕ ОДЕССКОЕ ЧЕРНОЕ МОРЕ (МОЗАИКА)

- Ну что, поедем на море?
- Опять? Не хочу на море, не поеду!
- Как это? Знаменитый теплоход, билеты, хорошая компания, юг, пальмы, солнце!
- Не хочу! Жарко, душно, толпа! ... пирожки жареные! Не поеду!
- Какие пирожки? Ресторан, бассейн, ночью плыть, днем стоять.

Ялта, Сочи, Сухуми-Батуми, Ботанический сад, магнолии! Море!

Не хочу. Было уже море, думаю мрачно.

Первый раз ехали к волнам, ветру, к парусу, белому и одинокому, зеленому простору, кораблям с обросшими днищами. К лунной дорожке, закатам и восходам, запаху - кажется, арбуза, да?

Любимый и зачитанный в детстве до потери страниц Станюкович, ироничный флегматик Гончаров на фрегате «Паллада», Грин, Паустовский, Конецкий, еще десятки книг - все готовили меня к встрече с морем.

Где-то на повороте вдруг открылся горизонт. Вышли из машины, и я по плоскому берегу завожено иду к воде. Простор! Свобода! Никаких препятствий взгляду: нет деревьев, стен, крыш, проводов и чего-то еще, что мешает смотреть вдаль. Вдоль неясной линии горизонта медленно движется еле различимый корабль. Корабль! Волны! Вот они – стараются дотянуться до моих ног. Касаюсь волны, она отбегает с легким шипением шампанского в бокале. Пробую на вкус. Ну конечно, горько-соленая.

Счастье обоняния, зрения, слуха, вкуса, осязания – сразу всех чувств! И еще шестого – сбывшегося предчувствия, предзнания.

- Ну что – ласково-снисходительный смех - поехали дальше?

Не хочется уходить от волн. Но сейчас приедем на место, остановимся, останемся, будем жить у моря.

Приехали, остановились, остались - батюшки! Батюшки!

Вялые от жары тела, невидящие или, наоборот, излишне пристальные взгляды. Женские и детские визги. Детский смех без промедления переходит в рев, когда не в меру расшалившееся дитя изловлено и нашлепано по мокрой попе: иди сюда! не ходи туда! мама сказала! И - кушай, кушай, кушай!

Добытые в тесной полуголой очереди, приникают на ходу к бело-красным северным животам липкие гроздья винограда. Сочатся соком персики, розово-лиловые круглые сливы, измятые переспелые абрикосы. Драгоценные плоды осторожно подносятся двумя пальцами с ярким маникюром к оттопыренным, чтобы не стереть такой же яркой помады, губам. Или к ротикую гарцующего в нетерпении и косящего в сторону прибора дитяти.

Апофеоз - огромные золотисто-коричневые измятые чебуреки, исходящие маслом и жаром, который может быть залит только пивом. Все это съедается и выпивается в огромных количествах прямо на пляже. Отворачиваюсь.

Море мелкое, плоское, заполненное кишением разноцветного загара и трикотажа. А где же свобода, простор, горизонт? Не разглядишь за сытыми телами. Не дождусь конца деловитого жаркого отдыха.

Хочется в зелень, к тихой, темной торфяной воде, к мелким дождикам. Хочется - до семейного разлада.

Влажный свежий воздух Прикарпатья. Ледяная мягкая вода водопадиков, под ними можно выстоять несколько минут, стуча зубами, но не простужаясь. Темное ночное небо, близкие подрагивающие звезды, между которыми с маниакальной устремленностью, легко отличимой от звездного кружения, проносятся спутники. Дымок костра, парное молоко, шуршание ежей в близких кустах.

Легкие желтые листики на чайной воде маленьких озер и нешироких речек под Выборгом, гранитные валуны, нагроможденные древней стихией и Маннергеймом. Прощальный холод мгинских болот, мохнатые кочки, красные от клюквы, лосиные следы, сбивающие с пути.

Оперение белее снега на шейке чистоплотной чайки, которая безбоязненно ходит рядом со мной по холодному песку Юрмалы.

Покрытая спелой земляникой душистая поляна под Лугой. Ночь в Пушкинских Горах в недостроенном срубе, северное высокое небо вместо крыши, плоские берега Сороти. Светлая часовня у могилы Пушкина, внутри на стене посмертная маска, расположенная на высоте его и моего роста: замечательное лицо, чуть склоненное в сдержанном приветствии.

Тишина.

Зачем шумная Одесса, зачем обманувшее меня море?

Была, была и Одесса...

Был равномерный, немного тревожащий своей неуклонностью – а вдруг море сейчас перельется через край? – ночной шум набегающих волн, притворное спокойствие розово-зеленой морской глади по утрам.

Были восходы и закаты, лунная дорожка, небо и море, сходящиеся вдали, как створки раковины. Между створками – розовая жемчужина солнца, которая погружается в водную зыбкость (чужие слова явно всплывают из глубин давно прочитанного, кто ж это сам придумает?). Белел в тумане парус одинокий.

Лучшими были счастливые дни похолодания, когда пляж пустел, а море темнело, всхрапывало пеной, честно показывая норы, мчались к нам по вернувшему цвет небу с милого севера тучки небесные, вечные странники.

Задерживались в памяти короткие кадры, укладываясь между листиками и валунами. Постепенно там находилось место и для Греческой площади, душноватого полумрака букинистического магазина, неожиданного ночлега в доме знаменитого моряка, его морской лоции в потрепанном синем переплете. Для тихих боковых улочек, непуганых кошек у ворот, улыбчивых стариков, холеных местных красавиц, одновременно томных и насмешливых.

Становился своим город. Но линия его пляжей, как Берлинская стена, разделяла нас с морем.

А вот и теплоход.

Знаменитый теплоход, белый, нарядный, большой. Исторические столики, на которых заклю-

чались судьбоносные пакты, гобелены на стенах гостиных, широкие лестницы, музыкальные салоны. Важнее пактов и гобеленов тихие прохладные рассветы, влажная чистая палуба, еще холодная вода бассейна. За бортом веселые спинки дельфинов цвета паюсной икры, того же цвета степенный хребет подлодки раздвигает воду на выходе из Севастопольской бухты. Черноморские волны непрестанно меняют свое настроение. Всего-навсего вода, но от нее невозможно отвести взгляд и невозможно запомнить все перемены ее фактуры - от лоснящегося сатина до растрепанного каракуля.

Поздно вечером оказываюсь на корме, у самого борта. Огни и музыка за моей спиной улетают вперед с попутным ветром. Мир затихает. Полнолуние. Зеленое сияние заполняет огромную полусферу надо мной, звезд не видно; опускаю глаза – слепят зеленым светом гребешки волн. Нет никого на свете, кроме луны, меня и двух бездн – моря и космоса. Мурашки по коже.

Нет разницы между мной и кем-то древним, который стоял на краю белых скал, один посреди вселенной, оставив за спиной шум леса, перешептывание дриад, рык зверя.

Над ним - залитая лунным сиянием бесконечность, под ним – отражением этой бесконечности морская бездна. От него до меня одно мгновение, я вижу его потрясенное лицо. Мы оба силится понять: откуда мы? Которая из бесконечностей породила нас?

Ветер поменял направление, заменил тишину музыкой. Наваждение пропало. Луна при-крылась услужливыми облаками, пространство сгустилось, потемнело и приблизилось к борту. Только близкие волны светились и подпрыгивали, поваливая бурунами. Опасливо отодвигаюсь от них, возвращаюсь к людям. Прав классик, море большое. Я для моря – песчинка, планктон, нет ему до меня дела.

Ошиблась, как оказалось.

На шестнадцатой станции, на стройке военного санатория служил ночным сторожем после разнообразных событий в казарме и трех месяцев госпиталя наш сын, взятый в стройбат из института. Ночью он спал (какой ночной сторож не спит по ночам?) в строительном вагончике на куче унизительного хлама, днем законно распоряжался относительной свободой и отсиживался в санаторской библиотеке, где без спешки, со вкусом прочитывал скопившиеся там саги и многотомные собрания сочинений. В вагончике тоже не обошлось без приключений, но уже менее опасных и носивших совершенно сюрреалистический характер. Я думаю, рано или поздно он сам обо всем этом напишет, оно стоит того.

Метрах в пятидесяти от хилого забора, который разделял этот сюр и весь остальной мир, раскинулось море широко. Медленно разворачивалась весна, и по пустынным пляжам бродили аморфными стаями собаки, еще не взбудораженные весенними играми. Наши почти еженедельные приезды скрашивали собачье существование и этих стай, и сына. Забирая его в увольнение, мы проходили долгие километры от станции к станции, нам было о чем поговорить. Собаки следовали за нами до границ своих участков, где мирно передавали следующим, как-то умея им сообщить, что в данном случае ненавистные солдатские сапоги неопасны.

Море было всегда рядом, казалось, что оно принимает участие в разговорах. Поначалу холодное, нахмуренное, оно постепенно теплело, светлело, расправляло морщины, посылало нам отраженный солнечный свет, удваивая радость возрождения. Прохладная морская свежесть вливалась в легкие сына и тоже расправляла их, а заодно и наши души. Если мы оглядывались на плеск любопытной волны, и останавливались, чтобы еще раз посмотреть и навеки запомнить барашки на синих волнах и облака в синем небе, собаки притормаживали и пережидали остановку, обозначая хвостами вежливое терпение. Никаких просящих взглядов, никаких намеков на подачку, они знали себе и морю цену, им просто было приятно размяться и проветрить свалявшиеся за

зиму шкуры.

Прогулки заканчивались, нам надо было уезжать, а сыну возвращаться. У ворот мы останавливались, прощались. И он уходил в этот загон, не в силах оглянуться, а мы смотрели ему вслед, мы отпускали его, мы его отдавали...

Его силуэт двоился, расплывался в струях уже нагретого солнцем воздуха и в моих глазах. Прошедшее зенит солнце светило ему в спину, и если бы он оглянулся, мы бы тоже расплылись, растворились в ослепительном сиянии, не надо оглядываться. Он просто знал, что мы еще здесь, а завтра море снова встретит его и омоет своей свежестью, и взбодрит брызгами.

И мы уходим, собаки провожают нас почетным караулом. Я последний раз смотрю на море, и близкие волны чуть повиливают мохнатыми от пены гребешками. Я наклоняюсь, до меня долетают горько-соленые капли. Я теперь понимаю, почему у морской воды такой вкус. Я понимаю, почему к нему приезжают.

Не надо снобизма. Да здравствуют чебуреки!

ЛИЦО ТУТАНХАМОНА

http://news.bbc.co.uk/hi/russian/sci/tech/newsid_4535000/4535223.stm

Невезучий молодой Тутанхамон открыл свое лицо.

Первая попытка портретной реконструкции в антропологии была сделана в 1877 году. В 1949 году основы методики опубликовал М.Герасимов, потратив много лет на поиски закономерностей.

Сегодня компьютер позволил стать этой работе ремеслом, но все равно результаты завораживают.

КАМНИ ПУСТЫНИ

Мне подарили несколько камней из пустыни Негев, поднятых недалеко от мест, упомянутых в Библии. Я давно напрашивалась на этот подарок. (Collapse)

Смугло-оранжевые осколки базальта волнуют меня необычайно. Чьи сандалии ступали по этим камням много веков назад? Чей взгляд коснулся когда-то камня, который теперь в моей руке? Свидетелем чьих сомнений, милостей и наказаний он был?

Окрашенные темным места поверхности геологи называют загаром пустыни, а те, кто специально приходит за такими камнями, – «обожженными Богом». Говорят, что при известном воображении в рисунке каменных складок можно угадать символы и буквы любого из когда-то существовавших видов письменности. Каждый ищет свой символ. Может быть, эти камни – осколки первых скрижалей, разбитых Творцом в гневе за огорчивший его эксперимент с человеком? И если удастся собрать все, сложить их и прочитать, на Земле наново пойдет иная, первоначально красиво задуманная жизнь? Тогда слова «время собирать камни» приобретают и этот, буквальный, смысл.

Пора, видно, и мне подключиться к этому процессу.

ПРАКТИКА ЭТНОГЕНЕЗА

Я помню одно из первых собачьих сообществ, которое контролировало всю территорию нашего института, поглотившую несколько мелких частных владений. Возможно, это были аборигены, жизнь которых изменила стройка. Им надо было выживать в тяжелую эпоху перемен. Они сплотились в трудной борьбе, держали круговую оборону, успешно отбивались от возможных захватчиков, но заодно и от притока свежей крови, что грозило вырождением.

Такая возможность угадывалась, когда они садились рядом на солнце, как расставленные для продажи матрешки, и являли собой пример инбридинга.

Глава сообщества, Дядя Анкл, как я его называла, крупный дворняга с примесью черного терьера, с седыми пышными усами, похожий одновременно на английского джентльмена и цыганского барона, - крайний слева. Правее располагались его копии разных генераций, числом около 10, заметно теряющие в росте, но с проседью и усами, независимо от пола и возраста.

Супруга - гладкошерстная, вечно беременная сука, внешне простая, как веревка, без всяких примесей, устало лежала поодаль. Дядианкловы гены явно доминировали во внешности потомков,

конкурентов у него не было. Несмотря на солидность, Дядя Анкл был скорее молод, чем стар. Однажды я увидела, что он в одиночку радостно валяется в снегу, как щенок. Заметив меня, отряхнулся и чинно сел, только что трубку не стал раскуривать. Я прошла мимо, отведя взгляд, чтобы не задеть его самолюбия.

В этот прайд входила выдающаяся личность: бесплодная родственница со стороны супруги Дяди Анкла, они были схожи мастью. Я часто видела, как она дежурила у логова со щенками, заменяя ушедшую мать, или не совсем обычным способом добывала для них пропитание. В обеденный перерыв открывала закрытую дверь лабораторного корпуса на себя, становясь на задние лапы и поворачивая передней (кстати, правой; очевидно, у собак тоже доминирует левое полушарие) ручку, заходила и молча ждала. Получив желаемое, аккуратно относила в пасти к норе.

К сожалению, у членов этой семьи интеллект снижался в прямой зависимости от размеров. Самый мелкий потомок оказался задиристым кретином, впадал в визгливую агрессию по любому поводу, чем в конце концов и навлек беду на всех. Когда он перекусал лаборанток, прайду пришел большой пушной зверь в лице санэпидстанции.

Дядю Анкла я вспоминаю с большой симпатией и сожалением. Отстояв независимость, он слишком поверил в свои силы. Жаль, что намек на спасительную пассионарность проявил только молодой дурак, который так неудачно оборвал собачий этногенез во вполне подходящем ландшафте.

Sunday, May 22nd, 2005

УДИВИТЕЛЬНАЯ ТЭФФИ

Казалось бы, мастер какой. А вот поди ж ты - котолуб-шовинист и поэт-любитель.

Что-то делают коты с людьми...возможно, превращают в детей.

Из воспоминаний И.Одоевцевой.

.....— Я просто не понимаю, — как можно не любить кошек, — продолжает Тэффи. — Для меня человек, не любящий кошек, всегда подозрителен, с изъясном, наверно. Неполноценный. Вот даже Вера Николаевна Бунина — на что уж, кажется, она добра и мила, а что она не переносит кошек, боится их, как стена между ней и мной. Близости, дружбы между нами настоящей быть не может. Всегда чувствую отчужденность. Симпатизирую ей сдержанно, признаю все ее бесспорные качества. Но кошек ей простить не могу. Люди для меня делятся на тех, кто любит кошек и кто их не любит.

Человек, не любящий кошек, никогда не станет моим другом. И наоборот, если он кошек любит, я ему много за это прощаю и закрываю глаза на его недостатки. Вот, например, Ходасевич. Он любил кошек и даже написал стихи о своем коте Муре...

— А вы, Надежда Александровна, — спрашиваю я, — вы тоже писали стихи о кошках?

— А еще бы! И очень много. У меня кошачьих стихов набралось бы на целый том. Но они слишком интимны, чтобы их обнародовать, придавать гласности. Хотите, прочту какое-нибудь из них?

Я, конечно, хочу. И она начинает:

*Белолапка — серо кошка
Раз уселась на окошко,*

*А по улице идет
Очень важный тигрокот.
Скок! И сразу хватать в охапку,
Серокошку — белолопку,
Под себя ее подмял,
Тигрокот, ну и нахал!*

— *Нравится вам? Хорошо?*

По звуку ее голоса, по выражению ее лица мне ясно, что она с волнением и тревогой робко ждет моего одобрения.

— *Очень нравится! Прелесть! — совершенно искренно говорю я. — Как выразительно, сколько динамики!*

Она, совсем как начинающая карьеру молодая писательница, вспыхивает от радости.

— *Действительно нравится? — переспрашивает она. — Я боялась, что и это вы осудите. Ведь вы знаете, мне со стихами не везет. Настоящие поэты-мэтры меня даже презирают. Мне это очень обидно.*

— *Прочтите, пожалуйста, еще какое-нибудь «кошачье», — прошу я, желая избежать разговора о ее «серьезных стихах». — Или нет, раньше повторите еще про тигрокота, чтобы я его хорошенько запомнила. Он просто восхитителен.*

Она охотно соглашается. Она, как, впрочем, и большинство поэтов, готова читать свои стихи «сколько угодно и еще немного — с полчаса».

— *У меня целый кошачий эпос, — объясняет она. — «Тигрокот» и «белолопка» его главные герои. Они кошачьи Тристан и Изольда или Ромео и Джульетта. Но и других вымышленных кошек и котов у меня много. Они меня постоянно навещают. В особенности когда я больна. Такие добрые, чуткие — сейчас же тут как тут. Развлекают и утешают меня. Это я о них:*

*Все коты пришли гулять
На зеленую кровать
И пошли домой потом
Кошка с кошкой, кот с котом.*

Вас, наверно, удивляет «на зеленую кровать» — будто на зеленый луг. А это просто оттого, что у меня зеленое покрывало на кровати. Она так улыбается и так смотрит вдаль, будто действительно видит перед собой процессию котов и кошек, чинно шествующих попарно.

— *Они удивительно умные, — продолжает она оживленно. — Я как-то сочинила о них целую поэму. И, представьте себе они сразу же стали исполнять ее хором, на разные голоса. И что уж совершенно невероятно, прибавлять к ней разные ими самими сочиненные строфы, особенно когда у меня жар... Беда только в том, что я их запомнить не могу никак, хоть и стараюсь. Но проснусь: нет, ни слова не помню! До слез досадно. Совсем как у Гейне. Про его сон с «ципрессами» (кипарисами).*

*...Я просыпаюсь — и ветки нет,
И я не припомню ни слова ...*

ОДА ИХНЕВМОНУ, ФАРАОНОВОЙ МЫШИ

Слава тебе, Ихневмон, в ЖЖ уют создающий!
Котами своими заводишь нас в райские кущи.
Сокрыты сокровища в куцах - чем дальше, тем пуще.
Ночами не спящие, ждем, что нам пост твой готовит грядущий.
Ты свежая роза Востока, далекой Японии вишня,
Быть может, тебя привечал даже сам непридуманный Кришна.
О, Ихневмон, что прикинулся древнею мышью!
Ничьею не можешь быть назван ты будничной пищей.

ДЕТСКОЕ НОСТАЛЬГИЧЕСКОЕ.

Когда-то выкладывала этот старый текст, потом убирала (может, и не убрала) , а сейчас снова захотелось - по ассоциации и настроению.

Хорошо помогает при зубной боли:):)

Надеюсь, Semagis не подведет и не выкатит в еще сохранившиеся дружеские ленты весь текст. Я уже забыла, как им пользоваться.

...Только что умытые и тщательно обсушенные, в свежих пижамках, приваливаются с двух сторон, оживленные недавним купанием и предвкушением удовольствия: рассказывай!

старший, вспомнив, торопливо добавляет ...пожалуйста,

...пофалуфта - вторит веселое шепелявое эхо младшего,

...сказки лучше рассказывать, а не читать, особенно западные, главное удовольствие при этом - в собственных комментариях, репликах в сторону, создающих контрапункт, который оживляет суховатое переложение канонических текстов старательными переводчиками,

...так и видишь этих розовых поросят, добрых женщин в чепцах, в чистых передниках поверх сборчатых юбок, хорошо стриженных бедных лесников или великанов-людоедов в камзолах и накладных кружевных воротниках,

...впрочем, это уже, кажется, влияние гравюр Густава ДорЭ в потрепанном, с перепутанными страницами, еще довоенном издании «Волшебных сказок» Шарля Перро, которое чудом сохранилось в этой жизни, утратившей гораздо более важные вещи...

...Эти сказки чинно-веселые, их надо рассказывать чистым мальчикам и девочкам и помнить. что многие из сюжетов дали жизнь великим произведениям,

...то ли дело те же, по сути, вечные истории в русских сказках с беззаботными героями, чьи действия приправлены лихой удалей и чуть сомнительной удачей, и помогают им сивки-бурки, коньки-горбунки, жар-птицы, щуки какие-то, очень старательные волки (...и бурый волк ей верно служит... С чего это?),

...Да, а читать лучше всего пушкинские сказки с их долгой ритмичной классической строкой и удачным для дыхания чередованием согласных и гласных,

...текст льется, оставляя место собственным мыслям, возникают прямо-таки осязаемые картины, хочется окунуться в эту несомненно приозерную, несмотря на «синее море», прохладу, прислониться к коре дуба... и я там был, мед-пиво пил, у моря видел дуб зеленый...

...допускаешь излишнюю серьезность, уплывая в грезах, и тут же наказан:

Нет,синий! - прямо над ухом раздается короткий злобный смешок,

...не можешь остановиться, вовлеченный в мелодию стиха: под ним сидел, и кот ученый свои мне сказки говорил, одну я помню...

...Что, забыл остальные? Рассказывай! ...пожалуйста...

...Рафкавай...вторит вечное эхо...

...хорошо читается аксаковский «Аленький цветочек», в котором современного ребенка, легко произносящего ОК! нисколько не смущают старинные языковые обороты,

...там есть все - и злое колдовство, и жадная ревность сестер (by the way, чего это они всегда такие недружные?), и разбойники, ограбившие преуспевающего батюшку-купца, но рядом с привычным коварством что-то новое слабо ощущается: побеждает не вылупившая глаза справедливость, будь она неладна, а жалость-любовь, жертвенность даже, терпение,

...и сестры прощены, и чуть ли не замуж повывданы, не хочется заглядывать в книгу и уточнять, пусть будет так, как помнится,

...а вот еще: в аленьком цветочке есть еще что-то - несомненная 0-транспортировка, виртуальный дворец с меняющимися на стенах картинами и посланиями, чудная музыка без оркестрантов, есть кем-то заложенная программа, которую в нужный момент запускает появление заблудившегося батюшки... а это-то откуда?

...ЭТО МОЙ БЭТМЭН!

Короткая яростная схватка над моим расслабившимся телом,

...О, Господи! НУ-КА, БРЫСЬ!

...недовольно сопя, уже готовые, несмотря на борьбу, затихнуть каждый в своей загородочке, шлепают в сон, прижимая к себе отвоеванные мелкие сокровища,

и тихо...

Friday, November 11th, 2005

ЖЕСТКО

Радио "Свобода" :

<http://www.svoboda.org/programs/TD/2005/TD.102905.asp>

Илья Кабаков:

" ...к сожалению, дневники будут существовать. Более того, они будут сильно теснить литературу, как вообще, мне кажется, непрофессиональные занятия будут теснить профессиональные...

Вот перед тобой компьютер, вот перед тобой свободный доступ в Сеть, напиши текст любой, безумный, графоманский, глупый, малограмотный, на компьютерном языке "автар", "щас", "ест-чо" - пошли, и ты уже писатель, ты уже имеешь читательскую аудиторию. Я думаю, что по этой линии все будет идти, и вот эта литература интернетовская, которая по сути дела представляет собой дневники неинтересных, неумных, лишенных фантазии людей, она будет развиваться."

Вот так.

Tuesday, December 6th, 2005

ПОСЛЕДНИЙ ЛИСТ

В четверг пересказала своей сотруднице рассказ О.Генри "Последний лист". Погода к этому очень располагала, ветер и ежедневные дожди сбрасывали с деревьев последние листья.

Сотрудница молодая, О.Генри не читала.

В пятницу на дереве за окном остался всего один рыженький лист. В понедельник он еще трепетал на ветру.

Девочка ласково улыбается.

Выбрала я минуту, присмотрелась - а листик -то привязан к натянутой между деревьями тонкой проволоке, на которую наша сестра-хозяйка иногда что-то вывешивает. При взгляде из окна кажется, что он висит на низкой ветке. Кленовый лист на ветке ореха.

Непростая девочка у меня работает, это хорошо.

Sunday, January 1st, 2006

НОСТРАДАМУС

В живой хвое елки резвятся маленькие огоньки гирлянды, напоминают мне короткие вспышки светлячков в темноте далекой летней ночи.

Кот материализовался за столом и внимательно слушает, о чем мы говорим.

Поднимаю бокал и смотрю ему в глаза: ты ведь не просто зверь, ты все знаешь, дай знак, будет ли там, среди светлячков, по-прежнему хорошо и спокойно.

Он медленно согласно смыкает мохнатые веки и начинает мурлыкать, чувствуя ответственность момента. Наверное, сочиняет новый катрен.

СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Не могу уже видеть, как уничтожают птиц. В каждом выпуске новостей - жуткие кадры.

Последний доконал: из огня в яме, куда сбрасывают несчастных турецких кур (живых, что ли?), вдруг вырывается одна и пытается убежать, почти летит.

Смотреть на это должны только все ветеринары и эпидемиологи мира - на ночь, чтоб не спали, а службу во-время служили.

Птицы, звери, люди...

Костры средневековья.

И телезрители - в креслах вокруг эшафотов.

В ТЕНЕТАХ

За окном лаборатории на близких деревьях водится разная насекомая мелочь, вьется за стеклом, стремясь и нас навестить.

Это хорошо понимают и легконогие бежевые паучки, которые все лето озабоченно несут пограничную вахту на наружном подоконнике.

Бывает, они сами проникают внутрь через какие-то лазейки, ища комфорта среды или преследуя нарушителей.

Тогда я открываю окно и со словами "назад в природу!" сдуваю их в зелень. Там разберутся.

Вчера я увидела над верхней рамой аккуратную сеточку и притаившегося в углу паучка.

Нехорошо, -говорю,- паутины у нас все ж не должно быть, работа такая. Неправильная паутина.

Е.Е.!!! - наставительно, даже немного скандируя, даже немного с вызовом отвечает мне все та же молодая сотрудница.- Я обратила внимание, что вы никогда не убиваете пауков, а открываете окно и выгоняете их наружу. Но ведь сейчас зима, я не могу его выгнать!

Вот же ж, наблюдательная вы наша.

Паутину смахнули, хозяин успел свернуться в комок и кануть вниз.

Сегодня утром вижу: понуро бредет, как король Лир, вдоль свежевыкрашенного подоконника над теплой батареей.

Я прям зубами скрипнула. И что? Отвернулась, что.

Сколько ему жить-то осталось?

МОБИЛЬНИКИ И ХАРАКТЕРЫ

Во время научного доклада на столе президиума неожиданно зазвучала бравурная мелодия, как на военном параде. Это подал голос мобильник энергичной дамы, ведущей конференцию. Было смешно, но не удивило, потому что дама по своим манерам прямо-таки пехотный офицер.

Но назавтра та же мелодия раздалась из кармана молчаливого коллеги. Коллега - что называется, крепкий профессионал, однако по ступеням служебной лестницы поднимается медленно и осторожно, иногда даже замирая и прижимая ушки. На первый взгляд, - полная противоположность даме из президиума. Победный марш выдает уровень его притязаний?

Я стала прислушиваться к мобильникам.

Эффектная деловая женщина нервно перечисляла свои жалобы, явно воображая сразу несколько смертельных болезней.

Чем я ей могла помочь, непонятно. Телефон позвал ее нежной фразой вальса Штрауса. Все стало на свои места, разговор пошел, как по маслу.

Новоприобретенный мобильник моей сотрудницы, вежливой и даже вышколенной предыдущей практикой, заставил меня броситься проверять, не сошла ли с ума лабораторная центрифуга.

Сдержанно- ироничный БНБ несется в другую комнату на призывный сигнал кавалерийской трубы в исполнении комара.

Звук собственного мобильного я так и не научилась распознавать сразу. Телефончик трепещет в кармане и обессилевает, пока я соображу, что это ко мне. Иногда он даже лежит передо мной на столе и долго лепечет, как смущенный пришелец, на непонятном, прежде чем я ему отвечу. Все привыкли, что мне нужно звонить по меньшей мере дважды, хотя в остальном я человек достаточно резвый.

Скорее всего, эти параллели и противоречия уже приходили кому-то в голову, не знаю, не встречала.

Понаблюдаю, все не скучно.

Tuesday, February 21st, 2006

ШУТКИ ШУТКАМИ,НО...

Прямо у нашего подоконника на крыше пристройки постоянно крутятся голуби, сойки, разная мелочь вроде синиц.

Кот изнемогает от желания разнести их всех в клочья, бьет хвостом, потом с мяканьем расплющивается по стеклу.

Еще холодно, он под зимним домашним арестом, а все ж солнце веселеет с каждым днем.

Скоро начнутся птичьи перелеты с обязательными остановками на крыше.

Меня это всегда радовало, а сейчас я озаботилась.

Хотя птичья эпидемия пока до нас не дошла, это дело времени. Лебеди и утки, конечно, город минуют, но и голуби болеют,

а санитария не про них писана, как известно.

Кота, что ль, не выпускать? Так он весь дом разнесет, потому как привык загорать, ловить бабочек, вечерами считать звезды

и вообще наблюдать сверху окружающую жизнь. Ну не хлоркой же крышу соседскую поливать, проклянут. Да и коту хлорка ни к чему.

Проблема, однако.

Wednesday, February 22nd, 2006

<http://antwrp.gsfc.nasa.gov/apod/ap060215.html>

<http://antwrp.gsfc.nasa.gov/apod/ap060127.html>

<http://antwrp.gsfc.nasa.gov/apod/ap960318.html>

<http://antwrp.gsfc.nasa.gov/apod/ap031118.html>

Скучно думать, что планеты сами по себе вращаются и сами себе уминают и оглаживают бока. Кто-то лепит шарики планет на гончарном круге правильных орбит. Иногда гончар отвлекается и допускает небрежность. Астероиды срываются с круга и пугают обывателей корявыми рожами.

Кокетливые кометы рассыпают сверкающие драгоценности, которые не долетают до жадных рук и дразнят, сгорая в недостижимой высоте. Только успеешь подумать «Хочу!», а уже и нет ничего...

Приходит в голову крамольная мысль самому сесть за гончарный круг и лепить, что хочется.

Saturday, March 4th, 2006

МАРТ

Выпал мартовский снег, глубокий и такой рыхлый, что крупные грачи проваливаются в него по шею и не сразу могут подняться в воздух.

Смешно смотреть, как провалившись одной лапой, птица неловко задирает вверх вторую, отчего погружается еще быстрее.

Групповой пеший бросок за кинутыми из окна корками напоминает партизанские сюжеты.

С трудом выныривая из глубины, грачи становятся похожими на сорок из-за налипшего на животы снега.

Маскировка не помогает.

Вертлявые длиннохвостые сороки легко балансируют, удерживаются на поверхности и проводят операцию гораздо успешнее, стремительно унося добычу в пасмурную даль.

Проигравшие тяжело взлетают на низкие ветви вишневых деревьев и посылают вслед наглым победителям мрачные проклятия.

Monday, March 27th, 2006

Умер Станислав Лем.

Sunday, April 9th, 2006

Годовое кольцо с поверхностными ассоциациями

Тоненькое вышло годовое кольцо.

С прошлого апреля - 24 поста. Достаточно серьезные события этого года осели здесь мелкой зоологической крошкой, как геологические катаклизмы - ракушками.

Из бранных слов счетчики ЖЖ отметили одно, и то мне непонятное - ВЕЕЕР. Наверное, формалисты-счетчики решили, что это Б-И-И-П. В реале слов этих я знаю больше, и недавно совсем не месту и не ко времени произнесла вслух и отчетливо.

Некстати, но без раскаяния.

Последний лист держится до сих пор, перенеся все погоды и невзгоды, и вызывает ненужное любопытство: сколько же он еще продержится?

Зимовавшие у нас грачи снялись недели три назад и улетели куда-то стайей в полнеба, от взгляда на нее у меня вздрогнули зачатки крыльев. Летней смены все еще нет, не расстреляли же ее на южных подступах юные пограничники?

Сороки совершенно распоясались в отсутствии конкурентов, толкуются в воздухе столбиками, как комары.

А скворцы-то уже здесь! Три дня назад пронеслась над головой легкая, свистящая на все моцартовские лады стайка скворцов. Впереди и по бокам этой ажурной стайки летели с грубым каркашем тяжелые вороны, как полицейский эскорт царствующей персоны.

Воробьи вовсю таскают друг друга за щеки, кричат до звона в ушах. Год ушел, а проблемы те же.

Ну и спасибо Александру Сергеевичу за вечную формулировку про зеленееющие пухом еще прозрачные леса. Цитата впечатана в мои извилины с детства, потому что каждую весну я слышала ее от отца, отворачивая свою ироничную гримаску. А попробуй, скажи точнее!

Жизнь закольцовывается.

Sunday, April 30th, 2006

Повезло: еще раз, всего в течение суток увидела, как раскрывается весна.

Сначала поезд провез меня мимо темных, с обнаженными ветвями, деревьев центра Беларуси. Дальше к югу картинки за окном стали подкрашиваться зеленью аккуратных привокзальных газончиков.

Утром пейзаж расцвел уже пушистыми рощами Украины, за которыми тянулись вспаханные поля. По молодой траве вдоль насыпи резво скакал крупный заяц

Опасно низко, почти сливаясь со своим отражением, как будто любуясь им, над водой узкой речушки летела одинокая птица. Я заволновалась - не зацепит ли крылом, но она свое дело знала.

С каждой остановкой воздух все больше насыщался голубизной и зеленью, и за последней таможней все пространство вдруг вскипело цветом вишневых деревьев, свежей листвой, станционными тюльпанами и на зеленых откосах - одуванчиками. Одуванчики! Точно, весна. Прибыли.

СПОСОБНЫЙ, НО ЛЕНИВЫЙ

Пушкину 13 лет. Отзывы преподавателей:

"...Очень ленив, в классе невнимателен и нескромен, способностей неплохих, имеет остроту, но, к сожалению, только для пустословия, успевает весьма посредственно.

...Мало постоянства и твердости в его нраве, словоохотен, остроумен, приметно в нем и добродушие, но вспыльчив с гневом, легкомыслен.

...Знания его вообще поверхностны, хотя начинает несколько привыкать к основательному размышлению. Самолюбие вместе с честолюбием, делающие

его иногда застенчивым, чувствительность с сердцем, жаркие порывы вспыльчивости, легкомысленность и особенная словоохотливость с остроумием ему свойственны.

...С огорчением вижу, что этот ученик, одаренный в высшей степени пронизательностью и памятью, упорствует в равнодушии к моему предмету.

...Довольно хорошие его успехи должно приписать его дарованиям, нежели прилежанию. На вопросы отвечает более удовлетворительно, по рассеянности же своей требует строгого надзора, и тогда можно ожидать от него прекраснейших успехов."

Сейчас бедный Пушкин уложился бы в любимую учителями краткую характеристику без всяких психологических тонкостей: способный, но ленивый.

Способных, но ленивых эти отзывы могут утешить, а их родителям - дать надежду.

НЕВРОЗ

У кота невроз.

Третьего дня его что-то сильно испугало на балконе, скорее всего голубь, который взлетел с подоконника, когда зверь прицеливался.

Городских голубей он ненавидит, а их в этом году больше обычного, они никого не боятся. Бродят под ногами, как куры.

Может, голубь еще и тюкнул кота клювом через сетку, чтобы не приставал.

Кот рванул в самое верное место для спасения в чрезвычайных обстоятельствах - ванную комнату. Отсидел там с часок, выходить добровольно не хотел.

Ну, вынули.

Тетка неуверенно намекала на непознанное.

Несчастный Тимуся сутки (sic!) непрерывно ходил туда-сюда, приседая на пороге перед балконом. Дальше - ни в какую. Совершенно не спал, шатался всю ночь, на вопросы не отвечал, от увещаний отстранялся.

Утром спрятался в шкаф и там отсыпался полдня.

Вечером неохотно -как лекарство!- погрыз сухого корма.

Сегодня уже встретил у двери, но еще явно тревожен.

Поднести его к месту происшествия и показать, что опасность миновала, невозможно. Напрягает мышцы до железного состояния, выкручивается из объятий и на полусогнутых несется прочь.

Это что ж такое, психиатра кошачьего, что ли, вызывать.

Thursday, June 15th, 2006

ХИЧКОК

Грачи прилетели или пролетают дальше на север.

Второй день в институте происходит Хичкок.

Явно несытые, я бы сказала осунувшиеся, обычно степенные грачи возбужденно перелетают с места на место и непрерывно кричат.

Даже те, что кормятся на скошенной траве, громко перекликаются, как грибки в чаще.

Крики не сливаются, не совпадают, они кричат именно по очереди, хотя их десятки.

Тревожно слышать этот крик. Кажется, он называется грай. Грачиный грай.

Хочется тормознуть кого-нибудь из них на лету и спросить, что случилось?

Sunday, July 2nd, 2006

МОНИТОРИНГ

Три года я невольно слежу во время коротких приездов за развитием настроений на Украине.

За полгода до Майдана каждый встречный клял власть, при которой и от которой жизни нет. Даже в ответе на вопрос как куда пройти находилось место клятым начальникам. Образность украинских выражений лишней раз подтверждала мое давнее предположение, что Гоголь был не романтиком, а документалистом.

Следующим после Майдана летом в разговорах смешивались две краски - "ну-ну, посмотрим" и радостная оранжевая.

Нормально: было плохо, станет лучше. Киев выглядел городом без окраин, чистым, свежим.

В этот раз, проезжая в маршрутке мимо эффектного офисного здания, слышу:

" Понастроили, позакрывали все, не понять, долго ли еще до метро ехать! Власть новая, порядки старые. Косу на голове понакручивает, да и думает, что изменилась! " Совершенно спонтанно, без вопросов, просто в эфир. Дама средних лет. Шляпка от солнца, изумительные киевские грудные нотки в голосе, усмешка во взгляде, которую я успела заметить.

Недовольство, готовое не к злобе, а к насмешливой улыбке, все же обнадеживает.

Р. ФРОСТ.

Рефрен в “Предостережении” неожиданно развернул Фроста в сторону городского романа. Вряд ли ему самому приходило это в голову. Так получилось.

Спасибо chasovschik за снисходительно-щедро подаренный сборник.

Предостережение

Наступит день, ты перестанешь знать.
И сердце не подскажет, как тут быть.
Ты будешь повторять: я знал, я это знал.
Чтобы забыть, чтобы забыть.
Забудешь все, что истиной считал.
Умолкнет сердце. Слезы как ни лить,
Как ни страдать, случится все, что знал,
Потом забыть, потом забыть.
В том некого винить, я повторять устал.
И день, нам предназначенный любить,
И прежнюю тебя, которую я знал, боюсь,
Смогу забыть, смогу забыть.

Warning

The day will come when you cease to know,
The heart will cease to tell you; sadder yet,
Tho you say o'er and o'er what once you knew,
You will forget, you will forget.”
There is no memory for what is true,
The heart once silent. Well may you regret,
Cry out upon it, that you have known all
But to forget, but to forget.
Blame no one but yourself for this, lost soul!
I feared it would be so that day we met
Long since, and you were changed. And I said then,
He will forget, he will forget.

Р.ФРОСТ

Now close the windows

Прикроем окно, смолкнут звуки полей,
Пусть ветер молча листву колышет.
И пение птиц, и шорох ветвей
Стали лишними.
Есть время до утренних вздохов болот,
До трели первой проснувшейся птицы.
Прикрой же окно, тишина к нам войдет
И в нас растворится.

Now close the windows and hush all the fields;
If the trees must, let them silently toss;
No birds is singing now, and if there is,
Be it my loss
It will be long ere the marshes resume,
It will be long ere the earliest bird;
So close the windows and not hear the wind,
But see all wind-stirred

АМЕРИКАНСКИЙ КОНСПЕКТ

Я прожила в Америке около трех месяцев. Вернувшись, ограничилась рассказами в частных письмах, никуда их не выкладывая, потому что успела прочитать книжечку А. Гениса «Американская азбука». Глупо было повторяться.

Овчинников, старый советский дипломат, в своих записках пошутил, что после короткого пребывания в стране пишут книгу, но, пожив в ней долго, сильно в этом затрудняются. Я после своего набега, вернее, налета, вообще ничего не решила написать и американскую тему для себя закрыла.

Но время от времени моя память, легонько что-то бормоча, как компьютер в поисках заданного, открывает мне навеки высеченную на жестком диске знакомую мягкую улыбку, короткий смешок, внимательный взгляд. Яростные мальчишеские схватки, в которых свирепые вопли «it's not fair!» сменяются неожиданным «sorry!», если в пылу битвы была перейдена известная им и, что гораздо существеннее, их «Мот» граница.

Но это там, глубоко. Об этом когда-нибудь.

Сейчас мне просто захотелось сказать: я помню, я не забыла.

В течение всего полета над Европой до Амстердама, где была пересадка, самолет летел сквозь бесконечный строй белейших, сияющих колонн, вознесенных из верхнего слоя облаков на несколько километров в синюю высь. Они напоминали одетых в белые одежды иконописных старцев. Я придумала со страху, что это хорошо.

Перелет через океан я бездарно проспала.

Потом началось мое американское кино.

Прежде всего - небо, жизнь которого очень заметна. Идущие на посадку или взлетающие самолеты везде, где я была. Яркий воздушный шар, застывший в безветрии над Ниагарой. Бешеные грозы с клубящимися розово-фиолетовыми тучами, непрерывными вспышками молний, с градом, запаса которого хватает, чтобы мгновенно засыпать все видимое пространство.

Непередаваемо горячий закат в Энн Арборе, где меня встречали на железнодорожной станции. Мы направились на автомобиле прямо в этот жар, но он стал отодвигаться, стынуть, и очень скоро погас.

Цветы всех климатических зон Украины, знакомые пейзажи вдоль незнакомых автомобильных дорог по пути на юг от Ниагары до Филадельфии.

Тяжелая властная вода Атлантического океана, в которой трудно устоять даже по колено

Светлячки, еноты, зайцы, дикие гуси, мелкие птицы и растения, которые мне знакомы, но не родные братья европейским, а как будто кузены. Звенящая цикадой птица на дереве за окном. Бурундук на заднем дворе гостеприимного дома в Висконсине ловко уносил из-под ног рассыпанные у стола чипсы.

Небывалых, нереальных размеров ирландский волкодав, голова которого была почти на уровне плеча хозяина, на улице в Нейпервилле. Хозяин привычно рассмеялся в ответ на мое ошеломление. Длине или, вернее, высоте собачьих ног могла бы позавидовать любая фотомодель. Под животом этого чуда легко, даже с запасом, поместилась крупная колли.

Погруженная в печальную задумчивость горилла в зоопарке Чикаго. Она сидела на валуне под стеной, положив на американский манер одну согнутую ногу на колено другой, совершенно отрешенная от суеты сокамерников и зрителей. Фотография этой гориллы теперь висит у меня над рабочим столом на напоминание: I should think... Семейство горных козлов: вожак стоит на вершине искусственной скалы, подрастающий лидер – в той же горделивой позе на уступе пониже, а у подножья скалы, в тени пещерки лежит крупный старый козел. Дедушка, подумала я с пониманием и сочувствием.

Синий витраж Шагала в художественном музее в Чикаго. Последний автопортрет Ван Гога, который меня мрачно заворожил. Что-то притягательное есть в лицах сумасшедших гениев. Огромный портрет Мао в простенке, плоский, как плакат. Чудные залы американской истории времен первых переселенцев: кони, шляпы, фургоны. Выставка даггеротипов. Среди них удивил снимок сидящей у окна кошки. Как фотограф ухитрился ее снять с выдержкой не менее получаса? Задумалась, наверное. И следа ее косточек уже нет, а вот сидит спустя сотню лет, и все смотрит в окно...

Прекрасная двухэтажная библиотека с неплохим русским отделом в Уитоне.

Необъятный книжный магазин. Книги очень дороги, но сиди в креслах, рассматривай и читай все, что угодно, бесплатно.

Знаменитый «человек, проходящий сквозь стену» в парке чикагского университета. Памятник бельевой прищепке в Филадельфии. Музей Родена, перед ним «Мыслитель» задумчиво смотрел вниз на прислоненный к постаменту чей-то велосипед. Старенькие мальчик и девочка, которые сидят на скамье, взявшись за руки, - граждане Нейпервилля, прожившие в браке 60 лет. Можно посидеть рядом с ними и приобщиться любви навеки. Везде много скульптурных фигур в натуральную величину, установленных на низких постаментах. Приближенные к зрителю бронзовые герои как бы осуществляют связь времен. Судя по датам, это направление в уличной скульптуре существует уже много лет. У нас оно стало распространяться относительно недавно и поначалу казалось находкой. Оказывается, как многое сейчас – вторично.

Белые пары с темнокожими детишками в детских колясках на прогулке в парке.

Стоптаные тапочки у последнего ложа генерала, смертельно раненного во время битвы при Делавере. Походная, почерневшая от копоти костров кухонная утварь у очага делала мемориальный домик похожим на деревенскую избу.

Витражи с изображением всех пророков и чинная тишина в храме суперэкуменической религии Бахаи.

Из мимолетного бытового – одноэтажные магазины размером с центральную площадь райцентра, заполненные всем и черт знает чем; краны разнообразных конструкций в ваннах комнатах. Краны запомнились, потому что иногда они меня ставили в тупик. Например, сенсорные. Наивные гипсовые фигурки среди цветочных клумб и у дверей ухоженных домиков. Кич на полном серьезе.

Жесткая размеренность жизни, постоянный выбор да-нет, дружеско-прагматичные отношения между людьми, исключаящие фамильярность, но не бескорыстно протянутую руку помощи при необходимости.

Почти советская бдительность потомков переселенцев. Практически все рано или поздно ненароком интересовались у меня, есть ли виза, и имею ли я право ездить по стране. Это было уже после 11 сентября.

Впечатление банной раздевалки от огромного казино Тадж–Махал в Атлантик-Сити, такими обнаженными были лица игроков.

Дружеское ночное бдение у мангала в Филадельфии. Смешение знакомого с неожиданным. Запах шашлыков и магнолии, шорох крыльев летящих на свет мотыльков, шебуршение в близких кустах енотов, неумолчный самолетный гул над головами. Ужаснувший меня раздраженный рассказ местного патологоанатома: за четыре праздничных дня в черных районах города было застрелено 27 человек.

Разрисованный фургончик с мороженым, андерсеновский перезвон его колокольчиков, слышный издали в маленьком уютном Уорренвилле, где вообще нет магазинов. Фургончик останавливался по первому требованию. На большой детской площадке квартала на некоторое время воцарялась тишина.

Вагон эконом-класса в детройтском поезде, черный веселый проводник, черные же пассажиры, среди которых я за 5 часов не успела почувствовать себя чужой. В бизнес-классе ехали немолодые белые персонажи картин Норманна Роквелла с современными сумками на колесиках. На посадку они были вызваны первыми. Вслед им иронично улыбались мои будущие попутчики. Матерей с маленькими детьми сосредоточили в отдельном вагоне. Перед выходом на своей станции я прошла через их вагон – как через коробочку с шоколадными конфетами. Остальных пассажиров дежурные по перрону распределяли в соответствии с пунктом назначения. Внутри вагон напомнил междугородный автобус. Половина кресел расположена по ходу поезда, половина – против. Над головой повесили бирку с названием нужной станции. Если задремлешь, вовремя разбудят.

Раздолбанные в щепки деревянные шпалы на параллельных путях. Привычные глазу бараки вдоль дороги. Локомотив непрерывно дудел, минуя полустанки, иногда немотивированно останавливаясь посреди перегона. Тогда проводник снимал в тамбуре телефонную трубку и балагурил по громкой связи, скрашивая ожидание.

Девушка на маленьком вокзальчике коротала время, сидя по-турецки с раскрытым прямо на деревянном настиле перрона ноутбуком.

В Америке смешались времена, как в книгах Ричарда Баха или рассказах Каттнера.

Обратный путь в Европу был на час короче: Земля приветливо разворачивалась навстречу.

Разноцветная и разноязыкая толпа в аэропорту. Таможенники с комплекцией цирковых силачей вместо гирь перебрасывались осмотренными чемоданами. Контролеры с пронизывающими взорами и неподкупно холодным выражением лиц. Изредка они совершали быстрый, как язык хамелеона, бросок и молниеносно проводили руками по поясу или карманам пассажира. Им никто не успевал возразить.

Уже привычно улыбочивые стюардессы трансатлантического Боинга на пути домой. Араб, который нервно метался по самолету, как выяснилось, в поисках свободного клозета. Наши взгляды на мгновение пересеклись. Мне стало неловко: он понял мой испуг.

Яркий Марс недвижно висел справа по борту всю ночь. Идущий параллельным курсом Боинг сглаживал чувство космического одиночества.

Потрясающий восход солнца при посадке в Амстердаме: самолет снижался сквозь золотые, белые, розовые слои и коснулся полосы с первым на земле лучом.

Мимолетная радость от набора картонных подставочек для кружек с картинами Ван Гога. Я купи-

ла их за 10 оставшихся долларов в зале ожидания, потом с удовольствием раздаривала.

Жуткий огромный самолет, пролетевший над нашим Яком над Румынией так близко, что нас отчаянно затрясло в его спутном следе. Стало понятно, почему стюардесса попросила посреди полета застегнуть ремни. Повезло, значит, на этот раз.

Наконец, таможенница в родном аэропорту, небрежно скользнув взглядом по моему лицу и моей сумке, бросила мне с интонацией, знакомой по диссидентским мемуарам времен застоя: "на выход!"

Кто бы спорил.

МЫ САМИ НЕ МЕСТНЫЕ...

Поездка в Москву была слишком короткой, чтобы понять, что в бывшей столице изменилось.

Да и раньше я не чувствовала ее так, как Питер, где уже привокзальный воздух и свет мне казались особенными, своими.

Наш опоздавший на три часа поезд прибыл из черно-белой послевоенной хроники. Кипяток проводники приносили из другого вагона в чайнике. Мы петляли по железнодорожным веткам и стояли на таможах почти двое суток, постепенно покрываясь липкой поездной грязью.

На московском перроне упитанный восточный человек предложил машину до гостиницы. Водителем оказался его худой молодой собрат.

Он неуверенно кружил по центральным улицам между разноцветными огнями в небе и их отражением в мокром асфальте.

Даже приятно было это вечернее кружение, прерванное подсказкой стоявшего на обочине таксиста, к которому все-таки пришлось обратиться за помощью.

Мы были в одном повороте от нужного места.

Тихая заводь посольской гостиницы с красными дорожками на лестницах, национальной одеждой официантов и фотографией Путина почему-то с Хазановым тоже напомнила прошлое, но более близкое, из цветного телевизора периода застоя.

До Института Шемакина минут 20 езды по радиальной ветке, практически без переходов.

Ну и какие сейчас москвичи, которые без машин?

На первый взгляд, такие же, как и были. Читают меньше, как показалось. Я заметила спортивные газеты.

Лица пассажиров защищены психологически верной маской безразличия, взгляд обращен в себя.

На Ленинском проспекте в вагон шумно ворвалась группа крепких натуральных блондинов лет по 16-17. Мужчины, сидевшие рядом со мной, явно напряглись, но выражения лиц не изменили.

Детки вели себя демонстративно раскованно, как в пустоте.

Громкий мат не нес абсолютно никакой смысловой нагрузки. Они просто договаривались о следующей встрече. Через пару перегонов часть из них вышла, оставшиеся замолчали и сделались неразличимыми.

Назавтра мы выбрали другой маршрут.

На переходе затруднились в направлении, подошли к милиционеру, столбом стоящему посреди потока: мы сами не местные... Какие шутки.

Он совершенно серьезно ответил, что тоже не местный, лучше спросить у дежурной.

Растерянный голубой взор со свежес- розового, без малейших признаков бритья, круглого лица не позволил усомниться в его искренности.

Три дня съезда примирили со всеми неудобствами дороги.

Мы купались в грамотной речи, деловой обстановке, прекрасной аргументации сообщений, независимо от того, был докладчик нобелевским лауреатом или подающим надежды аспирантом.

Свободного времени практически не было.

Я все-таки его выкроила, чтобы посмотреть книги.

Узкие тротуары на Кузнецком мосту заставлены торговыми лотками.

Проходя мимо них, я вдруг зацепилась взглядом за лупу, лежащую на географической карте.

Меня звал к себе книжный на Тверской, но я остановилась, как будто кто поводья натянул.

Среди бижутерии и помидоров стоял лоток с оптикой.

Бинокли, лупы, лупки и лупища разных конструкций, мои детские мечты, лежали передо мной.

Знаете, как интересно наблюдать жизнь в траве, держа постепенно тяжелеющую лупу за гладкую черную ручку, ведя ее, например, вдоль муравьиной тропы?

А лежа на крыше, следить через бинокль за фигурами учебных самолетов в небе над провинциальным городком вблизи летного полигона?

Над увеличенным лупой участком карты моя торопливая жизнь вздохнула и притормозила, и белый свет снова предстал "странным, окутанным в цветной туман". Смуглая девочка Гуля выкладывала свои сокровища.

Я не удержалась и купила легкие очки со сменными увеличительными стеклышками для вышивания - порадовать дальноразрешающую тетку.

Лупа дома есть, она давно лежит в ящике стола.

Карта, по которой играли в города, тоже снята со стены и сослана в закрома.

В книжном осталась бы я навеки, застревая на открытых наугад страницах.

Взяла себя в руки и выбрала только то, что хотелось перечитать не с экрана монитора, а вдыхая запах книги и привычно пачкая пальцы типографской краской.

На обратном пути Гуля приветливо мне улыбнулась.

У газетного киоска медлительный человек средних лет, расплатившись, забирал по одному многочисленные журналы.

Я спешила. Вы так и будете их брать? Он повернулся ко мне и поправил: покупать, а не брать. Ну... в данном случае брать, забирать.

Хранитель русской грамотности задумался и задержался посмотреть, что я куплю.

Москвич.

Держит оборону перед наступающими диалектами.

Толпа в центре и у станций метро делится на торопливый поток и островки стоящих без явного дела людей.

Островки вызывают желание их обогнуть.

Я их видела и в других городах, начиная с конца 80-х.

У нас еще обращают на себя внимание молодые люди, сидящие на корточках в самых неожиданных местах.

Даже на переходах у светофоров.

Сидят поодиночке или группами, курят, молчат или негромко беседуют. Непонятно, ждут чего, мечтают ли о чем.

Так иногда подолгу сидят коты, не ссорясь и видимо не общаясь. Но коты вызывают не беспокойство, а желание подключиться к их локальной сети.

Вечером на Лубянке заметны девушки в супермини и с сигаретками, стоящие у стеночки.

Вполне приветливо, но не совсем точно отвечают на вопросы. Похоже, тоже не местные.

Все смешалось в бывшем общем доме: свое и чужое, постоянное и временное, черно-белое и цветное, прошлое и будущее.

Настоящего маловато.

Чтобы не вспоминать и не надеяться впустую, а просто с удовольствием жить.

Про обратную дорогу и вспоминать не хочется.

Хочется думать, что замызганный поезд вез нас в настоящее, которое надо самим же и делать.

Кто ж подаст, ежели все кругом - неместные?

Wednesday, November 1st, 2006

КАТАРСИС

Череда неудач и даже несчастий и потерь, своих и чужих, напрягала. Я держалась.

Неудачи шли на меня тевтонским клином. Я отшучивалась.

Но когда вчера вместо звездного неба препарата я увидела в окуляре микроскопа темную ночь, в башке что-то щелкнуло. Я поняла, что все кончено.

Старый микроскоп умер. Нового нет и неизвестно. Работы больше никакой не будет.

Сейчас сброшу мантию, гряну оземь корону и отправлюсь, куда глаза глядят! Превращаясь на ходу в тыкву!

Глаза хотели сидеть на месте и плакать.

Меняхватило только добрести до окна и отодвинуть темную штору.

В голубом предвечернем небе висела прозрачная половинка луны. Я представила, что это планета Саракш, и немного на нее поскулила.

Жизнь потеряла смысл.

В мозгу толпились крылатые фразы вроде гутты, которая кават ляпидем нон ви сэд сэпе кадендо.

Как прошел вечер, я плохо помню. Выпила таблетку от головной боли и неожиданно крепко заснула.

Наутро поняла, что техник во время ремонта от излишней старательности сбил центровку люминесцентной лампы.

Лампу я поправила, исследование закончила, получила серьезное предложение сотрудничать и распечатала срочные материалы, за которые не хотелось браться недели три.

Помятую корону задвинула в дальний угол.

Мантию отдала сестре-хозяйке на списание. На ветошь. Окна протирать.

СОН РАЗУМА

Знакомая докторша упростила в воскресенье пойти с ней послушать лекцию ведущих ученых по Синтезу.

- Какому синтезу?

- Ну...вы там поймете. Платить не надо, вы только лекцию слушаете, а на платные практики не останетесь.

- Практики?

- Я приглашаю. Вы обязательно должны послушать, редкая возможность. Синтез объясняет все, все болезни.

Докторша жутко деловая.

Говорит как бы и профессионально, а потом в речах ее появляется что-то информационно- космическое вкуче с вездесущими гельминтами. Я от таких разговоров даже в медицинской среде уже не шарахаюсь, больше развлекаюсь и сил своих на споры не трачу.

Не смогла отказаться, обещала пойти.

Место проведения семинара официальное, типа ДК. Собралось человек 30, между собой знакомы. Обычные женщины, в смысле не дамы, четыре мужичка тоже неясного социального происхождения, одна хорошенькая девушка. Один из мужчин – лет 35-40, невысокий, спортивный, с четким лицом разбогатевшего секюрити прошел вперед и раскрыл перед собой блокнот. Потом по реверансам лекторши в его сторону мне показалось, что это чуть ли не сам основоположник нового учения.

Перед началом семинара все подходили к сидящей впереди меня слушательнице и отдавали ей деньги. Зеленые. На меня посматривали, явно не понимая, была я здесь накануне, или не была. Я не суетилась, поэтому только одна женщина не выдержала и спросила, не знаю ли я, кто вчера взял книгу. Я не знала.

Лектором оказалась аккуратная ... ну, пусть дама. Типа сотрудницы проектного института, если вспомнить, что это такое. Возможно, член профкома.

Села у стола, ожидая, когда все рассядутся по местам. Моя знакомая явно была в числе организаторов, позвала меня в первый ряд, я осталась в последнем.

Включили верхний свет, одна из лампочек на потолке перегорела и отвалилась.

- Это ЗНАК!- лекторша подозрительно оглядела зал. На меня оглянулись пару человек. Ой.

Местная кошка забрела.

- УБРАТЬ! – тихим уверенным голосом. - Кошка отвлечет от СИНТЕЗА!

Выдворили кошку и дверь крепко прикрыли, даже замком пощелкали. Ведущая встала, и воцарилась тишина. Для начала Дама будничным тоном сообщила, что по обе стороны от нее, рядом со столом, стоят Владыки. И будут контролировать процесс второго Синтеза (первый был, очевидно, накануне). Я пожалела, что не ушла вместе с кошкой.

Три часа она говорила тихим монотонным голосом, и три часа никто не шевелился, кроме меня.

Никаких модуляций и никаких пауз. Все застыло, даже воздух.

Мне показалось, что кто-то слегка всхрапнул. Раза три я тоже чуть не заснула, потому что выдержать трехчасовую монотонную нарезку из научно и ненаучно -популярных сведений невозможно. Не знаю, как Владыки, а я, чтобы не утратить контроль над своим сознанием, стала отмечать возможные источники второпях сляпанного на каких-то околицах политехнологии, психологии и коммерции учения.

Действительно, синтез. Все смешано: религии ортодоксальные, реформаторство, экуменизм, восточная философия, Блаватская, Атлантида, классическая психология, психоанализ, соционика, психосинтез, информационное поле и еще что-то. С явными намеками на отсталость всего перечисленного с пользу СИНТЕЗА.

Намеки - с доверительно-ироничной интонацией, как своим, единственное отклонение от монотонности. " Мы с вами понимаем, не может быть чудотворной разрисованная обычным человеком дощечка, правда же?"

Ключевые слова – те, что на слуху у всех по передачам нынешнего ТВ. Типа наука и религия.

Постоянные упоминания о широком успешном распространении СИНТЕЗА и регулярных семинарах на просторах СНГ.

Время остановилось. Для меня оно останавливается только в самолетах. Я напоминала себе, что все относительно, что на самом деле время идет своим чередом, и утешалась соломоновым «Все проходит». Хотела спросить у соседки, есть ли у них перерывы, она повернула ко мне застывшее лицо с совершенно остекленевшим взглядом и не ответила.

Чур меня, подумала я.

Перерывов не было. Лекторша взяла лист бумаги, надела очки и начала читать текст «ПРАКТИКИ». Мои ассоциации унесли меня за тридевять земель от науки и религии, я вспомнила пародию М.Архангельского на Сельвинского.

"...И стал меня стихами обчитывать.
Обчитывает час, обчитывает другой,
Начал обчитывать третий.
Медведица взыла: пусти, дорогой,
у меня дома муж и малые дети!"

Классика группового гипноза. Бесконечные повторения фраз и упоминаний ОТЦА МЕТАГАЛАКТИКИ . Все это в гробовой тишине. Все, кроме меня, впали в транс и кататонию.

Никакого движения, только маятник часов внутри меня отсчитывал бесконечные минуты. Еще полчаса.

Дама отложила бумагу, сняла очки и сообщила, что Владыка слева разрешил сделать перерыв. 30 минут. Нет-нет, постойте, вот он сейчас подсказывает, что не

30, а 25! Все стали подниматься с мест, а я бочком – в дверь.

Моя знакомая, медленно возвращаясь из астрала, обернулась и слабо махнула рукой мне вслед.

ОСТАНЬСЯ, МГНОВЕНИЕ!

Не хватает снежинок на ресницах, морозного скрипа под ногами, детских визгов в сугробах, особенного, снежного, света за ночным окном.

Долгая осень с попытками природы уклониться от зимы, провести ее в вялом полусне, а потом потянуться зазеленевшими не ко времени ветками и стремительно распуститься, забыв об опасностях затаившихся морозов, удобна работникам коммунальной службы, а мне в тягость.

Мне необходимы все четыре времени года. Начало каждого сезона приносит радость новизны, к которой постепенно привыкаешь, но скоро биологические часы снова требуют смены холода на тепло, тепла на жару, жары -скорее бы!- на прохладу, а в конце года ждешь не дождешься побелевшей за ночь земли, снега на подоконнике, вспыхивающих в конусе света под фонарем или лучах автомобильных фар белых хлопьев.

В детстве зима бывала такой морозной, что замерзали птицы, и мама подбирала их и отогревала, как Дюймовочка ласточку.

Постепенно зимы меняли характер, теплели, и только иногда пугали истерическими морозно-снежными приступами, которые легко поддавались лечению оттепелью.

Память хранит, но до поры до времени, до склеротической мыслительной жвачки не загружает тебя подробностями прошлых событий. Она обозначает жизненный путь короткими вспышками счастливых мгновений, которые не остановились, но навсегда остались с тобой.

За всю жизнь таких мгновений острого счастья наберется не так уж и много: встречная улыбка, взгляд в глаза, синтонный разговор, Шопен из распахнутого окна, запах цветов после дождя, самозабвенный детский смех, хорошо задуманная и сделанная работа, в один присест прочитанная книга, потрескивание веток в костре, подробности кошачьей морды, придвинутой к тебе вплотную.

Но сейчас мне хочется зимы. Ко мне вернулся снежный вечер в Питере во дворе большого дома на углу Удельного парка у Светлановской площади, где несколько подъездов было отведено общежитию аспирантов. Когда я належке, без пальто, бежала по тропинке вдоль дома, зажегся свет в одном из близких окон, и ко мне в этом свете приблизился мерцающий искрами высокий сугроб. Снег казался пушистым, теплым. Вокруг ни души, только моя затрепетала. И я со всего маху бросилась в сугроб навзничь, и раскинула руки, и увидела небо. Сквозь уже прозрачные облака просвечивали и подмигивали мне звезды, редкие мелкие снежинки осторожно опускались на лицо, я совсем не чувствовала холода. Конечно, через пару минут я вскочила и побежала дальше, непонятно и совершенно счастливая. Я слилась с этим снегом, с небом, со звездами, со светом из окна - на мгновение, но, как оказалось, навеки.

Скоро Новый год. Он сам выберет, что нам оставить на потом, на безмятежный, счастливый склероз.

Friday, January 5th, 2007

Под суточное завывание необычного юго-восточного ветра выпал мокрый снег, замуровал ветви деревьев, скукожился на земле ледяной коркой.

Грачи раздраженно долбят ее клювами в поисках еды: только вчера тут всего было навалом, куда подевалось!

Кот осторожничает на скользкой крыше, быстро возвращается с округлившимися глазами.

Пейзаж - широкие мазки белой гуаши на сером картоне, исчерканном вкривь и вкось сепией.

Кому снежинок на ресницах не хватало?

Wednesday, January 17th, 2007

<http://foto-arxiv.livejournal.com/>

По новому адресу появился пропавший было ЖЖ maks_scam, теперь с указанием авторов выложенных фотографий.

Saturday, February 3rd, 2007

Физики продолжают шутить

Таблетка от все более привычного псевдонаучного пафоса.

Многое давно известно, но все равно приятно.

Забавно, что фамилии составителей сборника на сайте библиотеки крупновато набраны.

Ну да время такое...высоких пьедесталов:)

http://lib.aldebaran.ru/author/konobeev_yurii/konobeev_yurii_fiziki_prodolzhayut_shutit/konobeev_yurii_fiziki_prodolzhayut_shutit_0.html

Thursday, March 8th, 2007

МЕСЯЦ МАРТ

Самолет нетерпеливо рванул в предрассветное небо и растворился в нем. Мне почудилось, что он радостно взмахнул крыльями, освобождаясь от земного притяжения и ночного мрака. Почти не завидуя, я порадовалась вместе с ним и помахала вслед рукой.

Ехать на работу было рано. Я посидела за столиком в буфете, напоминая себе любительницу абсента. С той разницей, что вместо абсента передо мной стояли чашка не лучшего в мире кофе и минеральная вода. Полное одиночество во внезапно опустевшем аэропорту меня нисколько не тяготило. Наверное, потому, что в этом человеческом вакууме невидимо клубились и доносили до меня чью-то положительную информацию псевдонаучные торсионные поля.

Рассвело. Оставив торсионщикам прочитанную газету, свои размышления и звук шагов, я вышла в утреннюю свежесть. Окружающие холмы едва угадывались в тумане. Неподалеку уже стояли маршрутные такси. К двери машины тянулась ветка куста, покрытая лопнувшими почками. Как, уже?

Всего за неделю зима успела выполнить весь квартальный план. Долгожданный снег выпал, по-

лежал пару морозных дней, сжался под сильным ветром, растаял под упорным мелким дождем, еще вчера докучая грязными лужами и неопрятными клочковатыми остатками в нехоженных местах возле темных кустов. А сегодня вот они - зеленые почки.

Маршрутка по пути подбирала еще зевающих ранних одиночек. Ближе к жилым кварталам на остановках людей стало больше, салон машины быстро заполнялся, и к выходу мне уже пришлось пробираться сквозь малоподатливую плотную массу пассажиров.

В институте я не спеша прошла по территории, присматриваясь к жизни. Туман исчез, поднялось солнце и осветило деревья. Мне ведь казалось, что даже птиц в этом году в нашем саду меньше, чем всегда, что все застыло и уснуло, как заколдованное.

Кто-то расколдовал. А я и не заметила.

Среди вишневых ветвей суетились синицы, дятел в красной шапочке набекрень лихо долбил старый орех. Степенно и молча пролетела к своему гнезду сорока, неся в клюве толстенький прутик. Воздух стал прозрачным и легким для дыхания.

Работалось тоже легко. Под вечер я возвращалась домой, стараясь не наступать на еще вялых, еще разрозненных жуков -солдатики, выползающих из всех щелей на нагретый солнцем асфальт.

Наутро раскрыла окно, кот немедленно оказался рядом, и мы с ним увидели, как на верхушки растущих у дома деревьев сыпались с безоблачного неба веселые скворцы. Долетели.

Friday, March 9th, 2007

ТОРСИОННЫЕ ПОЛЯ И, УВЫ, ОБЪЕКТИВНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Оказывается, А.Е.Акимов, известный по активной пропаганде торсионных полей, умер в феврале.

Год назад меня занесло на одну конференцию, где А.Е.Акимов с привычным энтузиазмом говорил о медицинском применении биорезонанса и торсионных полей, чудесное воздействие которых ощутил и на себе во время недавней болезни, а выглядел плохо. Диагноз болезни мне, как профессионалу, из его слов и по его виду был ясен, но я не решилась сказать, что надо бы лечиться как следует. Мне хватало споров в кулуарах. Предположила, что биорезонанс был его последней надеждой или он соблюдал хорошую мину при многолетней игре, а суть и без меня знает.

Крайне отрицательно относясь к тому, что слышала в его выступлениях и читала на разных сайтах, я все же испытываю сожаление. Жаль, что не решилась возразить вслух. Год был впереди. Досадно мне.

Теперь из *de mortuis aut bene aut nihil* остается *nihil*.

Saturday, March 10th, 2007

<http://antwarp.gsfc.nasa.gov/apod/ap070302.html>

<http://antwarp.gsfc.nasa.gov/apod/ap070325.html>

Если бы мы жили на Луне...

Saturday, March 24th, 2007

С завтрашнего дня начну есть только китайскими палочками.

Много-то палочками не ухватишь.

Через месяц проверю эффективность.

Sunday, March 25th, 2007

Кот перешел на летнее время.

Разбудил ровно на час раньше, чем всегда.

Значит, правда, что он все подслушивает и все понимает.

Thursday, March 29th, 2007

Правильное решение насчет еды китайскими палочками. С двумя горошинами уже никаких сложностей. Иногда ухватывается третья.

Процесс проходит с нужной степенью вдумчивости, без спешки, но с остановками, что как раз неплохо.:)

Ну-ну. Кота бы еще научить.

Saturday, March 31st, 2007

В институте появились городские голуби. Никогда тут не водились ни голуби, ни кошки. Небом до сих пор владели, делясь им с мелкими птицами, сороки и грачи, пустырями и лужайками - три группировки собак, которые почему-то стремительно вырождаются. Крутятся сейчас у мусорных площадок мелкие, разномастные, безо всякой мысли в непрозрачных глазах люмпены, способные только на коммунальные дразги.

В этом году грачи прилетели вовремя, но развели руками и подались, как мне показалось, куда-то дальше: две недели назад в институте началась реконструкция территории, часть деревьев убрали, жить птицам становится негде. Сороки, синицы и прочая мелочь успели сохранить свою часть жилплощади, а репатриантам что делать?

Вчера я увидела, что стоящие у самой проезжей части на другой стороне улицы деревья буквально заполнены грачиными гнездами. Птицы деловито их достраивают, переносят стройматериалы со старых мест. Не улетели в загородные рощи, остановились близко, через дорогу, чтобы "хоть взглянуть на родную страну".

Грачи и гнезда совершенно саврасовские, живописные. Жаль, что жизнь их ждет беженская, в машинном перегаре и людской суете. У птенцов уже будет новая родина - шумная, многолюдная, опасная новыми опасностями естественного отбора. У которого есть, судя по нашим собакам, и какие-то другие, кроме эстетических и интеллектуальных, соображения.

Срубили в саду и старую сливу, и кусты под ней. На верхушке сливы каждый год пел соловей. Где он теперь будет жить? Ему ведь не только жить, ему и петь надо.

Ахти мне.

Friday, April 6th, 2007

Навеяно soboleva_t

Каникулы я всегда проводила у бабушки. Уютный украинский городок, вокруг натуральное хозяйство. Куры для еды покупались на местном рыночке. Случилось, что к нашему с отцом приезду в доме оказалась живая курица, которую надо было приготовить на обед. Я, естественно, в расчет не входила, отец вообще сбежал.

Терапевт:)

Бабка говорит: дайте нож. Как-то хитро курицу прижала и подагрической рукой отсекала несчастной голову. Потом посмотрела на остолбеневшую меня и задумчиво сказала: мне кажется, что я могла бы убить человека.

-Почему же не убила?- я растерялась.

-Повода не нашла.

За 90 лет жизни! Революции, Махно, ЧК, война и проч., а она повода не нашла! Мне полегчало, потому что представить бабуку, бывшую акушерку, вдову земского врача, написавшую на нотах "Сонета Петрарки" Листа "Мое любимое", человекоубийцей я не могла.

А вот же ж. Темны человеческие глубины.

Wednesday, April 25th, 2007

Несомненно, Б.Н. Ельцин заслуживает государственных почестей и если не любви, то почтения.

Фигура яркая, характер абсолютно русский, национальный, просто герой русских народных сказок. То хитрый суп из топора, то скатерть-самобранка. То 33 года на печи, то спустился и всех врагов одним взмахом уложил. То в полном проигрыше, то в окончательной победе. Интересная фигура.

Возможно, после отставки не только теннисные турниры посещал, но выполнял роль неофициального посланника в различных переговорах за сценой, как это делают многие политики, ушедшие в тень.

Зачем делать из него богомольца, успевшего напоследок омыть лицо водами Иордана, зачем эта бесконечная православная панихида по нерелигиозному человеку в светском государстве. На всех каналах ТВ нарастающая волна превосходных степеней. Квадрат, куб, десятая степень!

Я нисколько не удивлюсь, если главный сенатор Миронов или Жириновский выступят с предложением канонизировать бедного экс-президента.

Одновременно с выборами В.В.Путина на третий срок.

Saturday, April 28th, 2007

Будь моя воля, я бы запретила политические памятники вообще. Уж сколько их поносили во все эпохи! Скидывают, скидывают, придавливая пустыми торсами и тех, что защищают, и тех, что сносят. И ставят, ставят новые, зная, что рано или поздно снесут, что кого-то придавят.

Куда лучше чижики, пьяненькие танцоры, писающие мальчики, русалочки, верные собаки, литературные герои и присевшие с кошкой на коленях на лавочку славные жители нашего городка.

Thursday, May 3rd, 2007

Когда-то в нотном сборнике я увидела название танца: полька с выхилясами.

Выхилясы команды Якеменко у посольства низводят политическую хореографию до уровня балагана.

Очевидно, именно такой ответ хореографы считают адекватным точно рассчитанным фигурам таллиннского полонеза.

Прав был "мон рара", когда "запрещал, чтоб я польку танцевал".

Friday, May 4th, 2007

КОТ И ТЕТКА

Тетка избаловала кота до того, что он вступает с ней в перебранку, если что не по нраву. В крайнем случае возмущенно прихватывает зубами лодыжку, грозя свалить и загрызть.

Вчера он молча сидел над свежей едой, не прикасаясь к ней. Еда была незнакомой, он ей не доверял, как капризный тиран. И мисочка новая. И вообще он любит смесь индейки с ягненком и чтоб желе было побольше. Тетка снимать пробу с кошачьей тушенки не собиралась, а собиралась настоять на своем. Я посоветовала кормить кота борщом, а не ягненком в желе.

-Хорошо,- непривычно решительно сказала коту тетка. - Сиди тут сколько хочешь, я не буду тебе открывать новый пакетик. Покупать тем более. Придется перейти на борщ. Зеленый! - тетка в своих угрозах тоже дошла до предела.

При упоминании борща кот поднял голову и укоризненно посмотрел тетке в глаза. Она выглядела непреклонной.

Кот вздохнул, протянул лапу к мисочке, подцепил кусочек когтем, осторожно обнюхал, облизал и съел. Поднял бровки, подцепил еще один, облизал, съел. Вилку дать? - ехидно спросила я.- Может быть, палочки китайские? А в Детройт не хочешь? Там в приютах психологи капризных котиков воспитывают. Пойдем, я тебе включу "Animal planet".

Не хотел он в Детройт.

Перестал валять дурака, съел все и вылизал мисочку.

Tuesday, May 8th, 2007

Третий день как остановилась моя френдлента.

Не хватает картин и картинок, виданных и невиданных зверей, множества птиц, среди которых так и не нашлось моей птицы-загадки, неба и травы у дома где-нибудь в далекой Сибири или Африке, ехидных реплик, глубокомысленных замечаний, прикосновений к живому, горячей реакции на свежие события и уклончивого молчания несогласных.

Я так и не узнаю, как надо выкладывать фотографии в ЖЖ, не прочитаю новых стихов, написанных за меня, чужих воспоминаний, похожих на мои, не сверю часы по Часовщику. Новые коты Ихневмона сидят в цветах без меня.

Все это приходило ко мне ранним утром само по себе, начинало мой день, ехало со мной на работу и держало меня в руках или лапах, когда у меня лопалось терпение.

Хе-х...Картина жизни оскудела.

P.S. Часы снова тикают. Спасибо Часовщику. Сдвинулась лента, время пошло.

Wednesday, May 9th, 2007

Хорошая идея у spogarr получать по подписке животные новости.

С ними снова чувствуешь себя человеком.

Saturday, May 12th, 2007

Дней десять, как прилетели соловьи.

Наш растерянно пощелкал у родного пепелища, потом молчал пару дней.

Зато в еще нетронутом уголке сада, в небольшой липовой роще воздух резонирует от звуков непривычно мощного соловьиного хора. В высокой траве у дороги кормится стайка, мелькают на взлете рыженькие пояснички. Никогда прежде я не замечала на земле больше двух-трех соловьев рядом.

Значит, смогли собраться со всей округи и живут теперь вместе. Наверное, и наш сосед с ними.

Но каждое утро он один прилетает к корпусу и поет на верхушке платана, растущего у границы его погубленной вотчины: то ли ностальгия, то ли желание сохранить за собой старый участок. Мне кажется, что в его песне нет прежнего вдохновения. Фразы короткие, в три-четыре колена, трели звучат глуше, однообразнее.

Может быть, все проще, и это пробует голос соловей из молодого поколения прошлого года. "Мой сын поет сегодня на майдане".

Не знаю, сколько лет живут соловьи .

Saturday, June 9th, 2007

ПЕЧАЛЬ МОЯ СВЕТЛА...

Краткая поездка в СПб на очередную конференцию. Самолеты от нас туда не летают, поэтому снова дорога в раскаленном поезде.

Оазис квартиры моих старых друзей: гостеприимство, не нарушающее ничьей свободы, синтонный разговор, полный дом книг. Глаза находят новые названия, руки тянутся к полкам, вечером засыпаешь в окружении сразу двух-трех раскрытых книжек.

Конференция - типичная для последних лет: хорошо организована, но на деньги и, следовательно, под знаменами западных производителей аппаратов, технологий и препаратов. Дорогих, очень дорогих. В самом СПб представленные технологии тоже еще только в перспективе. С учетом запрета на передвижение биологических материалов становится неясным сотрудничество с референтными европейскими лабораториями. Короче, все интересно, заманчиво, но трудноосуществимо.

А вокруг обманчивый свет наступающих белых ночей, любимый сдержанный колорит зданий, их отражения в воде, напомнившие картины Кокорина.

Центр города заполонен туристами, по Фонтанке лодки белые, но уже не холеные плывут, в

маршрутках ленинградцы тоже не столь удивленные, сколь раздраженные едут. Водители Газелей явно не местные. Я ехала в новый Петербург, туда и приехала. Без ностальгического обмана.

Но все же была тихая, без экскурсовода, поездка по Неве. Свежий ветер разгладил мне лицо и напомнил ленинградскую юность, не вызвав сожалений. Может быть, потому, что я и не расставалась с ней.

Был опустевший дворик пушкинского дома на Мойке. В музей я не входила, только купила новую книгу воспоминаний о Льве Пушкине, посидела на скамейке, около которой крутились упитанные городские голуби. На другой скамье сидел и разговаривал с пожилым человеком сошедший с пьедестала Александр Сергеевич. Кудрявые каштановые волосы, бакенбарды, спокойное, интеллигентное золотисто-коричневое лицо с совершенно пушкинскими чертами. Когда собеседники встали, я посмотрела им вслед. Африканский Пушкин покидал дворик легкой походкой, не оглядываясь.

Правильно, зачем оглядываться.

Он живет сегодня.

Friday, July 20th, 2007

Карантин, однако.

Который день 40 по Цельсию. Кот лежит под вентилятором, завернув хвост бубликом. Эпидемиологи пугают холероподобным вибрионом: "не пейте, не купайтесь". В компьютере вирусоподобные включения в количестве трех штук. Symantec AntiVirus отправляет их в карантин, но не убивает. Кто-то одинокий вообще отпущен за недостаточностью улики: left alone. Приложения в Word и Excel стали задерживаться стражей на выходе. Никому ничего не отправляю, помня заповедь non posere.

Одно жаль, не в Болдине живем.

Wednesday, August 8th, 2007

Вечером ломилась в окно цикада. Я даже испугалась, что закрывая окно, прищемила ее, так истово она верещала, не меняя места на оконной раме. Цикад в этом году много, и их вечерний звон вместе с запахами лета создают дачное настроение в городе. Но несколько ночей назад одна залетела к тетке и стала звенеть на стене над головой. От неизведанного тетка всегда впадает в панику. Вдвоем с котом они вычислили, где несчастное насекомое сидит, и порешили его. Утром оправдывались тем, что цикаду раньше в глаза не видели и думали, что это кричит что-то страшное. Тетка кота благодарила и кланялась ему в лапы за избавление. Она недоверчиво почитала про невинных цикад у Фабра, но видно было, что в другой раз их в доме тоже не потерпит. Ну вот и не открыла я окна, а скоро началась гроза с ливнем. Даже совестно. Вроде как стучалась у ворот в ненастье андерсеновская принцесса, а я ее непустила. Что только не почудится к ночи.

Sunday, August 12th, 2007

НАБЛЮДАЕМ ПЕРСЕИДЫ

Начался период звездных дождей.

Астрономы говорят, что " максимум обычно приходится на ночь с 12 на 13 августа и продолжа-

ется около суток .

Можно обозревать любую область неба, но предпочтительнее направить взгляд в сторону юга или севера”

<http://www.astronet.ru/db/msg/1222856>

Падающих звезд ожидается много. Делюсь. Мне и одной хватит.

Sunday, October 21st, 2007

СТРАНА ИЛЛЮЗИЙ

Страна Кинкейда.

За ее пределами с интервалом в 20-30 секунд взлетали или снижались самолеты, сквозь прозрачные и призрачные границы пытались проникнуть далекие шумы хайвэя и сирены полицейских машин. Напрасно. Ничто не нарушало покоя легких островерхих домиков, окруженных цветами, подстриженными кустами и старыми дубами, по ветвям которых перебежали белки, бросались крышечками желудей в снующих внизу бурундуков. Непуганный заяц каждый день встречал меня у трех кипарисов, сидя рядом с маленькой лубяной избушкой с узорчатыми ставнями. После ветреных ночей под большой раскидистой яблоней в траве лежали крупные красные яблоки со следами острых зубок. Из-за сетчатых оград задних дворов приветливо махали хвостами собаки, призывно влаивая из желания пообщаться. С берега небольшого пруда в неглубокой воде были видны широкие спины несуетливых карпов. Вода была не молочная, а берега не кисельные, но мне все хотелось протереть глаза и проснуться. По вечерам домики светились всеми окнами, аккуратно выметенные дорожки обозначались низкими фонариками. На краю участков стояли столбики с почтовыми ящиками разных форм и цветов для посылок и более высокие фонари с прикрепленными к поперечной балочке флажками, объявлениями и призывами.

Два раза в день тишина нарушалась детскими возгласами и смехом: желтые школьные автобусы и родительские машины развозили детей утром по близким школам, к вечеру по домам. Да по выходным дням слышался стрекот газонокосилок и шум портативных пылесосов, которыми собирают упавшую листву.

Соседи приветливо махали друг другу из окон машин и уступали дорогу на перекрестках. Можно было подумать, что находишься в заколдованной стране. Очарованной стране Кинкейда.

Привет тебе, Levkopoe, с Кинкейдом и китчем. Все правда в твоих любимых картинках.

Есть еще такие уголки на земле, до которых почти сутки аэропортовской сутолоки, терпеливо-тревожного ожидания, многочасового самолетного гула, тоски по 0-транспортировке или ковру-самолету.

Трудно сказать, они островки прошлого или будущего, попытки спрятаться от настоящего или построить его. Я не знаю. Но я там была, летали надо мной гуси-лебеди, прыгали вокруг белки и другие звери, и светились окна сказочных домиков на заросших диким шиповником берегах ручьев.

И звенел воздух вокруг меня детским смехом. И светилась навстречу мне любимая мягкая улыбка.

У каждого своя сказка.

... ГОРЕЧЬ ОТХОДИТ ОТ МОЕГО СЕРДЦА...

Люди делятся на два подвида: кошководов и собаколюбов. Кроме специалистов вроде ветеринаров и зоологов, о кошках пишут физики-теоретики, поэты и писатели-фантасты. О собаках - охотники, мужественные путешественники и военные, с плохо скрываемым пренебрежением отдавая интерес к кошкам на откуп старым девам.

В отличие от привязанности к собакам, любовь к кошкам относится как будто ко второму сорту. Иногда ее даже стесняются и пытаются многословно оправдать, как любовь к человеку другой расы.

Собака - общепризнанный сторож, напарник, друг. Кошка - что? Нахлебник, если нет мышей и даже если они есть, эгоист или по меньшей мере эгоцентрист, существо себе на уме, которое видит тебя насквозь, но ни на йоту не открывается тебе. Ждет льстивых комплиментов или пищи, получает их с избытком, принимает с несомненным достоинством, но потом может отвернуться и уйти по своим делам. Как бы ни близка была нам кошка, она сохраняет в своих глазах тайну, ее никогда не разгадать, разве что при очередной реинкарнации повезет, и твоя душа вселится в кошкину тушку.

Собаколюбы чаще всего левополушарные логики, живущие деятельно, без лишней рефлексии. Они изучают пути приручения волков и шакалов, выводят новые породы собак, приспособливая их к своим требованиям, в обычной жизни гуляют по утрам и вечерам на свежем воздухе, наслаждаясь беззаветной собачьей любовью, послушанием и преданностью, простой и понятной.

Правополушарные кошководы даже не обсуждают историю приручения кошек, которое так и не произошло за многие века их совместного существования. Они ищут и находят в сложной кошачьей натуре идеальное, но редко достижимое для них самих сочетание независимости и тонкости взаимоотношений, приписывают кошкам мистическое умение улавливать во Вселенной и транслировать тайные знаки судьбы, и всегда гордятся доказательствами особого душевного контакта с кошкой любой породы и социального происхождения. Хоть с выставки, хоть с мусорки. И нет лучшей тяжести на душе, чем почти невесомое тельце котенка или несколько килограммов вибрирующей котятины.

Вот еще одно рассуждение о кошках, из которого в очередной раз становится ясно, зачем они нужны людям .

http://az.lib.ru/h/hodasewich_w_f/text_0140.shtml

“...Любовь к кошкам проходит через всю мою жизнь, и меня радует, что с их стороны пользуюсь я взаимностью. Мне нравится заводить с ними летучие уличные знакомства и, признаюсь, моему самолюбию льстит, когда бродячий и одичалый кот по моему зову подходит ко мне, жметя к ногам, мурлычет и идет за мной следом. Несколько лет тому назад, поздно вечером, познакомился я с одним таким зверем у Пон де Пасси. Немного поговорив, мы пошли вместе, сперва по набережной, потом по авеню Боске. Он не отстал от меня и на рю Сен-Доминик, по которой двигалось много народу, расходившегося с декоративной выставки. Как истые парижане, мы зашли в бистро и выпили: я - рюмку коньяку, он - блюдечко молока. Потом он проводил меня до дому и, судя по всему, был не прочь остаться со мной, но к несчастью я жил в отеле.

Существует ходячее мнение, будто бы кошки не приживаются к человеку и будто бы они глупы. Их сравнивают с собаками. Я не люблю этих ребяческих рассуждений. Не стоит искать в животных маленького, расхожего ума. За таким умом лучше ходить просто в

гости, потому что и самый глупый из наших знакомых всё-таки умнее самой умной собаки. Кошки не любят снисходить до проявления мелкой сообразительности. Они не тем заняты. Они не умны, они мудры, что совсем не одно и то же. Сощуриив глаза, мой Наль погружается в таинственную дрему, а когда из нее возвращается - в его зрачках виден отсвет какого-то иного бытия, в котором он только что пребывал. Кошки настроены мечтательно и философически. Они непрактичны и не всегда считаются с обстоятельствами. Поэтому безоглядна их храбрость. Двухмесячный котенок, когда я его пугаю, не обращается в бегство, а спешит перейти в нападение. Они горды, независимы и любят рассчитывать только на себя. Поэтому дружба их лишена бурных проявлений и в ней нет ни намёка на подхалимство. Обидевшись на вас, кот способен дуться по целым дням и целыми неделями делать вид, что он вас не замечает. Кот решительно не желает сторожить ваш дом, потому что он вам не слуга. Но он любит быть вашим собеседником - молчаливым, мурлыкающим или мяукающим - всегда по-разному. Он любит спорт и хочет, чтоб вы разделяли его увлечение. Покойный Мурр являлся ко мне в любой час дня или ночи и до тех пор кричал (несколько в нос) "Сыграем! Сыграем!" - покуда я не соглашался сыграть с ним в прятки. Он носился по комнатам, прячась за мебель и за портьеры и заставляя меня его отыскивать,- и готов был длить забаву до бесконечности, хотя у меня уже ноги подкашивались от утомления. Зато и нет ничего более трогательного, чем кошачья дружба. Она проявляется в особенности тогда, когда плохи ваши обстоятельства или тяжело у вас на душе. Положительно могу утверждать, что стоило мне быть расстроенным - кот, до этой минуты не обращавший на меня внимания, тотчас приходил ласкаться. Это кошачье участие всегда исполняет меня глубокого умиления. Вот и теперь, когда Зайчуров, дорогой друг мой, встретив меня в печальную булонскую ночь, бежит за мною по улице,- горечь отходит от моего сердца и начинает казаться, будто легко мне жить, и дышать мне не больно.."

СВОБОДА?

Очередная реинкарнация моего давнего текста, вызванная занимательными и серьезными размышлениями в ЖЖ val000 о самостоятельном существовании души. Никак мне от этого текста не освободиться, а серьезность в руки не дается.

Давление со всех сторон нарастало, стенки укрытия плотно охватили его тело и мягкими настойчивыми толчками продвигали по узкому туннелю туда, где все ярче обозначался свет. Ему надоело жить в тесной темнице, хотелось выпрямиться, расправить руки, вдохнуть полной грудью. Он так и сделал, ахнув от нахлынувшего холода и света, чувствуя, как с первым вдохом в него проникла неведомая субстанция, которая стремительно заполнила его целиком.

- Свобода! - закричал он так громко, как только мог. - Свобода!

- Как замечательно он кричит! – заворковали окружающие и туго его спеленали. Он улыбнулся и затих, с наслаждением вытянувшись.

Шло время, он научился владеть собой, своим телом, наслаждаться чувством свободы, которая ритмично пульсировала внутри него, иногда так сильно, так настойчиво, что заставляла совершать безумные поступки.

- Нет, так нельзя! – убежденно сказали ему. – Свобода – это осознанная необходимость!

И его связали узами брака.

Время шло, он покорно осознавал очередную необходимость, еще одну, еще одну, еще... Ровное биение внутри него начало давать сбои, а тело - сгибаться под тяжестью осознанного. Он тосковал по прежней легкости, которая когда-то переполняла его и заставляла дышать полной грудью, и боялся неловким движением

обеспокоить свободу, угрюмо свернувшуюся где-то в глубине.

Время неумолимо – песчинка за песчинкой - отсчитывало свой ход, и там, внутри него, стало созревать и шириться стремление вырваться из цепких и тесных объятий. Ему не хотелось сопротивляться этому стремлению, он жил в ожидании последнего освобождающего усилия, и когда долгожданный момент наступил, с облегчением выдохнул: «Свобода!» Тело его выпрямилось, и лицо расправила мягкая улыбка.

- Что? Что он успел сказать? – заволновались окружающие, склоняясь над ним.

И туго спеленали его саваном.

Никто не заметил, как туманный сгусток невесомой субстанции рванулся в сияющую высь, сливаясь с ней.

Свобода!

МНЕ ИЗБЫ СЕРЫЕ ТВОИ...

Оценив Кинкейда в картинках и в реале, я вспомнила поездку в богом забытую деревеньку ДорА под Малой Вишерой. Это как пирожное закусить крепким соленым огурчиком. Давно это было, более десяти лет назад, в начале сентября. Другая сказка.

Знаменитая радищевская дорога из Петербурга в Москву. Деревянные дома с резными наличниками, ставнями, крылечками. За мостом через Волхов стояли полуразрушенные лермонтовские казармы. Отбегали назад знакомые по книгам и учебникам истории названия.

В быстро наступившей бесфонарной тьме вспыхивали отраженным от фар светом глаза одичавших или гуляющих на свободе кошек. Темный бесконечный лес отгораживал нас от мира с обеих сторон. Наконец, свернули с дороги, осторожно прохрустели по хилому мосточку над сухой канавкой, проехали по единственной улице мимо темных домов и остановились у бревенчатой избы. Эту избу купили весной буквально за ничто наши питерские друзья, чтобы отдохнуть от городской жизни, и с воодушевлением дилетантов занялись выращиванием экологически чистых продуктов, следуя зародившемуся в девяностые годы движению.

Справа от избы, обозначая начало владения, росла кривая яблоня, ограды не было никакой. В окне горел неяркий свет, из трубы тянуло дымком - к нашему приезду затопили русскую печь. Кривые ступеньки вели со двора в сени, пропахшие запахом грибов и сухих трав. Никаких запоров на дверях. Горница была просторной, с большим столом посередине, с лавками под небольшими окнами. Печь занимала треть этого пространства, от нее исходило ровное тепло, розовые блики плясали на стенах. Низкий потолок, большая лежанка у стены.

Вода бралась из колодца, стоявшего на обочине дороги. Сортир оборудован прежними хозяевами на чердаке, выгребная яма огорожена высоким деревянным коробом, который отделял ее от избы и от сарайчика с дровами под той же крышей. Дом с теплыми удобствами, значит.

Тетка поначалу прям в лице опрокинулась. Одна комната! Угар от печки! Где умыться? Сортир над поленницей? Что это вообще? Дача - это ажурная репинская конструкция в Куоккале! Куда вы меня завезли!?

Мы уж и не знали, как ее утешить. Спать положили в новой боковой пристроечке. Через еще не застекленное окно и щели между бревнами вливалась свежая прохлада, пахло лесным травами, выложенными для просушки на чистые полотняные полотенца.

Деятельная теткина душа замечательно быстро - всего через пару дней - вошла в привычную ей колею. Наткнулась на чердаке на старый самовар и старые сапоги, в лесочке набрала сосновых шишек и окончательно вернулась на место. Самовар заблестел, даже засиял, сапогом тетка ловко раздула в нем огонь, вода в самоваре уютно зашумела, и "совсем другая жизнь пошла в деревне" ДорА.

Самовар требовал ритуала, поэтому тетка выпросила часть запасенных досок, срубила, впервые в жизни взяв в руки топор и пилу, стол и лавки. Укрепила их под яблоней, непривычно, но по праву покрикивая на подмастерьев, т.е. на всех нас. За этим столом перебирали грибы, нарежали для сушки коренья, готовили банки для солений. А уж вечерами мы засиживались за ним допоздна, пили чай с мятой, мелиссой и дымком. С яблони иногда падали мелкие беспородные яблочки, любопытные гусеницы опускались следом за ними на невидимых паутинках и спешно подтягивались обратно, испуганные нашим смехом и самоварным паром.

Зимовали в деревне только три старухи, собака и коза. Всем им раз в неделю привозили про-

питание и по особой просьбе, непонятно как высказываемой без телефона, - фельдшера. В нескольких километрах от Доры располагалась центральная усадьба еще сохранившегося совхоза, отуда и приезжали.

Все же появлялись и признаки новой жизни. Часть домов за лето обновились, в конце некоторых дворов виднелись свежесрубленные баньки, а субботними вечерами слышно было хоровое застольное пение. Сосед напротив пригласил нас попариться, мы охотно собрались и всей толпой, включая цвергшнауцера Филю, отправились через дорогу, но войти в баньку не смогли. От влажного тепла новые двери крепко заклинило, а хозяева, напарившись, увлеклись застольем и на вопросы и просьбы уже не реагировали. Дверь нам так и не далась, мы посмеялись и ушли восвояси. Да и ладно, потому что в противоположном конце деревни, где улица упиралась в узкую речушку с чайной торфяной водой, на самом берегу стояла покосившаяся наша банька. Мы ее топили по будням, когда в деревне от безлюдья стояла ничем не нарушаемая тишь. Топили с утра, по-черному, долго ждали, пока выйдет угар, потом парились по очереди, сначала мужчины, а после них мы. Не выдерживая жара, бросались в ледяную, мягкую воду, по которой уже плавали желтые листики. Тетка, смертельно боявшаяся духоты и угара, получала от нас шайку и горячую воду и изображала на берегу за кустами Сусанну без старцев, ввиду их полного отсутствия. Только Филя носился вокруг, пользуясь дачной свободой. Тетка до того осмелела, что и по утрам стала ходить мыться на речку, все хорошея, светлея лицом, как будто живой водой умывалась.

В одной из поездок она обнаружила в каком-то селю раритет: алюминиевое круглое "чудо" с отверстием посередине дна, нечто вроде микродуховки. Решительно купила два экземпляра, и до конца отпуска у нас ежедневно пеклись шарлотки и кексы, распространяя замечательные запахи, которые весьма способствовали воскресным знакомствам с дачниками. Еще она не смогла отказаться от вьетнамской циновки, невесть как попавшей в эти места. Циновка доставила нам немало хлопот на обратном пути, застревая в дверях, тамбурах и коридорах, но мы ее довели благополучно, так же, как и одно из "чуд". Судьбу циновки я не помню, а "чудо" живет и радуется иногда гостей ароматным кольцом шарлотки.

Хозяину дачи понадобились еще бревна, и он привез на застольные переговоры директоршу совхоза и ее мужа, плотника, синеглазого викинга. Викинг до смерти боялся жены и только согласно мигал синими глазами в ответ на ее грозные взоры и даже окрики. Директорша крепко сидела за столом, оценила хлебосольство хозяев, отдала дань и питью и закускам, поклацывая иногда какой-то навесной зубной пластинкой, плохо прикрепленной поверх передних зубов. Призналась, посмеиваясь, что надевает ее по торжественным случаям для красоты. Хозяин, рафинированный питерский интеллигент, не мог соответствовать гостям в застолье, боялся пропустить что-нибудь важное в переговорах и попросил меня быть, что называется, хозяйкой мезона. Семейство его отнеслось к предприятию несерьезно и могло сорвать все дело своими комментариями, заключая за нашими спинами пари. Я занимала директоршу разговорами, пила водочку, не юля под ее внимательным взглядом. Азарт меня поддерживал, и я, игнорируя молчаливое изумление тетки и хихиканье остальных, честно заработала завершающий комплимент гостьи: "хорошо стол держишь". В результате обеспечила сделку на выгодных условиях. После отъезда гостей рухнула без памяти, как марафонец за финишной чертой.

Викинг оказался замечательным плотником, работал споро, даже с удовольствием, но только до обеда, после чего тихо отсиживался на бревнышках, а к вечеру с виноватой улыбкой отправлялся домой к своей директорше. Я долго не могла сообразить, где он берет столько спиртного, пока не заметила в поездках в город и совхоз за продуктами большое количество машин с темными стеклами. Это было внове для меня, но уже привычно для местных жителей. В машинах разъезжали по деревням предприимчивые торговцы дешевой водкой, и народ наверстывал упущенное

во время горбачевского сухого закона. Совхоз жил и даже процветал благодаря выносливости женщин, которые занимали все руководящие посты, как во время войны. Короткий рабочий день - до обеда - под суровым контролем руководящих дам оказывался достаточно эффективным для поддержания мясо-молочного производства.

Небольшой участок за домом незаметно переходил в близкую опушку леса. Справа - капустное поле, которое неведомо кто засадил и неведомо кто должен был убирать, слева - избышка с заколоченными окнами. На ухоженных интеллигентских грядках во дворе зеленели укроп и петрушка, выглядывала из земли морковка, еще свежи были картофельные кусты, за ними виднелась гордость хозяев: тепличка с помидорами, осененная ветвями топинамбура с ярко-желтыми радостными цветами. Мы надевали старые куртки, высокие деревенские галоши и отправлялись за грибами или еще сохранившейся черникой. Ягод было так много, что можно было сесть на землю и сгребать их вокруг себя. Мне это было не слишком интересно, на изобилии уходил азарт, а грибы я плохо знаю и поэтому не рисковала напрасно. Мне было достаточно сидеть на упавшем дереве, делать наброски в небольшом блокноте и дышать, дышать. Когда грибники отдалялись, я оглядывалась: не подмигнет ли из-за того пня лешачок, не скорчит ли мне рожу вон из той лужицы болотная кикимора? Я бы их несколько не испугалась, эти леса давно принадлежали им. Прелая листва, ягоды, притаившиеся в опавшей хвое грибы, теплая кора растущих на опушках сосен, влажная трава и мох на кочках мелких болотцев. Зброшенный рай протянулся на многие километры. Так ли уж велики грехи наши, чтобы навсегда покинуть эти места? Зарастало травой деревенское кладбище со стертymi ветром и дождем именами на истлевающих деревянных крестах.

Мы выкопали маленькую, сантиметров в 30 высотой, елочку, хотели увезти с собой, но высадили перед домом. Говорят, она укрепилась и разрослась, держит караул вместе со старой яблоней.

Северная торопливая осень подгоняла нас вернуться к цивилизации. В день отъезда, когда мы уже стояли у машины, в синем холодеющем небе низко над нами пролетели дикие утки. Тетка встрепенулась, посмотрела им вслед, оглянулась на лес, на безлюдную деревенскую улицу, на избышку, на старую яблоню, на сотворенный ею стол, на посаженную елочку. Мы отвернулись, чтобы скрыть и свои неожиданные слезы.

Другая сказка.

Thursday, December 13th, 2007

Узнав от chasovschik о тесте, я тут же побежала к stanislav_mikov посмотреть, на чью лексику похожа моя. Получилось что-то архаичное вроде В. Пикуля, В. Короленко, английской лирики XVII века и даже несовременного "Турецкого гамбита" у современного Б.Акунина.

Где теперь найдешь мистера Хиггинса для толкования этих странных соответствий.

Saturday, December 29th, 2007

ЗАКОНОМЕРНОСТЬ

Если пациент сдает кровь на одно и то же исследование параллельно в нескольких лабораториях, если он носит с собой заключения нескольких ведущих специалистов одного профиля; если он никак не может принять решение, у кого лечиться и не лучше ли уехать для этого в другую страну; если он заходит в кабинет со словами "неважно, сколько это будет стоить, я заплачу", при этом не сразу понимает просьбу заплатить не на месте, а в кассу; если во время разговора у него непрерывно звонит его мобильный телефон; если он просит номер вашего мобильного

телефона "на всякий случай"; если упоминает о личном консультанте-экстрасенсе, он не сумасшедший, как вам сначала кажется.

Ваш пациент - бизнесмен.

Monday, December 31st, 2007

ПРОЖИВЕМ - УВИДИМ

Разбиваем в новогоднюю ночь копилку прошедшего года. Звенела она многообещающе, а на деле что рассыпалось по накрахмаленной скатерти праздничного стола ?

Брошается в глаза золотой червонец долгожданной и все же неожиданной встречи, сдержанно светится серебряный рубль - неброский, но благородный результат почесываний в затылке на работе, вокруг поблескивают медяки сиюминутных радостей, темнеют редкие фальшивые монетки досадных ошибок, а вон туда, в сторону, чтобы не смешаться с незначительной мелочью, откатился неразменный пятак беспечного оптимизма, наша опора и надежда. Осколки копилки сметаются и выкидываются в Лету.

Из-под елок, из окон домов, с витрин супермаркетов, из клеток зоомагазинов уже выглядывает выходец с востока (не из самой ли арийской Гипербореи добравшийся до нас древними путями ?) и упрямо и, кажется, успешно претендующий на господство не только в следующем году - Крыса. Никаких намеков, крысы появились гораздо раньше человека, и требуют к себе уважительного отношения. Так говорят специалисты. <http://www.zgnawers.dopinfo.ru/gnawers3.htm>

Наш ручной Кристофер Робин, проживший три года, оставил нас в глубоком убеждении, что он существо чрезвычайно разумное, наделенное чувством юмора и способное на сильную привязанность.

При все при том мышшь, пробежавшая по лаборатории после ремонта отопительной системы, внезапно и абсолютно лишила разума меня и моих коллег, и нечеловеческий визг, распространяясь ларго и крещендо, сопровождал вестника нового года по всем коридорам вплоть до проваливания его в преисподнюю развороченного подвала.

Не будем ссориться с очередным символом. Что хранится в его закромах? Что-то мы припасем в своих норках в наступающем году?

Проживем - увидим.

С Новым Годом!

ПРАВДА - ?

Соллертинский говорил М.Шостаковичу, что к слову "правда" в русском языке точной рифмы нет.

Похоже, это так. Проверено по словарям.

Все же я думаю, "правда" - не единственное слово без рифмы.

Но в контексте времени, о котором пишет Шостакович, да и нашего тоже, это мнение звучит многозначительно.

Friday, January 4th, 2008

ТАКОЕ КИНО

Я очень любила момент, когда в кинотеатре медленно гаснет свет и раздвигается занавес, открывая экран.

Помню фильмы, которые вызвали у меня слезы. Первый в раннем детстве - "Робинзон Крузо". У Робинзона умирает от старости собака и он ей говорит: "прощай, мой верный друг!" Лет до 10, стоило мне вспомнить этот эпизод, я начинала всхлипывать. Потом был ошеломивший меня конец фильма "Летят журавли", потом - плачущий вместе со мной зрительный зал на просмотре "Белорусского вокзала" 9 мая в Ленинграде. Последним был "Попугай, говорящий на идиш". Тут мы с залом разошлись: зал часто смеялся, а я плакала, совершенно не в силах взять себя в руки.

Были хорошие фильмы - Данелия, Захаров, Хейфец, Казаков, Кончаловский - "Дядя Ваня" у него получился, на мой взгляд.

Нынешние фильмы не могу смотреть ни в кинотеатре, ни по ТВ. Абсолютно. Ни плакать над ними не могу, ни смеяться.

Я, впрочем, не уверена в том, что хотела бы многое из того, что раньше нравилось, пересмотреть. Меняется восприятие. Разве что британские детективы, да и то за "быт и нравы", как говорила мама.

Так и осталась теперь без кино.

Wednesday, January 9th, 2008

ВЕСТИ СЕБЯ КАК ЛЕДИ

Агата Кристи в "Автобиографии" о позднем периоде викторианской эпохи:

«Вести себя как леди» — главный лозунг того времени. Под ним подразумевались некоторые любопытные требования.

Помимо вежливости по отношению к нижестоящим, он заключал в себе и многое другое:

- всегда оставляйте на тарелке немножко еды;
- никогда не пейте с набитым ртом;
- никогда не бойтесь наклеить лишнюю марку на конверт, если в нем, конечно, не счета из магазина.

- и главное: надевайте чистое белье перед поездкой по железной дороге на случай катастрофы». Любые добавления кажутся производными этой британской формулы.

Tuesday, January 15th, 2008

ЗАГАДКИ ЩЕКОТКИ

Удивительно, чем только не занимается наука. Например, щекоткой.

И как долго - начиная с Дарвина.

Смех от щекотки - зачаток юмора?

Щекотать - радовать или мучить?

Получится ли пощекотать себя самого?

<http://www.newsru.com/world/15jan2008/shekotka.html>

Забавно, что точных ответов на вопросы все еще нет.

Tuesday, January 22nd, 2008

НЕ ПРО ПОЛИТИКУ

Все же как выразителен украинский язык и спасителен украинский юмор !

“Вы подлюка и брехун” звучит намного колоритнее элегантно перевода “лжец и подлец”, за которым несомненно должна следовать дуэль.

Отнюдь.

В процессе публичных разъяснений конфликт министра и киевского мэра превращается в дуэт Одарки и Карася.

Участники прямого эфира “Свободы слова” Савика Шустера и телезрители не могут сдержать смеха.

Что весьма типично, симптоматично и оптимистично.

Sunday, February 10th, 2008

ВОПРОС С РЕЗОНАНСОМ

У меня впечатление, что ядерно-магнитный резонанс не только диагностическая, но и как-то влияющая на мозг процедура.

Есть каскад ссылок на одну американскую статью по этому поводу: при депрессиях ЯМР улучшает настроение пациента.

Я было предположила, что пациенту просто приятно, что его состояние принимают всерьез и наконец-то стали уделять внимание. Однако, и угнетенные крысы после ЯМР тоже веселели.

Года два назад мне делали ЯМР как добровольцу контрольной группы.

Надо сказать, что при печатании на клавиатуре у меня левая рука часто забегает вперед, и слова

превращаются в анаграммы. Типичная ошибка "интеерсный".

Кроме того, до исследования меня переполняли рифмы. Я чуть ли не научные отчеты стремилась зарифмовать. Именно это странное желание и заставило меня согласиться на ЯМР, поскольку понятно, что не поэт я, никак не поэт. Может, в мозгах какой непорядок.

Непорядка не было, все на месте.

Настроение не изменилось никак, но вскоре после ЯМР опечаток стало заметно меньше и стихи остались только чужие.

Спустя два года ошибки снова участились, а рифмы как ушли, так и не вернулись.

ИНТЕРЕСНО, как может сказаться повторный ЯМР? Может, мне и работать не захочется, как рифмовать...

Специалисты наши плечами пожимают. Им склероз с инсультами, опухоли и гематомы подавай.

Ошибки и рифмы их не волнуют.

Saturday, February 23rd, 2008

ОКНО В ЛЕТО

У кота есть давно протоптанная тропа: кресло, факс, край стола перед компьютером, окно, крыша. На то, что происходит на экране, он не обращал внимания. Иногда краем глаза замечал движения курсора, но никогда не останавливался, чтобы за ними последить. Его цель - крыша.

Но сейчас крыша принадлежит трем парам голубей, которые поселились в какой-то щели этажом выше. Днем они теснятся на одной ветке близкого дерева или нагло разгуливают под самым окном. Коту обидно, но выходить он не решается. Холодно.

С неделю назад, в очередной раз проходя по столу к окну, чтобы проверить погоду, он увидел появившуюся во френдленте яркую картинку levконое. Кот застыл, глядя на экран. Сел и стал внимательно все рассматривать. На его физиономии явно обозначилось: так вот где прячется лето!!! Не туда ходил! Протянул лапу, чтобы привычно поскрести по стеклу и попроситься в зелень, в цветы и тепло. На окрик "Когти!" оглянулся, недоумевая: а как еще можно выйти?

Я думала, забудет. Нет. Теперь всякий раз, когда кто-то включает компьютер, он приходит и садится лицом к экрану в ожидании очередного подарка от

levконое Приходится начинать жизнь с солнечного пейзажа. Никакие другие картинки, коты и прочие животные его не волнуют.

Он нашел окно в лето.

UPD Увы. Сегодня кот решительно отказался от нарисованного окна -замечательного! - в пользу настоящего.

Мой антропоморфизм потерпел фиаско:(

UPD Утром сидел один перед экраном, заинтересованно наблюдал, как менялись узоры защиты. Лапами не трогал.

UPD Научился сидеть сбоку от экрана и внимательно наблюдать за курсором и сменой картинок. Сидит так подолгу и думает. Когда-то наш черный Кис неделю рассматривал ручку на двери,

после чего начал пользоваться ею самостоятельно. Подпрыгивал, нажимал лапой на ручку, открывал дверь.

Может быть, кот готовится стать пользователем? Открыл окно не только в лето, но и в другую жизнь?

Monday, March 3rd, 2008

ЧУДИЩЕ ОБЛО, ОЗОРНО...

Не знаю, почему мне вечером пришла в голову мысль взять книгу Радищева и начать читать ее с предисловия.

Известный историк литературы В.А.Западов пишет по поводу эпитафии к "Путешествию из Петербурга в Москву":

"Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лайяй"-Телемахида, том II кн. XVIII, стих 514

Поэма Тредиаковского, из которой взят эпитафия, "о похождениях сына Одиссея Телемаха, который ищет пропавшего отца. В XVIII песне Телемах попадает в ад и видит мучения злых царей. В качестве одного из мучений им преподносят два зеркала. В зеркале Лести они видят себя такими, какими их изображали при жизни льстецы: чем хуже царь, тем он выглядит прекраснее, ибо "злых паче боятся", да и сами они "желают бесстыдно подлых ласкательств". А второе зеркало - Истины - отражает их подлинный облик, более страшный, чем самые страшные чудовища, в том числе стоглавая Лернейская гидра и охраняющий ее Цербер - "чудище обло, озорно, огромно, с тризвонной и лайяй", т.е. с тремя пастями и глоткой". Радищев объединил два чудовища - самодержавие и крепостничество в России - в одно, двуединое, стозвонное и лающее.

Включив рано утром ТВ, я увидела, как по пустой Красной площади шли к сцене два президента - под звуки песни о спецназе, скромно, но с явным чувством глубокого удовлетворения, слитно, как один - Пост Сдающий и Пост Принимающий. Как потом выступали с одинаковыми интонациями и жестами, чуть отстающими у второго. Как стозвонно скандировала молодежная площадь имя первого в ответ на выступление второго.

Какое милое чудище, оно вовсе не лайяй, оно убаюкивающе мурлычай.

Friday, March 14th, 2008

JIM CRONIN

Я с грустью узнала о том, что Джим Кронин, создатель "Мира обезьян" в Дорсете, год назад умер от рака печени. О работе этого замечательного зоопарка созданы прекрасные фильмы, которые давно идут на канале "Animal planet". Последние серии - с посвящением памяти Джима Кронина. Интернет мне все объяснил.

http://www.bbc.co.uk/dorset/content/articles/2007/04/05/monkey_world_feature.shtml

Я думаю, что контакты с обезьянами, попавшими в зоопарк из дикой природы, могли сыграть роль в возникновении его болезни.

Редких качеств был зоолог и человек, судя по фильмам.

Ссылок на его книги нет. Наверное, и книг нет, только научные статьи. Жаль.

ЖДЕМ

В прошедшую среду ночью прошел сильный дождь. Наутро - промытое небо, свежий, приятно ощутимый кожей прохладный воздух, лужи на чистом асфальте.

И процесс пошел. В пятницу наполнились розовым светом бутоны на абрикосах, зазеленели тонкие ветви ивы, вдоль дорожек пошла в рост любимая котом еще нежно шершавая трава.

Сегодня ивы уже полностью покрыты тонкими зелеными листиками, воздушные объемы березовых крон изящно обозначены сережками, расцвели абрикосы, грозя новым похолоданием на манер черемухи.

В развернувшихся горсточках сирени серо-лиловым цветом наметились кисти.

Я с трудом разминулась с неловкой со сна бабочкой, которая летела мне навстречу. Откуда бабочка в марте?

Лимонно-желтая, довольно крупная, размером с капустницу. Не поняла.

Институтские газоны покрылись фиалками вперемешку с остроконечными желтыми звездочками первоцвета. Я не удержалась и осторожно, стараясь обрывать стебли у самого корня, не повредив его, набрала букетик, поставила на стол в узкогорлой колбочке.

При всем бурном расцвете зелени стоит в округе непривычная тишина. Как в летний жаркий полдень. Такой...обломовский. Никого не видно, не слышно.

Отшумели на кустах ежегодные коммунальные склоки воробьев.

Собаки спят на солнце рядком, как солдаты после боя, все на одном боку и вытянув лапы .

Грачи, зимовавшие у нас, откочевали севернее.

Изредко прозвучит дробь дятла или коротко вскрикнет на верхушке дерева одинокая сорока. Наш сад похож на прибранный к приходу гостей дом.

Ждем скворцов.

КОМПЬЮТЕРЫ И БЕШЕНЫЕ МУРАВЬИ

<http://hitech.newsru.com/article/15May2008/nasa>

Отравить этих муравьев практически невозможно. На них очень слабо действуют стандартные инсектициды, имеющиеся в свободной продаже. Кроме того, насекомые не прикасаются к отравленной наживке.

Могу посоветовать NASA бороться с " бешеными муравьями Рэсберри" мелком "Машенька", который производился неким военным предприятием во время судорожной конверсии девяностых. Ласковое имя мелок получил скорее всего в честь жены или тещи разработчика.

На совести Машеньки не только полное изведение лабораторных тараканов, но и смерть моего любимого сверчка, певшего за термостатом. Губила всех без разбора.

Голодающие военные закатали, наверное, в мелок все завалывшиеся ОВ. Кстати, пишут, что та-

раканы в СНГ исчезли повсеместно и одновременно. И неясно, почему.

В последнее время и Машенька куда-то подевалась: наверное, производство химического оружия восстановилось после удачно проведенных полевых испытаний:))

инвентаризация

Скворцы пролетели, не задержались. Посидели на краях высоких крыш, отдохнули и в тот же день отбыли куда-то. Во дворах много мелких птиц.

Довольные воробьи остались при своих квартирах, в кронах деревьев рядом с ними суетятся синицы - большие и гаички.

Утром часам к пяти сначала вскрикивает кто-то нетерпеливый или дежурный, за ним просыпаются и пробуют голос все остальные. На фоне слитного чирикания вдруг звучит альт иволги. Какой уж тут сон. Тем более, что разбуженный птицами кот вспрыгивает к изголовью и озабоченно вглядывается в твое лицо.

Ага, притворяешься! И безжалостный коготь угрожающе висит над тобой, выбирая, за что зацепиться.

Грачи есть, но их немного, зато явно увеличивается -второй год подряд- поголовье домашних голубей. Сороки на месте, трещат возбужденно. Сегодня у них была ссора с нашими голубями, спланировало из-под крыши на подоконник голубиное серенькое пушистое перо.

Прилетел соловей. Трели пока короткие, незаинтересованные.

Назаметно выросла высокая яркая трава. Вчера в институте скосили первую лужайку. Будет соловью облегчение в поисках еды.

Наверное, все дело в теплой зиме и весенних дождях. За городом много еды, и приближаться к человеку крупным птицам особой нужды нет. Все же скворцов, обычно прыгающих за окном по крыше, нам с котом недостает, скучновато.

Вялые бабочки греются на солнце, кот охотится на них, но ловкости тоже еще не нагулял, промахивается.

Так, разминается.

Май в ходу, и очень скоро лето.

UPD Так вот же и наши скворцы прилетели. С утра снуют по скошенной лужайке. Красивые, блестящие, вполне здоровые.

Над ними перепархивают с ветки на ветку соловьи, над деревьями летают ласточки.

Все же мне странно: ласточки прилетели позже соловьев, скворцы одновременно с ласточками, и все вместе - к первому сенокосу. Чудеса.

Wednesday, June 18th, 2008

По ссылке [guralyuk_il](#) во френдленте вышла на [журнал Александра Ступникова](#), которого знаю по телевизионным сюжетам.

Новость, наверное, только для меня, но я с удовольствием ею делюсь. Впечатление от прочитанного, как от важного разговора с хорошим человеком. Собственно, так и есть.

Thursday, June 19th, 2008

...Награжден за выдающиеся услуги...

Tuesday, June 24th, 2008

“Клирик чукотского духовенства” ... Осподи.

<http://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=25060>

Friday, June 27th, 2008

КАКОМЭЙ!

“Чукотский клирик может быть лишен сана.”

Не вдаваясь в подробности раскола, не устаю удивляться, зачем северным людям, буквально слитым с природой, нужны духовенство и его клирики.

Мобильные телефоны в тундре гораздо полезнее.

БАБУШКИН САД, ИЛИ СПРЕССОВАННОЕ ВРЕМЯ

Мой отец родился до революции и дожил до новых времен.

- Ты часто говоришь о 1913 годе, почему? Ты хотел бы жить при царе? – спросила я однажды.
- Нет, – ответил отец, – царя не хочу, но хотел бы вернуть настоящую жизнь.
- Ты учился, работал, дружил, любил, ты жил, что за символ – 1913 год, ты ведь его и не помнишь толком - не отставала я.
- Я не жил, – у отца дернулась щека, – я выживал.

Для него настоящей была жизнь в родительском доме.

Мне кажется, что отец был бы рад знать, что я постараюсь сложить еще неясную мне самой мозаику из разрозненных кусочков семейной жизни, связанной с домом. Я не могу рассказывать плавно, методично, меня уводят в сторону ассоциации. Я похожа на свою бабушку язвительностью и искривленным мизинцем, сулящим мне тоже что-то вроде подагры, доказательством того, что я в семье не подкидыш, как дразнили меня старшие, только и всего. Отнюдь не методичностью. Те, кому я пишу, это знают и поймут.

Сами такие.

Двадцатый век удивительным образом соединил разные эпохи, спрессовал время.

13-й и 90-е годы разделила пропасть, в которую обрушились и разговоры, и многие жизни, но что-то важное, личное не сгнуло в беспамятстве, удержалось на хрупких мостиках семейных преданий.

Неторопливые вечерние разговоры, ноты на столике возле пианино, голоса Шаляпина, Обуховой, Неждановой - гигантов старого театра - и перекрывшие их своими многочисленными раздетыми телами пляшущие на сценах и стадионах человечки. Мне оказалось понятным и то и другое.

Первых я слушала в записи, а вторых слушаю ... тоже в записи. Я продукт среды, которая, как известно, затягивает. Какова среда, таков и продукт. Но все же...

Там, в глубине моей среды, я чувствую некую твердь, на которую могу опереться, чтобы не быть затянутой окончательно. Когда меня упрекнули недавно в стремлении работать, как при советской власти, я неожиданно рассмешила всех, в том числе и себя, что это они работают, как при советской власти, а я хочу, как до 13 года.

От прежней жизни мне достались скромные остатки былого уюта и запущенный сад, который смело можно было назвать вишневым, потому что все, кроме нескольких старожил, было почти насмерть удушено вишнями-самосейками. На самой дальней границе сада высились два то-

поля. Их посадили дед с бабкой, въехав в дом. Каждому по тополю. Один засох, а на втором зеленела вершина. Покидая дом навсегда, бабка оглянулась на свой тополь: еще есть зелень на верхушке. Ей оставалось жить меньше двух лет

Между истонченными временем, отбеленными дождями досками пробиваются веточки упругой травки с небольшими овальными темно-зелеными листиками. Травка называется спорыш, им покрыт весь двор между сараем и воротами. Справа у угла дома заросли золотых шаров и георгины, они зацветут попозже, к августу.

Дорожка проложена до колодца, окруженного густыми кустами сирени. Я помню, что в этих зарослях есть ежиная нора, а за колодцем начинается сад, но это потом, а поначалу высокое крыльцо и уже открытые входные дубовые двери черного хода, полутемные сени, просторная кухня с настоящей русской печкой. Еще двери - белые, высокие, с прямыми латунными ручками: из кухни в коридор, из коридора в столовую, из столовой в спальню. За шкафом и ширмой просыпается от моего бега бабушка. Чистая постель, легкая батистовая ночная кофточка поверх сорочки, неточный без очков старческий взгляд, короткий смех. Мягкая кожа, под которой уже осталось мало плоти.

Все, спешить некуда, мы дома.

Где бы мы ни жили, следуя за назначениями отца, у нас был только один дом.

Бабушка доживала свою долгую жизнь в этом доме, построенном до революции, вернее, до того самого 13 года, т.е. до ненавистной моему отцу эпохи войн и революционных перемен.

В начале 20-го века дед сменил место в Киеве на должность акушера-гинеколога в провинции и увез с собой лучшую акушерку, о потере которой в клинике долго сокрушались.

Он прослужил в земской, ставшей потом городской, больнице маленького городка между Черкассами и Полтавой до самой смерти в сорок втором году. На его могиле долго стоял крест из водопроводных труб, выкрашенных голубой краской, с металлической табличкой, снятой с двери парадного входа: «доктор такой-то» - каллиграфическим почерком. Такая же скромная надпись была на его элегантной визитке.

В день приезда отец один шел на кладбище, на следующий день брал с собой сестру или меня, и мы наводили там порядок. Перед тем, как отдать за символическую плату дом горисполкому – не хотел продавать - и забрать мать к нам, отец смог поставить памятник. Когда он сам заболел, я скрасила его последний год тем, что взяла сына и поехала навестить вместо него – для него - дедову могилу. Могила оказалась в полном порядке, ухоженная, и место нам с охотой указал незнакомый человек.

- А! Доктор! Он вон там похоронен!

Узнав, что приехала его внучка, приходили какие-то женщины и рассказывали, что дед принимал роды у их матерей или бабок. Как же долго в этом городе жили принятые дедом дети!

Дом же превратили в какую-то зашарканную контору, потом снесли. В саду разместились три коттеджа местного начальства. Да понятно все. Не музей же устраивать. Правильно снесли.

Выложенная в сети картина Поленова «Бабушкин сад», почти копия бабушкиного дома и начала сада, заставила меня вспомнить то, что я, по сути, и сама почти не знаю. Позднему младшему ребенку в семье, мне мало что рассказывали, привыкнув на всякий случай помалкивать. С ровесниками я в бабушкином городе до поры не общалась, друзья старшего брата на меня не обращали внимания, бабушка плотно занялась воспитанием кроткой сестры, и я счастливо была предоставлена сама себе.

Я нашла черепаху и спрятала под платьем, чтобы не отобрали. Черепаха высунула похожую на змеиную голову из выреза на шее, что вызвало переполох у всех и потрясло впечатлительную сестру. На фотографии как раз момент после наведения порядка: я сердита, зачем черепаху отняли, а сестра уже все мне простила. Как всегда.

Мне поначалу больше всего были интересны муравьи, жуки-рогачи, летучие мыши, толстые голые зеленые гусеницы на сирени у колодца, выводок ежей, ужи, даже черепахи, птицы, разноцветные и разнокалиберные стрекозы, клей на коре фруктовых деревьев, запах прибитой дождем пыли, которая от первых капель сворачивалась витыми узелками, и ночных цветов. «Страна дремучих трав».

Потом пришел мир старых книг с ятями - остаток домашней библиотеки, прежде всего - «Жизнь животных» Брэма, и фотографий в тяжелых альбомах с металлическими застежками. Потом я стала различать людей, слышать музыку, связывать между собой вещи, события, беседы приезжающих на лето гостей за вечерним чаем, короткие точные реплики бабушки. Ну а дальше была городская библиотека, утренний путь к ней по кирпичным тротуарам с солнечными узорами через листву. Я брала том за томом все полные собрания сочинений, что там были, и чуть не тронулась умом на Горьком, на его густом, вязком языке и полном отсутствии юмора

Начитавшись Шекспира, я перешла на какое-то подобие ритмической прозы, сбиваясь на пятистопный ямб Птибурдукова, и разговаривала таким манером месяца два, до самого отъезда, доводя бабку до колик.

К сожалению, к концу восьмого десятка она почти не выходила из-за тяжелого заболевания суставов, изменившего до неузнаваемости ее статную когда-то фигуру. Приезжая уже в старших классах, я старалась свести ее по ступенькам, чтобы пройти по аллеям. И если на поленовской картине убрать колонны и портик, снять со старушки чепец и надеть на нее строгую белую блузку, а девушку обрядить в брючки, то получится очень похоже на наши прогулки.

Справа был небольшой цветник: флоксы, мальвы, ночная красавица, петунья. По вечерам запах цветов заполнял весь сад и проникал в дом, смешиваясь с запахом свежесваренного чая. На свет лампы слетались бабочки, однажды залетела

летучая мышь. Я нашла ее утром на подоконнике. Она сердито цокала, скаля острые зубки, но далась в руки, и я отнесла ее к ореху, у которого под влиянием дневников Миклухо-Маклая мною был построен шалаш.

В центре сада четыре аллеи, обсаженные кустами пионов, ограничивали квадратную площадку, назначение которой мне непонятно до сих пор. При мне в траве там встречались кустики клубники, явно следы позднего неолита в саду. На старых фотографиях есть игроки в крокет: трава, белые платья, светлые пиджаки, белые молоточки на длинных рукоятках. Может быть, это была площадка для крокета? Жаль, не спросила.

На круглой поляне перед домом стояла садовая скамейка с выгнутой спинкой, и перед входом в аллею росли две очень высокие, как в лесу, ели с обрезанными понизу ветками, отчего они напоминали сосны. К сучкам удобно было привязывать гамак. Складки еловой коры маскировали мохнатых ночных бабочек. Елок были больше, сейчас бы сказали, что они были брендом дома, хорошо известного в городе, но эти две как будто обозначали границу личного пространства, куда допускались только люди из ближнего круга общения. Со стороны двора оно было дополнительно ограничено низким заборчиком с калиткой и кустами.

Во дворе, в глубине сада, за сараем бывали разные люди, имеющие отношение к ведению хозяйства, уборке урожая или играм: квартиранты, родители, брат с друзьями, сестра с подругами, я с книгой или с лупой и биноклем, но скамья под соснами и скамья на балконе - только для душевных разговоров. Вечная скамья, в альбомах сохранились фотографии всех поколений семьи, сидящих на ней. Почти все они сделаны одним и тем же другом семьи, профессиональным фотографом, который мог бы стать пианистом, но эпоха не позволила. Про меня он говорил, что при моей подвижности надо снимать на кино -, а не на фотопленку

Что-то не позволяло нарушать устоявшийся уклад жизни в этом доме, так сильна была бабкина личность даже на девятом десятке. Мама, правда, все вспоминала без особенной теплоты, она трудно вписывалась в рамки любого расписания и предпочитала кочевую жизнь с отцом и маленькой сестрой, с которой родители никогда не разлучались, в отличие от брата.

Дед говорил ей с тихим сочувствием: терпите, Маруся, я всю жизнь терплю.

Однако бабка, рассказывая мне о тяжелых военных и послевоенных годах, произнесла: я преклоняюсь перед Марусей за то, что она сохранила детей. Голос ее при этом дрогнул, она справилась с волнением и надолго замолчала, подняв лицо к лампе.

Когда я подросла, началась и моя муштра. Размахивать руками при ходьбе нельзя, громко говорить и тарашить глаза нельзя, спрашивать гостя, налить ли ему еще и третий стакан чая, тоже нельзя. Мое личное время – после обеда и после ужина. До завтрака - рынок. Выбору молочных продуктов

меня научил брат. Недалеко было село Синеоковка, там держали лучших в округе коров. Поэтому надо было покупать творог и сметану у людей с яркими синими глазами. На поверхности творога отпечатывалась сеточка льняной ткани, а на сливочном масле – прожилки капустного листа, сохраняющего прохладу. Еще было очень вкусное розовое топленое молоко с коричневой пенкой. Про вредность пенки никто еще не знал. Люди просто делились на две категории: любя-

щих пенку и фу, какая гадость.

После завтрака - уборка и помощь на кухне. Варить варенье я и сама любила. Никаких пятиминуток, по два-три дня на вариант. Абрикосы получались золотыми, вишни почти прозрачными, райские яблочки совсем не сморщивались. Плохо было то, что над плоским медным тазом всегда вились осы, поэтому его надо было чем-нибудь обмахивать. Короче, первая картина оперы «Евгений Онегин», если кто видел.

«Ты, как Маруся» - слышала я почти каждый день, потому что мое выскальзывание из-под контроля напоминало мамино. При этом я была довольно послушным ребенком, но плохо выносила слишком тесный контакт и диктат. Бабка с присущей ей наблюдательностью точно заметила, что в раннем детстве я не любила объятий, однако с удовольствием сидела рядом, «прижавшись бочком». Сказок я от нее никогда не слышала, а книги в доме были хорошие, в том числе и детская классика вроде Шарля Перро и Андерсена или очень любимых мною русских народных сказок.

И музыку любила хорошую. На нотах «Сонета Петрарки» Листа сохранилась ее запись: «Мое любимое». На пианино играл отец, иногда гости, приходили учиться разновозрастные дети знакомых. Относительно несложная музыка знаменитых композиторов-романтиков летом звучала в доме довольно часто. Бабка слушала, задумчиво подняв лицо к свету лампы над столом, вокруг нее все уходило в тень. Так же умели задумываться, даже отрешаться от реальности, отец и брат.

Вечером, оказывается, меня легко было успокоить, если вынести на руках на крыльцо и показать звезды. Над головами стремительно и молча прочерчивали небо летучие мыши, слышалось только солидное гудение неуклюжих жуков-рогачей. Тиха украинская ночь, да. Мне и сейчас для восстановления душевного равновесия достаточно тишины, неба и запахов летнего вечера. И молча «прижаться бочком».

«Вот Орион, а вон там Кассиопея, а вон, смотри, прямо над нами ковш Большой Медведицы. А теперь протяни воображаемую линию через звезды наружной стороны ковша и увидишь Малую Медведицу и...правильно, Полярную звезду». Это уже гораздо позже, мне лет 10, а брат показывает мне созвездия. Наверное, и его выносили на то же крыльцо и показывали те же звезды, когда он был маленьким и капризничал.

В доме было три входа: парадный, черный и со стороны сада. Через парадный я проходила, наверное, всего несколько раз в жизни. Там был длинный коридор, в конце его бывшая дедова приемная, ее окно смотрело в густо заросший жасмином и шиповником таинственный угол сада, там не принято было гулять. Именно к этому входу, по рассказам отца, являлись когда-то пациентки, и дедова помощница сообщала ему, кто пришел: баба, женщина, дама или еврейка. Принимал он всех, но какова градация!

После смерти деда гинекологическое кресло было выслано в сарай, где соседствовало с давно заготовленным бабкой для себя красивым гробом на ножках, сделанным на заказ знакомым краснодеревщиком.

Слева просторная, в два высоких окна, бывшая гостиная. В этой половине, наверное, еще со

времен постреволюционных уплотнений подолгу жили квартиранты, бабка сохранила за собой только столовую и спальню. Помню преподавательницу училища, в которое приехали учиться кубинские подростки, в большинстве своем темнокожие: просто смуглые, разного оттенка коричневые, темно-серые и черные. В провинции начался невероятный переполох. Надо сказать, что бабка негров до того тоже не видела и попросила учительницу пригласить их к ней на встречу Нового года. Что и было сделано. Пришел руководитель группы, черный-черный, как ночь в детских страшилках, человек непонятного возраста, умный, интеллигентный, я его тоже увидела летом, и несколько учеников. Вечер вполне удался, потому что бабка и к 90 годам была интересна собеседнику любого возраста. Ее немного удивили светлые ладони у чернокожих людей, я не удержалась: руки часто моют, их бабушки воспитывали.

Она помнила, но не любила вспоминать прошлое, и, в отличие от своего сына, моего отца, подчеркнуто жила настоящим. Переехав к нам, увлеклась телевизором, проводила перед ним много времени. Все же она была выключена из активной жизни. И в последний свой вечер сидела, накинув пуховый платок поверх привычной белой блузки, смотрела какой-то спектакль. А на рассвете умерла, успев только сказать, что сильно заболело сердце.

Я никогда не слышала про домашних животных в ее доме, кроме воспоминаний отца о ручном зайце. Заяц прибежал по утрам в детскую и барабанил лапами по одеялу, звал поиграть.

Но в переднем дворе между сараем и ледником (глубокий пустой погреб, в котором, надо полагать, когда-то заготавливался на лето лед) стояла старая собачья конура. Была, значит, собака. Около конуры росли те самые съедобные калачики и ряд пышных кустов сирени. Несколько раз я заставляла тяжелые темно-лиловые и белые махровые грозди, прохладные, душистые, влажные. Такие же кусты росли около колодца.

За сараем и сиренью был задний двор с огородом, двумя ореховыми деревьями и двумя высокими грушами. Груши назывались бэрами, срывались в корзины до того, как поспеют, и дозревали на шкафах, делаясь сочными и очень вкусными.

Свободное пространство заполняли невысокие одичавшие вишни с мелкими горькими ягодами. Два дерева сохранили силу и давали урожай крупных сладких вишен – «владимирок». Ближе к аллее центральной части сада росли абрикосы. В урожайный год вся земля в городе, в том числе и просто вдоль улиц, была усыпана упавшими абрикосами, их не успевали подбирать, варить и сушить. Одно дерево росло у дороги напротив бабкиного окна. Она рассказала, что при немцах увидела, выглянув в окно, как солдат ломает ветку. Бабка погрозила ему пальцем, он ей погрозил оружием, напроць отбив охоту воспитывать оккупантов. Из комнаты она выбиралась, пригнувшись. Говорила, что очень злыми были мадьяры

Немцы, судя по ее рассказам, были разные. В 18-м году их квартирмейстер согласился с тем, что герр доктор не должен быть стеснен: вот приемная, вот кабинет, вот детская, вот столовая и т.д., куда же селить немецкого офицера? В 41-м эти сомнения не возникали.

Стариков не эвакуировали. Отец при отступлении оказался в сентябре вблизи дома и смог заскочить на час. Тогда он виделся с дедом последний раз, и я думаю, что именно эта последняя встреча, очень теплая и очень краткая, без надежды на будущее не давала ему покоя всю жизнь. Он пытался мне рассказать, как стояли с дедом в саду и смотрели на непрерывно идущие над головой немецкие бомбардировщики, но ни разу не смог закончить рассказа.

Первые вошедшие в город части наводили ужас массовыми расстрелами, со временем город стал немецким тылом. В доме жили то офицеры, которым нельзя было попадаться на глаза, то вдруг въехал какой-то врач, вел себя дружелюбно и даже выступил с безумной идеей найти и выкрасть маму из тыла советского. В бывшей приемной деда, в стороне от всех комнат, несколько дней,

несмотря на присутствие немцев в доме, скрывались местный доктор с женой, еврейская семья. Они смогли выбраться из города и, как говорила мне сестра, кто-то из них выжил.

Тылом для мамы оказались места под Курском, потом Куйбышев. Я ее спросила, почему она не уехала дальше, за Волгу? Она ответила коротко: папа был в Сталинграде, я должна была быть недалеко! Так и жила под бомбежками, работала конюхом.

Между прочим, эта ее близость к отцу на самом деле спасла ему жизнь. Зимой 41 года семья была очень близко от его части, и ему разрешили навестить маму. Всего на несколько часов. Он посмотрел на детей и должен был уйти. Мама

с большим трудом упростила его взять с собой кусок хлеба и сало. На обратном пути он провел ночь под мостом, по которому уже шли немцы, едва не замерз, смог выбраться из-под моста в разрыве между движениями колонн, два дня выходил к своим, питаюсь маминым хлебом и салом, и получил назначение в другой госпиталь. В его полку, который был окружен, практически никто не выжил.

После войны госпиталь отца на несколько лет задержался в Вене, мама наотрез отказалась ехать «к немцам» и ждала его у бабки, вернувшись с Волги на Украину в 44 году.

Когда немецкие войска покидали город, они взорвали все каменные дома, но у нашего был только фундамент кирпичный, его не тронули. Зато подожгли корпуса спиртового завода через дорогу. Баба сказала, что, оставшись совершенно одна, села на крыльцо с двумя ведрами воды и собралась тушить огонь, если долетят искры. Завод сгорел дотла, а с домом обошлось. Еще вспоминала, как, оголодав, сделала на пару со знакомой жаркое (!) из подбитого воробья. Как тогда ей показалось, ничего более вкусного она никогда не ела. Хотя кухня генерал-губернаторши Молоховец ей была вовсе не чужда.

Передний двор – это пространство между воротами в высоком сплошном заборе и сараем.

В середине сарая было просторное помещение, очевидно, конюшня, по сторонам – летняя кухня и прачечная, совершенно заброшенные. На чердаке сеновал, в нем бабкин гроб и гинекологическое кресло. Там обычно тусовались друзья старшего брата, читали, лежа в гробу. Брат до поступления в институт жил у бабки, его приятели к ней очень тянулись, так же, как и все, кто с ней был близко знаком, и каждый год обязательно навещали, привозили разные подарки. Когда она приехала к нам, в щель для почты каждый день падали письма. Поток иссяк года два-три спустя, потому что у нас после ее смерти сил на такую переписку не хватило.

Несколько поколений знакомых семей поддерживали с ней связь, куда бы ни уехали из родного города. Сохранился вышитый болгарским крестом довольно большой коврик, его вышивали все, кто бывал в доме, в том числе и мужчины. Гобеленовый сюжет: замок, деревья, небо, ласточки. Со временем нитки потеряли свои краски, и коврик приобрел совсем уж средневековый характер.

Места были плодотворные. В числе земляков и детских – на всю жизнь - друзей отца и брата были

художники, писатели, профессора разных наук, которые периодически встречались друг с другом в Москве или Киеве вплоть до наступления старческой малоподвижности.

В бабкины 84 года к ней заехал один из друзей, мхатовский художник, предложил съездить в Москву. Она собралась за 20 минут и выдержала весь путь на автомобиле. Прожила в Москве две недели, за которые успела побывать во всех театрах, стойко высиживая спектакли - иногда на откидных сидениях. Когда-то она слушала Шаляпина в «Борисе Годунове».

– И что? – заинтересовалась я.

– А то, что когда он запел «Вон что-то там, в углу, колышется, растет...», зрители в ужасе встали и повернулись к углу, где ему мерещились мальчики кровавые.

Я себе это ярко представила. Все, что я потом читала о Шаляпине и самого Шаляпина, было просто дополнением к бабкиному рассказу.

Однажды я сидела в гамаке с книгой, в сад зашла седая сухопарая дама в соломенной шляпе и спросила, не помнит ли кто бывшую хозяйку этого дома. В 30-м году дама квартировала здесь всего несколько месяцев с мужем – красным командиром. Его потом расстреляли, ее отправили в лагерь, в 60-х годах реабилитировали. И вот она хочет посмотреть на дом, который никогда не могла забыть. Я в изумлении повела ее к бабке. Та, совсем как одессит из анекдота про второе пришествие Христа, попросила даму повернуться к свету, - и узнала ее. Гостья была поражена тем, что узнаваема сама и тем, что бабка не только жива, но и абсолютно адекватна.

В тридцатые года, очевидно, было модно выходить замуж за красных командиров девушкам из «хороших семей». Потому что был еще подобный визит знакомой, пережившей и мужа, и лагеря, нашедшей в детском доме сына, который впоследствии стал украинским «письменником». Подвижным и легким, как подросток, несмотря на седину, и знатоком английского языка. В детстве он хотел заниматься балетом, да вот не сложилось. При последующей встрече в Киеве он ошеломил меня какой-то нервической суперактивностью. Письменник писал короткие рассказы на украинском языке, из которых я помню историю про ревнивую, знающую бранные слова «папу-гу» артиста Ю.Тимошенко (Тарапуньки) и образ заходящего солнца как раскаленной жемчужины между створками неба и моря.

Гроб лет сорок ждал хозяйку и не дождался, мама заупрямилась и в багаж сдавать его не захотела, его купил для себя какой-то местный долгожитель. Хоронили бабку во время очередного дефицита в грубо сколоченной государственной домовине. Я помогала брату красить доски марганцовкой.

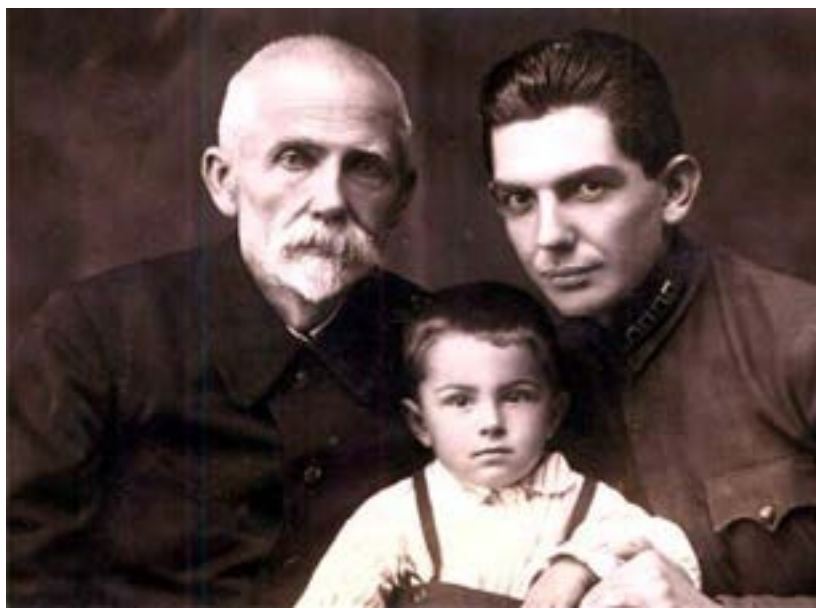
Была еще задолго приготовленная на смерть круглая желтая шляпная коробка. Коробку, в отличие от гроба, при переезде взяли с собой. В ней лежало белье, платье в мелкую черно-белую клетку («столетка») с белым воротничком и повязка на лоб, привезенная кем-то из Чехословакии. Такие повязки с перехватом посередине надевают в косметических кабинетах на волосы, но бабке она нравилась, потому что была ей к лицу. Мама выполнила ее просьбу. Так и похоронили – в чужом гробу, но в любимом платье и с красивой повязкой на легких белых волосах. Брат был потрясен ее смертью. Его разыскали в командировке, он приехал с теодолитом в руках, небритый, с ввалившимися глазами, и закрылся в комнате, где лежала убранная бабушка. Вышел нескоро, мама налила ему рюмку. Отец все время молчал. Это была первая смерть, которую я видела и до сих пор не забыла.

Из чужих людей на кладбище поехал сын довоенной знакомой, которая после войны, потеряв свой дом, некоторое время жила у бабки. Его случайно судьба свела с моим отцом в городе, где мы жили, он часто бывал у нас, в свою очередь, помог приехавшему с севера брату устроиться

на работу и проводил бабушку вместе с нами. Если бы она умерла дома, ее провожал бы весь город. Как деда, правда, наверняка с более сложными чувствами. Она явно обладала организаторским талантом и ничего не делала плохо или непродуманно, но этот талант обычно сочетается с определенной жесткостью. Ну и профессия акушерки, конечно, сказала: тужься! не тужься! По-моему, в городе у нее был авторитет третейского судьи.

В период, когда в очередной раз сменилась революционная власть, в доме был обыск с конфискацией вилок и ножей. Бабушка разозлилась, наутро пошла к энтузиастам и заставила их все отдать, доказав, что серебра не было там и в помине. Доктору есть нечем!

Кстати, неудобные вилки, слишком большие, на мой взгляд. И вилки, и ножи я должна была чистить, втыкая во влажный песок около вкопанной под кухонными окнами бочки. Во время дождей в ней собиралась с крыши вода для поливки цветов и огорода. В засушливые дни в бочке жили маленькие зеленые лягушки с золотыми точками на гладкой шкурке и в глазах. Я около них задерживалась надолго, забывая про ножи.

Дед умер при немцах, которые стояли в городе три года, но людей на похоронах было очень много. Я помню бабушкин рассказ: он умирал от почечной недостаточности, бича семьи. Последней фразой было упоминание о сыне и внуке, а когда наступила смерть, по лицу разлилась такая счастливая улыбка, что бабушка была убеждена: он их увидел. Над гробом всю дорогу вилась пчела, как будто символ его тихого трудолюбия. Спустя много лет точно так же вилась пчелка над отцом, хотя он умер в конце октября. Мы с сестрой и братом переглянулись: только мы трое знали эту историю.

Через несколько лет внезапно умер брат.

Надеюсь, они все встретились.

Я читала письмо деда отцу на фронт в самом начале войны. Такое кроткое и нежное, наполненное такой любовью, что я понимаю отца, у которого всегда при воспоминании о предвоенной домашней жизни выступали слезы, хотя человек он был крайне сдержанный и внешнего проявления чувств не любил. Потому и ходил на кладбище сначала один.

Почерк у деда был ровный и красивый, как у всех, кто учился в гимназии каллиграфии. Я об этом говорю, потому что у меня фамилия дедова, но роспись была такая неустоявшаяся, что на почте всегда просили расписываться по нескольку раз. Когда в новые времена у нас возникла необходимость перейти на латинскую графику, из-под пера вдруг сам собой вылился довольно красивый вариант, но почему-то в английской транскрипции. Спустя год я встретила в книгах маленький дедов словарь – франко-англо-германо-итальянский, господи меня прости. Так вот он был подписан абсолютно моей новой росписью. Именно на английский манер. Надо же, мне не только кривой мизинец и зловредный характер передан по наследству.

Фамилию я нашла в Интернете в списке «шляхетских родов Беларуси». Дед был родом из западных районов Белоруссии, носил католическое имя, фамилия была на самом деле двойная. Я

бы сказала, белорусско-польская. При советской власти вторая часть фамилии отпала, и связи с родственниками распались, поэтому мне про них ничего не известно. Однофамильцы встречаются в Литве, Белоруссии, Польше. Судя по публикациям в разных областях жизни, люди вполне достойные. Очень хорошо, но искать среди них родственников не стану.

Черный ход вел через сени в кухню. Перед окнами, выходящими в сад, стоял длинный дубовый стол, справа от него небольшой шкафчик, в котором пахло корицей. На сундуке в углу стоял коток для разглаживания постельного белья: чугунная конструкция с двумя деревянными валиками, между которыми прокатывали выстиранные полотенца и простыни. Интересно и не слишком трудно, но при мне белье уже сдавалось в прачечную.

Третью кухню занимала настоящая русская печь – с плитой, с лежанкой наверху, с вмонтированными котлами для горячей воды. Маленький для кухонных нужд, большой – для ванной, куда сквозь стену была проведена труба с блестящим медным краном. Ванна цинковая, серо-голубая в белые пятнышки, глубокая. На полке стояла белая с голубой каемочкой кружечка для зубных щеток. Вот откуда знаменитое блюдечко с голубой каемочкой! Примета времени. У меня теплеет на душе, когда я вижу такую чайную посуду, у меня с ней тайная связь.

Рядом с ванной был клозет, именно так называла это учреждение бабка. Окно выходило во двор около калитки, его закрывали высоченные цветы - золотые шары, которые в сезон цветения светились праздничным фейерверком над зеленым дощатым забором. В клозете всегда стояла специальная щетка для обметания потолков: длинная палка с насаженной на нее круглой щеткой, напоминавшей африканские шевелюры. Потолки в доме были высокие, метра в четыре, может, и больше, без такой щетки было не обойтись. Когда я доросла до Сервантеса, копье Дон Кихота на одной из иллюстраций напомнило мне эту щетку – длиной и неудобством. Я подсознательно сочувствую и прыгнула с шестом. В моих руках щетка цеплялась за все двери и мебель под бабкины указания, где еще надо смести паутину. И застряла в моей памяти.

Попавших под раздачу пауков-сенокосцев я решительно отказывалась убивать и стряхивала в сад, бабка каждый раз издавала короткий смешок.

Два окна и стеклянная дверь столовой выходили на восток. Вместо колонн и портика у двери в сад была плоская терраска без ограды, с тремя невысокими ступеньками. Площадка называлась балконом, к окнам придвигались кусты жасмина, по ступенькам и площадке стелился дикий виноград, поднимаясь по стене до крыши. В кустах жили соловьи. В саду водилось множество мелких птиц, из более крупных - горлицы, сойки и иволги. С иволгой я научилась пересвистываться. А одну нежную птичку до сих пор не могу определить. Почему я не спросила о ней брата? Или Юрия Викторовича Аверина, замечательного зоолога, автора определителя птиц? Так и живу с этой загадкой.

Лучи низкого утреннего солнца пронизывали сад и листья дикого винограда за окнами и наполняли комнату зеленым светом. Каждое утро они будили меня, потому что я обычно спала на кушетке у противоположной стены. Настенные часы отбивали время мягким контральто и нисколько не мешали. Наоборот, под этот бой я часто сама себе рассказывала перед сном сказки Андерсена и прекрасно засыпала. Андерсен научил меня относиться к вещам, как к чему-то живому, и я до сих пор могу сказать, что мне не нравится выражение лица чайника, например, или автомобиля. Часы выглядели достойно: строгий коричневый футляр, белый циферблат с римскими цифрами, маятник из потемневшей латуни. И вели себя прилично, никогда не спешили и не отставали. Надо было только раз в неделю открыть стеклянную дверку, взять лежащий много лет на дне футляра ключ и завести механизм.

Попав в музей Чехова в Ялте, я с удивлением узнала многие вещи из бабкиного дома, и только

тогда поняла, что это был стандарт времени и слоя. Матовый белый абажур, большой обеденный стол, столовые приборы – те же самые. Письменный стол, кресло-качалка, часы с боем, рамки для фотографий и даже лица на фотографиях – все было знакомым.

Свет лампы над столом тоже был зеленоватым, потому что сестра, потаенный романтик, осенью обвивала абажур гибкими побегами хмеля, он засыхал, не теряя цвета, и дожидался очередной смены в сентябре.

У стены стоял двухэтажный резной буфет, в котором каждая вещь годами знала отведенное ей место. Серебряная сахарница со щипчиками для колки кускового сахара, небольшой графинчик с водочкой, чайная посуда, тарелки, деревянная хлебница, красивая жестяная коробка для чая. Чай индийский, цейлонский и грузинский смешивались в определенной пропорции. Грузинский для вкуса, цейлонский для аромата, индийский для цвета. Самовар стоял около бабкиного места на углу стола на подносе. Я помню уже электрический самовар, но был и настоящий, который можно было растапливать - разводить - сосновыми шишками. Рядом глубокая фаянсовая мисочка-полоскательница. В ней после ужина бабушка полоскала чашки и чайные ложечки, их не относили для мытья на кухню, чтобы к чаю не примешался запах еды. Известно было, что в этом доме самый вкусный чай. Но это уже точно по анекдоту, бабка просто каждый вечер заваривала свежий и не жалела заварки. Утром можно было пользоваться вчерашней. Завтрак не занимал много времени: яйцо всмятку бабушке, мне свежий творог, молоко, ягоды. Еще я любила холодные вчерашние котлеты, которые надо было доставать из капитального погреба в сених. Такие котлеты у меня уже не получаются без бабкиного присмотра. В мясе дело, что ли.

У другой стены столовой стоял комод, над ним висела резная полка с отделением для лекарств и малюсеньким ключиком в замке. Снаружи стояли безделушки вроде стеклянной имитации яйца Фаберже в металлической оправе, на ножках. Верхняя половинка яйца откидывалась, внутрь можно было что-нибудь положить. В комодe хранились разные хозяйственные инструменты, на одной полке я увидела запасные крахмальные воротнички к мужским сорочкам. Их, оказывается, можно было менять отдельно.

У самого окна – зубо-врачебное кресло, обитое тисненой красноватой кожей, очень удобное, с откидной подставочкой для детских ножек. Это уже мамино кресло. Вернувшись из эвакуации, она получила разрешение принимать больных не только в поликлинике, но и на дому, потому что ее пациентами были и разного рода начальники, «я так думаю». Насколько я понимаю, она была очень хорошим стоматологом. Во-первых, сама гордилась тем, что ее ни разу в жизни не укусил за палец ребенок; во-вторых, потому, что мне неоднократно хотели показать 25-30 -летней давности пломбы жители городка - мамыны пациенты, в-третьих, об этом говорил отец, она его тоже лечила, в-четвертых, однажды сама удалила себе нерв и запломбировала зуб. У нас с сестрой зубы стали портиться только после ее смерти, до этого мы стоматологов не знали.

Дантисты делились, с точки зрения отца, на две категории: «почти как мама» и «далеко до мамы». Мама вообще была для нас своеобразным эталоном. Например, с возрастом она пополнела, и мы невольно говорили про кого-нибудь: как мама, как две мамы, стройнее мамы и

т.д. Она к этому привыкла и только посмеивалась. Один раз было наоборот: когда она впервые – после пятидесяти лет - поехала на море, ей купили полосатый купальник. Оглядев себя, она сказала: мама, как арбуз.

Под вторым окном стоял большой сундук, в нем хранились ненужные вещи, с которыми еще не хотелось расставаться, например, дедов врачевный потертый саквояж с блестящими инструментами и деревянным акушерским стетоскопом с широким раструбом, дореволюционные руководства по женским болезням и судебной медицине. В сундуке лежало и зимнее шерстяное – «верблюжье» - одеяло, поэтому в нем поселился запах нафталина. Руководства я читала, привычно расправляясь с ятями и удивляясь неформальному авторскому языку и необычному описанию размеров кист и опухолей: со сливу, с яблоко, с кулак, с детскую головку.

За буфетом стоял старый крепкий диван с круглыми подлокотниками. На этом диване родились и мой отец, и мой старший брат. Брата бабка хотела назвать вычурным длинным именем вроде Ярослава, Святослава, но мама по своему обыкновению заупрямилась, и сказала, что пока выговоришь, он куда-нибудь успеет убежать. Назвала коротко Юрием.

Диван несколько раз перетягивался, потерял свою кожу и высокую спинку, пережил все исторические события. Отец ни за что не хотел с ним расставаться и перевез его к нам вместе с бабкой. Так и спал на нем до последней больницы.

К столовой примыкала бывшая детская. В ней бесплатно жила давняя знакомая, тихая женщина, сохранившая на всю жизнь память о своей первой и единственной любви, ее все звали по имени – Леля, я тоже. Она подрабатывала шитьем, узорами на рубашках – «вышиванках», помогала зимой бабке по дому, чаевничала с нами по вечерам, с тихим юмором рассказывала мне романтические истории и напоминала Джейн Эйр на покое. Иногда мы с ней играли в подкидного дурака, в игре у нее прорезался детский азарт. У Лели была астма, она курила какие-то смрадные самокрутки от приступов удушья, но мне ничего в ней не мешало, я готова была дышать и за нее.

Бабка жила в спальне. Там сохранялись самые интересные вещи. Боком у двери стоял дубовый зеркальный шкаф, в глубине которого хранились банки варенья с надписью «для Юры». Послушная сестра их не трогала, а я лихо расправлялась, но потом честно заготовливала под бабкиным руководством свежие. Брат был любимым внуком, а сестра – любимой дочерью. Я же пользовалась преимуществом непристрастного отношения.

В одежном отделении под немногочисленной одеждой сохранились старые книги, которые хорошо читать в пасмурные дни, раскачиваясь в кресле-качалке

Кровать с коваными металлическими спинками закрывала ширма с натянутым на раму черным шелком, по шелку вышиты хризантемы с узкими лепестками. Таких нежно-лиловых хризантем в стиле модерн было в доме много: в рамке на стене, на старом мраморном умывальнике, на всей столовой посуде. Наверное, это отзвук русско-японской войны и модных романсов: отцвели уж давно...

Небольшая кушетка, покрытая полосатым украинским рядном, комод, в его ящиках аккуратно раскладывалось белье, полотенца, простыни. В комодке пахло незнакомыми мне духами и немного горьким миндалем. Там же хранился флакон с притертой пробкой из-под одеколона «Эллада», в нем была святая вода, которую никто не решился вылить, она совершенно прозрачна и по сей день, только пробку уже не открыть.

Окна были высокие, со складными ставнями внутри и снаружи. В простенке между окнами висел большой портрет деда, похожего на царя Николая II в штатском, под ним стоял изящный дамский письменный столик с полочкой и шкафчиком для писем. Утрату этого столика и настенных ча-

сов из столовой долго переживала сестра. Мама решила, что можно их не перевозить и кому-то отдала. На стене в спальне висели две китайские акварели по ткани: бог дождя с лягушкой, из которой воронкой поднималась вверх туча, и тигр, идущий прямо на зрителя, но одновременно видимый во всю длину от носа до кончика хвоста. Их привез из Китая один из друзей брата. Он привез еще мужской галстук с вышитым по черному фону ярким драконом, пожирающим солнце. Брат специально в нем сфотографировался, но вряд ли носил.

В правом верхнем углу над пианино висела небольшая икона с сумрачной Богородицею Васнецова, списком той, что встречает прихожан во Владимирском соборе Киева. Бабка меня крестила тайно на дому у батюшки года в четыре. Со мной ходила не она, а жена еще одного доктора, которая стала моей крестной матерью. Я помню крещение: меня поставили на стул, сбрызнули святой водой, отстригли маленькую прядку волос и угостили за примерное поведение большим яблоком. Крестик маленький, оловянный, я его никогда не надевала, но храню. Вернее, сестра, наш «лорд-хранитель печати» и традиций, держит наши крестики в своих закромах.

Стулья во всем доме были одинаковые, назывались «венские». Хорошие стулья. Отец, брат и все мужчины хвастались друг перед другом, поднимая стул одной рукой, держа за кончик ножки. Высшим пилотажем считалось поднять стул за переднюю ножку – это гораздо труднее.

К пианино садились на черную круглую табуреточку, ее вращали, чтобы поменять высоту. Еще стояло очень удобное кабинетное кресло с полосатой обивкой, в нем бабка любила сидеть у раскрытого окна и здороваться с прохожими, узнавая от них разные городские новости и зазывая в гости.

Один такой гость мне запомнился, потому что немного увлекся мною, будучи старше лет на 30. Он был сыном одного из местных докторов. Мальчишкой попал на войну, потом в плен, потом в сталинский лагерь на севере, спасся, играя на аккордеоне, вышел из лагеря, женился на красивой стройной женщине и приезжал к матери, очень активной и даже хулиганистой старушке ненамного младше бабки.

Внешне он напоминал расстрелянного Тухачевского, но без военной выправки, приходил к нам каждый вечер, сиял голубыми глазами, много играл на пианино, пел городские романсы и как-то попросил разрешения показать мне город. Бабка бездумно меня отпустила, и в расположенном рядом городском саду я услышала удивительное объяснение. Постепенно придвигаясь ко мне по садовой скамейке, зрелый ухажер повторял одну и ту же фразу: «ты мне очень нравишься как человек и как...» Тут он встречал мой взгляд и заканчивал неловко «...и как всё...» Сказать «как женщина» он все-таки мне не мог.

Я отодвигалась, все больше удивляясь, и все повторялось сначала. В конце концов, я слетела со своего конца скамейки в мелкую песчаную пыль. Дядя вздохнул с досадой и вернул меня бабке. Леля тряслась от смеха от моего рассказа. Оказывается, у гостя была репутация соблазнителя. Спустя несколько дней за мной приехала мама, которая в первый же вечер все поняла по взглядам и музыкальным намекам, тем более, что этого гостя хорошо знала. Вывела его в сад и нашла, что сказать. Дело кончилось подаренным мне на прощанье игрушечным медвежонком. Мне было лет 14, я увлеченно читала «Записки охотника» Тургенева, а до романов

еще не дошла.

В доме была еще одна комната, дедов домашний кабинет. Дверь ее выходила в коридор около ванной. В ней сначала жила молодая стройная девушка. Она все время слушала одну и ту же песню: «...и было три свидетеля, три друга, три товарища: река голубоглазая, березонька пушистая, да звонкий соловей» и разрешала мне приходиться к ней в комнату. В песне «уехал милый на Долго, уехал в дальний город он», и девушка, очевидно, по кому-то грустила, слушая ее. Потом уехала тоже, но, кажется, и она навещала бабку спустя годы. У меня от нее осталось впечатление такое же, как потом от молодой Целиковской в старых фильмах. И эта незатейливая песня на память.

Девушку на много лет сменила степенная семейная пара, которая по просьбе отца взяла в свои руки все хозяйство, огород и сад, и это позволило бабке продержаться до последнего.

Из кабинета в спальню вела маленькая, узкая дверка, завешенная китайским тигром. Скорее всего, стена была пробита позже, чем строился дом, чтобы не ходить кругом через коридор. Но эта дверка интриговала многих. Я даже видела в новом доме моей крестной такую дверку между комнатами. Она выглядела нелепо, а у бабки – как тайный ход в старых замках. Тем более, что хозяин дома был человеком тучным, и дверка ему была точно ни к чему.

Водочку в буфете держали не зря. Бабка и себе иногда просила налить маленькую рюмочку перед обедом, но в основном угощала заходившую иногда по дороге с базара домой в близлежащее село 100-летнюю «тетку Марью», которую совсем не волновал ее возраст. Что-то в тех местах способствовало долголетию. Она была няней моего отца, насколько я понял. Отец обязательно навещал ее, приезжая, и всегда брал меня с собой.

Мы выходили из города, проходили по мягкой дорожной пыли между гречишным полем и посадками эфиромасличной фабрики. Нас сопровождали запахи мяты и цветущей гречихи, светлое от летнего зноя небо и бдительный коршун, парящий в зените.

Дальше было болотце, по нему неторопливо ступали аисты и ловко выхватывали из воды лягушек. Дорогу пересекала узкая мелкая речушка, которую можно было спокойно перейти вброд, только следить, чтобы пиявки не пристали. Мелкие волны от моих ног создавали сетчатый золотой узор на песчаном дне.

Перед селом мы останавливались передохнуть в рощице. Отец падал навзничь на душистую траву и наслаждался редким для него покоем. Я тоже ложилась на спину и смотрела, как меняют форму облака. Сильно пахло нагретой на солнце сосновой корой.

В селе с огорода наблюдала за нами, загораясь рукой от солнца, тетка Мария: тю, Женька пришел! – это про моего совсем седого отца. Переставала полоть грядки, вела в хату и угощала холодным молоком из «глечика». В красном углу висели иконы, убранные вышитыми рушниками, по полу разбросаны стебли полыни. То ли для запаха, то ли от блох.

В один из таких визитов заглянула внучка тетки Марьи, сокрушалась, что не может угостить клубникой, потому что весной с «чоловиком» поссорилась, а тот клубничные грядки солью засыпал. А малинка – вот она, с молочком «буде дуже добре». Мы заходили еще в несколько хат и возвращались тем же путем, но уже не останавливаясь. Коршун все так же висел в небе.

На следующее утро посвежевший отец брал железные садовые кусачки и с неловкой лихостью обрезал малину и сухие ветки на деревьях. Специалист в ручной работе он был небольшой, но все испукалось удовольствием, которое он получал.

В конце сада росла огромная раскидистая яблоня-дичок с терпкими мелкими душистыми яблоч-

ками, их заготавливали на зиму вместе с квашеной капустой. Трава под яблоней была мягкая, густая, я любила в ней рассматривать в лупу насекомую мелочь и неожиданно хищные рожи изящных зеленых и синих стрекоз с тонкими длинными брюшками. Яблоня родила не каждый год, но если это случалось, вся была усыпана яблоками. В один такой урожайный год через ворота въехала подвода, ловкий парубок мысью вознесся на дерево и потрянул его. Сплошная стена яблок обрушилась с веток и погребла меня под собой вместе с моим испугом и восторгом одновременно. Пока со мной разбирался пораженный эффектом отец, телега была нагружена с верхом, и возница с парубком отбыли кому-то скармливать это изобилие.

В доме был еще чердак. В коридоре около ванной комнаты вела к нему крепкая лестница. Крышка люка очень тяжелая, так что я освоила эту операцию годам к 11-12. До этого там была вотчина брата, его тоже тянуло на все чердаки. Там было довольно чисто и светло.

Недалеко от люка стоял очередной сундук, в нем лежали старые вещи, они меня мало интересовали.

Помню только кружевную черную юбку вроде испанской, с оборками понизу и мамину огромную муфту из меха морского котика. Чтобы убедиться в натуральности меха, надо на него подуть. Если крашеный, черный цвет проникает и в кожу. Если натуральный, у самой кожи мех красно-коричневый.

С тех пор я проверяла мех только у наших котов.

Судьба муфты мне неизвестна. Юбку я выпросила и увезла собой. Вместе с такой же шалью и соседской блузкой из «панбархата» она послужила основой для школьного карнавального костюма черной шахматной королевы в восьмом классе. К полумаске мама снизу прикрепила кусок юбкиной оборки. Черная корона из бумаги для рентгеновских пленок с белым шариком из ваты, прикрепленная к шали на макушке, венчала королеву. Фурор.

Лежала еще в сундуке меховая накидка на сани – «полсть». Из рыжего хорькового меха. Укрывался ею дед, отправляясь в санях по вызову на роды. Плохо себе представляю такие морозы.

Накидке суждено было дожить и до моих студенческих сессий, к которым я готовилась, постелив ее на пол между письменным столом и окном в двухкомнатной родительской квартире. Это был единственный угол, принадлежавший лично мне. Над моей головой работал телевизор, приходили многочисленные непарадные, ежедневные, гости, велись оживленные разговоры, которые мне не мешали, я в них тоже принимала участие, подавая реплики из-под стола. Мне просто надо было куда-то деться со своими анатомическими атласами и медицинскими руководствами. Мои однокурсники с удовольствием навещали меня на этой шкуре.

И замуж меня оттуда взяли.

На чердаке в полной мере чувствовалась фундаментальность постройки. Толстые дубовые балки, печные трубы из красных кирпичей. В каждой ком-

нате были печи, назывались «грубки». У них были красивые чугунные дверцы, под дверцами – лист железа, чтобы выпавшие угольки не прожгли пол. Теплый воздух обогревал две смежные комнаты, поэтому в детской и спальне дверцы были не нужны. Такая конструкция снижала возможность угореть или обжечься. Часть стены, которая нагревалась, была с обеих сторон, т.е. в каждой комнате, выложена гладким белым кафелем. Мама говорила, что зимой у теплой стенки в столовой любил во время разговора стоять дед, заложив руки назад.

Все деревянное было очень добротным, скорее всего, дубовым. Даже стульчак в клозете и тяжелая крышка на нем. Дом строился не на один век. Снаружи он тоже был оштукатурен, поэтому я не знаю, как и из чего складывались стены. Я не слышала о серьезных ремонтах, но никаких жучков или грибков не было и в помине. Белые филенчатые двери не были захватанными, дверные ручки блестели. Пол, знаю, красили. Железную крышу красили. Пол в темно-красный цвет, крышу только в темно-зеленый. Цвет крыши упоминался тоном, не терпящим возражения. Зеленая! Забор тоже должен был быть зеленым.

Судя по словам бабки, что посади ее в одиночку, камера на второй день блестела бы, весь порядок в доме был, несомненно, ее заслугой. По крайней мере, результатом ее неусыпного контроля.

Крышу я знала хорошо, ради нее я и забиралась на чердак. На крышу вело окно с приставной лестницей в несколько ступенек. Склоны были пологими, я ходила по ним и сидела безо всякого страха. Лучшие места мне показал брат. По сути, именно брат был моим главным воспитателем. Большой разрыв в возрасте давал мне преимущество, потому что сестру он дразнил - беззлобно, но все-таки часто доводя до слез, а я была ему интересна сначала сама, как зверек, потом схожим с его отношением ко всему живому. И главные свои книги зоологов, биологов, путешественников я получила из его рук. Когда я выхаживала его после операции в Киеве, соседи по палате говорили ему: твоя дочка идет. У него на лице мелькала мягкая, раскрывающая подлинный характер улыбка, объединяющая эту ветвь семьи, как галстук объединяет выпускников Итона.

Позже надежнее и вернее друга, чем сестра, у него не было.

С крыши хорошо просматривалась структура сада, вблизи уже плохо различимая. Можно только представить себе, каким он был задуман.

Со стороны улицы между тротуаром и проезжей частью дороги росли акации, высотой они могли поспорить с елями. Цветения я не заставала, зато мне доставались длинные коричневые стручки, сладкие изнутри, если их осторожно лизнуть, края у них были острые. Между деревьями еще были посажены кусты желтой акации, из их маленьких зеленых плодов получались хорошие свистульки.

Главной целью моих вылазок на крышу были самолеты. Где-то около Черкасс располагался военный аэродром, и учебные полеты проходили вблизи бабкиного города. Я брала с собой полевой бинокль, удобно располагалась около трубы, и замирала надолго, глядя в небо. Если не было самолетов, мне хватало облаков. Я уже знала их виды: перистые, кучевые, слоисто-кучевые и проч. Хорошо было наблюдать закаты. Дом был ориентирован точно на восток-запад, и солнце садилось за «горилчаным» - спиртово-водочным заводом, тем самым, что горел при отходе немцев. Иногда закаты были такими горячими, что казались пожаром.

Самолеты появлялись с утра, после завтрака, и я старалась сбежать на крышу. Слева, с северной стороны неба, появлялись реактивные истребители и начинали выполнять пилотажные фигуры. Рисунок их полетов меня завораживал. Я потом со знанием дела читала книги известных летчиков-испытателей. Бочка, штопор, полупетли, петли, пике были мне знакомы с детства.

При этом я очень не люблю летать на самолетах, впадая во время полета буквально в ступор и не желая выбираться из кресла, даже если девять часов лететь. Хорошо, что научилась снимать симптомы воздушной болезни. Страшно, но хотя бы не тошнит. Такая вот диалектика.

Климат в центральной Украине, на мой взгляд, очень удачный. Утром свежая прохлада, роса на траве. Сухой зной в зените летнего дня. Вечера чаще безветренные, тихие. Сидишь в темноте на скамейке, оттуда видно, как вокруг стола сидят взрослые, тихо разговаривают, смеются. Или кто-то играет на пианино. Не помню, чтобы голоса звучали склочно, но ироничные реплики вполне возможны. Бабкины главные ругательства – дурак и мерзавец. Дураком чаще всего оказывался дурак бытовой, а мерзавцем – редкий человек. «Мерзавец» – это приговор без обжалования.

Так вот сидишь, дышишь после трудового, можно сказать, дня, слушаешь. Летучая мышь промелькнет, жук загудит. Жуков удобно сбивать газетой и прятать в пустую спичечную коробку. Флегматичные рогачи не возражали, и утром я их запрягала в коробок, они трудолюбиво тянули его за собой, зарабатывая свободу.

Из кустов около колодца выбирается, обманутый тишиной, ежиный выводок, мамаша и штук 6-7 малышей. Вот не думала, что ежи бегают с такой скоростью. Догоняю последнего ежонка. Он превращается в еще мягкий шарик. Полежав на ладони, ежик чуть разворачивается, открывает черный кончик носа и блестящие глазки под колючками на низком лобике, напоминая Гагарина в шлеме. Несу в дом, отпускаю его на столе. Отец смеется от неожиданности и пожимает плечами. Ежик шустрый, резво выхватывает из рук кусочек вареного мяса и с большим удовольствием ест. Ну что ему в доме делать? Я его оставляю до утра в коробке, чтобы не заблудился в саду один. Утром отношу к норе.

С приближением грозы сад затихал. Умолкали птицы. Исчезали муравьи. Тучи обычно напоздали с запада, в них еще без грома вспыхивали молнии. Бабка говорила мне с восхищением: смотри, как красиво, и садилась в кресло у окна. Ну прямо как путешественники во времени у Каттнера. Мама в таких случаях впадала в панику и стремилась всех подобрать под крыло. А бабка еще и открывает окно.

В сад проникал верховой ветер, верхушки елок начинали с шумом раскачиваться, в столовой темнело. Мои нервы тоже не выдерживали, я закрывала балконную дверь. Ливень обрушивался внезапно, вода кипела на балконе, а дальше ничего не разглядеть, стена дождя. Я затаивалась на диване или в качалке и считала, сколько секунд пройдет от молнии до грома. Брат сказал, что скорость звука 330 метров в секунду. Посчитай, сколько секунд прошло, узнаешь, стоит гроза на месте, или уходит.

Уходит.

Интервалы удлиняются, ливень становится дождем, в комнате светлеет, тучи ушли дальше на восток. Можно открыть дверь. На полянке перед балконом мокрый песок, луж не остается, цветы мокрые, но довольные. Просто благословенная земля.

Отец был твердо убежден, что фрукты самые, нет, единственно вкусные там, самые душистые цветы там, самые красивые звезды там. Я ему говорила: что ж ты себя удовольствия лишаешь? Прошлого не вернешь. Нет, не тот вкус, не тот запах.

Наверное, он в определенной степени был прав. Когда я приехала с сыном и остановилась у знакомых, переборчивое в еде чадо получило на завтрак свежее яйцо из-под курицы, помидоры с куста и молодую картошку. И воскликнуло: яйцо вкусное! Помидор вкусный! Вареная картошка вкусная! До этого о яйцах и разговору быть не могло, и картошка должна была быть исключительно жареная. Кубиками.

Так-то.

Лето заканчивается. Созревают орехи. Падают с веток, ударяются о землю. Раскалывается зеленая оболочка, разрывая связь с розово-бежевой чистой скорлупой, на которой еще сохраняются тонкие светлые волокна.

Варенье сварено, разложено по стеклянным банкам, закрыто чистой белой бумагой, надписано, убрано в шкаф. Вишни остаются только на недоступных верхушках. Под окнами кухни начинают цвести первые мелкие родственники японских хризантем – морозки – светло-сиреневые, с желтыми серединками, совсем не декадентские. Еще не скоро завянут золотые шары. Яркие, но нелюбимые мною георгины свешивают тяжелые головы над дорожкой у калитки.

В цветнике у балкона держатся мальвы и флоксы. Я последний раз делаю из бутона и цветка куколку в платье с кринолином: на бутоне остроконечный колпачок, длинная шейка его стебелька втыкается в основание цветка, получается куколка. Ручек нет, но плечи прикрыты зеленой пелеринкой. Я отношу ее Леле. Она серьезно ее принимает и говорит спасибо.

Собираемся в дорогу. Ничего особенного. Разве что банку варенья берем с собой. Потом к нам придет посылка от бабушки с орехами, которые уже не будут пачкать рук, с сушеными абрикосами, яблоками, вишнями и грушами. Я не люблю компота из сухих фруктов – «узвара», с удовольствием грызу их просто так.

Мне неважно, что мы берем собой. Важнее то, что все остается здесь. Прощаемся, выходим за калитку. Проходим мимо фасада. Обязательный ритуал: я вспрыгиваю на край довольно высокого фундамента, достаю до открытого окна, у которого стоит бабушка, она гладит меня по голове. У меня перехватывает горло.

Пока мы не скроемся за углом, она будет смотреть нам вслед, опираясь на подоконник. Ей трудно

долго стоять. Спрыгиваю на траву палисадника, догоняю отца, мы уходим. Еще раз я оглядываюсь у поворота к главной улице, ведущей к вокзалу. Издалека видны только верхушки елок.

Отец молчит. Я не смею его беспокоить.

Мы еще приедем.

Tuesday, July 8th, 2008

У кота сезон охоты на пестрых бабочек вроде репейниц.

Ловит их на крыше, несет в комнату. Несет аккуратно, за твердую часть организма, убивать не убивает, есть не ест. Бабочка трепещет крыльями, обсыпает коту белый подбородок разноцветной пылью.

Отпускает ее в комнате, ага.

Начинаются догонялки. По столам, по книжным полкам, по головам, по чему угодно.

Она мечется вокруг настольной лампы и залетает в абажур. Кот вскакивает за ней на стол, по дороге выбивает из рук книгу у одного, рвет задней ногой газету у другого, по плечу запускает лапу под абажур и азартно шарит там. Бабочка замирает.

Кот ложится на пол в позе отдыхающего римского патриция, только что лапой голову не подпирает.

Ему борьба нужна, легкой добычи не ищет.

Ждет.

Я прихожу в себя, осторожно сгребая полысевшую жертву и выпускаю в окно,

Эта улетает, прилетает другая, ее ловит кот и т.д. В доме полно живых, полуживых, полудохлых и дохлых бабочек.

Не понимаю, что им нужно на голой крыше.

Никаких мозгов, одни феромоны.

Saturday, August 9th, 2008

ФРИДРИХ ВЕЛИКИЙ

“Если бы наши солдаты понимали, из-за чего мы воюем, нельзя было бы вести ни одной войны”.

Sunday, August 10th, 2008

СТО СОРОК БЕСЕД С МОЛотовым

Вот чего не знают и не понимают солдаты:

...[Вспоминается рассказ](#) А.И. Мгеладзе (Первый секретарь ЦК КП Грузии в последние годы жизни И.В. Сталина), дополненный Молотовым, о том, как после войны на дачу Сталина привезли карту СССР в новых границах – небольшую, как для школьного учебника. Сталин приколот ее кнопками на стену: «Посмотрим, что у нас получилось... На Севере у нас все в порядке, нормально. Финляндия перед нами очень провинилась, и мы отодвинули границу от Ленинграда. Прибалтика – это исконно русские земли! – снова наша, белорусы у нас теперь все вместе живут, украинцы – вместе, молдаване – вместе. На Западе нормально. – И сразу перешел к восточным границам. – Что у нас здесь?.. Курильские острова наши теперь, Сахалин полностью наш, смотрите, как хорошо! И Порт-Артур наш, и Дальний наш, – Сталин провел трубочкой по Китаю, – и КВЖД наша. Китай, Монголия – все в порядке... Вот здесь мне наша граница не нравится!» – сказал Сталин и показал южнее Кавказа.

– С этим делом мы, конечно, немножко переборзили, но на юге кое-что намечалось. Однако во всем надо знать меру, а то можно и подавиться.

Вопрос о Прибалтике, Западной Украине, Западной Белоруссии и Бессарабии мы решили с Риббентропом в 1939 году. Немцы неохотно шли на то, что мы присоединим к себе Латвию, Литву, Эстонию и Бессарабию. Когда через год, в ноябре 1940 года, я был в Берлине, Гитлер спросил меня: «Ну хорошо, украинцев, белорусов вы объединяете вместе, ну, ладно, молдаван, это еще можно объяснить, но как вы объясните всему миру Прибалтику?» Я ему сказал: «Объясним»

Friday, August 15th, 2008

ГРАММАТИКА

Сегодня в новостях ЖЖ:

“Как известно, до конца 1980-х годов целый **ряд** музыкантов **не давали** публичных выступлений из-за конфликта с советскими идеологами от культуры”

Есть неловкость в такого рода фразах, но я их встречаю часто. Начинаю проговаривать про себя, пробуя на быстрое произношение. Не нравится.

С другой стороны, не очень-то красиво звучит и “ряд музыкантов не давал публичных выступлений”.

Дело не в смысле, а в сочетании единственного и множественного числа подлежащего и сказуемого.

Становлюсь каждый раз в тупик.

UPD Надо было раньше в учебник заглянуть. Кто не знал, тот теперь тоже будет знать. [Там и про ряд есть.](#)

ИСПРАВЛЕНИЕ ХУЖЕ ОШИБКИ

С сайта <http://www.newsru.com/> довольно быстро убрали слова Кокойты о том, что в освободившиеся грузинские дома в грузинских анклавах Южной Осетии будут вселяться осетины.

Но слова остались на Свободе и [на сайте Коммерсанта.](#)

Такое исправление хуже ошибки.

ТЕМ ВРЕМЕНЕМ

Звезды падают. Ловите.

<http://www.astrogalaxy.ru/388.html>

ЦИКАДЫ

*Тишина кругом.
Проникают в сердце скал
Голоса цикад.*

...На Востоке цикад ловили и наслаждались их пением так же, как пением птиц... Существует легенда, по которой во время музыкальных соревнований выиграл тот музыкант, на инструменте которого сидела и пела цикада.

Это насекомое также является символом счастья и вечной молодости, поскольку оно живет дольше, чем любое другое насекомое; продолжительность его жизни, как сказано, превышает семьдесят лет. "Хотя это существо такое крошечное, оно, тем не менее, служит тому, чтобы иллюстрировать великие идеи, выказывая, как оно это делает, обуздание алчности и порока".

<http://gemstones.narod.ru/neckeinfo.htm>

<http://slova.org.ru/merezhkovskiy/tsikadagimn/>

«Говорят, — писал Платон, — цикады когда-то были людьми — в те времена, когда Муз еще не было на свете. А когда появились Музы и песни, то от радости иные люди пришли в такой восторг, что за пеньем забыли есть, забыли пить и довели себя до последнего издыхания. От них-то и пошла порода цикад; а Музы даровали им способность жить, не нуждаясь в корме, и петь без еды и питья до самой смерти, а после этого они восходят к Музам и рассказывают им, кто из людей кому из Муз оказывает почет».

<http://www.explan.ru/archive/2004/25/s3.htm>

<http://vestnik.tripod.com/articles/cicada.html>

Замечательно, но сегодня они мне просто не давали спать.

QUO VADIS?

Блиц-турнир на Кавказе отразился воздетыми указательными перстами политиков, вялой иронией или имперским пафосом медийных пикейных бронешилетов(спасибо за термин, Ю.Б.!) и мелкими колебаниями мировой паутины. Записные крикуны растерянно кричат на всех, теряя ориентацию.

В госпитальных палатах тихо лежат раненые. В их глазах так же, как в глазах детей и брошенных животных, - память о пережитом страхе и недоумение.

Недоумение и во взглядах прогрессивной мировой общественности. Прогрессивная мировая общественность память потеряла и морщит на русский манер лоб: "Кто виноват? Что делать?"

Спортивная победа спонтанно, на первый взгляд, т.е. без партийных списков и понуждения к радости выводит на улицы тысячи людей.

Счастливые лица губернаторов, президентов и зиц-президентов, тренеров, усталых спортсменов и не знающих усталости фанатов.

Ликуют все. Война? Где война?

ШТРИХ К БЕЛОРУССКОМУ ПОРТРЕТУ

*Встретила в ЖЖ фотоочерк о Минске. <http://barmin-yuri.livejournal.com/655.html>
Он напомнил мне поездку в Белоруссию два года назад.*

Я не решилась тогда выложить свои мимолетные и, как мне показалось, неоднозначные впечатления - что можно понять за три дня? Оказывается, сколько ни приезжай в Белоруссию, сколько там ни живи, однозначной оценки не будет ни у кого, если судить по комментариям к очерку и по ссылкам. По сути, я выкладываю текст письма к друзьям, написанного сразу по возвращении из Минска. Короткий мазок, штрих к портрету балансирующей между нашим общим прошлым и нашим общим будущим замечательной страны.

Приглашение.

Приглашение на конференцию было подтверждено послом Белоруссии. Сначала звонили несколько раз: едете - не едете, сообщите паспортные данные, срок действия паспорта, телефоны, гостиница в Минске, поезд, даты приезда-отъезда. Знакомы ли с теми, кто еще едет. Официальное приглашение выдали в посольстве. Я связала это с тем, что в Минске незадолго до поездки были молодежные волнения.

Границы.

Наши пограничники ходят с аппаратиком, на котором проверяют паспорт. Украинские на паспорт обращают мало внимания, внимательны только к багажу, но надо заполнять миграционный листок, часть его хранится у тебя и отбирается на обратном пути. Однако, мою соседку чуть не ссадили за отсутствие отдельного паспорта на 3-летнего ребенка, вымогнули сотню зеленых, которую она с перепуга отдала. Белорусские ходят с толстой тетрадью, в которую заглядывают, сверяя твои данные со своим списком. Как я понимаю, это список нежелательных лиц. Сверили, паспорт вернули, багажом не заинтересовались, вроде все. Вдруг в купе двинулась здоровенная башка, потом корпус замечательной овчарки, она с отсутствующим видом все обнюхала и ушла, не обращая внимания на восторженный вопль: СОБАЧКА!!! Поехали по Белоруссии.

В Минске, когда поезд остановился, выйти сразу не дали: с двух сторон зашли теперь уже две собачищи и прошли весь вагон вдоль строя оттесненных к стене коридора пассажиров. Странное чувство, честно сказать, возникло.

Гостиница.

Все чисто, но потерто, звезды на полторы меньше заявленных. Часть делегатов, медицинских чиновников, поселили в другой гостинице, где номер стоил 130 долларов в сутки. Они раздражались неоправданной дороговизной. В нашей – 42. Но вид из окна на ночной Минск, освещенный без всякой экономии электричества, чудный. Огни фонарей и подсветки домов двоились в мокром асфальте и создавали впечатление природы для импрессионистов. Машин и прохожих немного. Тихо, несмотря на то, что мы в самом центре.

Все вроде спокойненько. Вдруг ночью – громкая ссора в коридоре. Дежурная по этажу пришла выгонять из соседнего номера лишнюю женщину, а постоялец с железной интонацией партуроводителя делал ей выговор с такой аргументацией: я деликатно промолчал, когда вселился в бардак в номере, а вы лезете посреди ночи с проверками. Номер семейный, хотя заказан не на меня (!?). Требую немедленно (!) придти и убрать номер, тут у вас под столом презервативы валяются. Показалось, что чего-то не поняла спросонок, хотя ссорились они прямо у моей двери.

Однако вскоре зазвучал - в два часа ночи - пылесос. Победил партийный напор. Интересно, что утром дверь моего номера оказалась незапертой. Я списала это на собственную рассеянность.

Мой коллега сказал, что вечером ему по телефону предложили гостью, он якобы в шутку ответил, что всегда готов, а когда дама явилась, струхнул и признал себя инвалидом Чернобыля. Возможно, ночной дозор был плановым.

Телевидение.

Смотреть белорусское ТВ практически невозможно, я такой архаики уже и не представляла себе. Одним вечером попыталась сосредоточиться и посидела перед телевизором. Сначала был рабочий визит президента в очередной район. Репортаж с конференции. А потом я изумилась двухчасовому обсуждению на правительственном уровне в прямом эфире проблемы организации весеннего субботника (!) и состояния легкой промышленности. Начальник соответствующего государственного управления требовал выпускать больше пальто для детей, а то получается 1 на 21 ребенка. А остальным в чем ходить? В куртках? Так курток – 1 на 4 детей, а трем в чем ходить? И т.д. В сюжете о коммерческом швейном предприятии пытали директоршу про денежную прибыль. Она стояла насмерть: коммерческая тайна. Ага! Тайна! Вот, вот! Капиталистическая методика не желает народного контроля! Может быть, именно из-за контроля белорусские товары везде есть в продаже, даже у нас, а наших нет и неизвестно?

Конференция.

У меня было впечатление заседания дублеров. СНГовые доклады типа отчетов замминистра о проделанной работе, западные – приветствия первых лиц, прочитанные вторыми, и осторожные обобщения 20-летних наблюдений. Наверное, обычно высокий уровень таких конференций был на этот раз снижен из-за недовольства отношением белорусского руководства к оппозиции.

Заявленный в программе президент Лукашенко не явился, хотя разнообразно одетой бдительной охраны было полно на всех подступах к зданию и на каждом шагу. Магниты на входах и проч. По углам площади кучковалась какая-то молодежь, вовсе не протестанты, потому что попозже этой молодежью заполнили пустые ряды в конце зала. В вестибюле женщина, похожая на дежурную, в ответ на какой-то мой вопрос с досадой ответила: ой, я ничего не знаю, министерство образования прислало студентов, я с ними. Инъяз был привлечен, наверное. Время от времени нас по бэдджикам отлавливали студенты - переводчики. Ну, вы же иностранцы... Весело отходили после вопроса: с какого на какой вы хотите нам переводить?

Таблички с именами были грамотно заварены в бэджи, а не просто вставлены, заменить их было бы невозможно. Места в зале для каждой делегации - точно определены, мы сидели рядом с рижанами и шведами. Все материалы нам выдали на английском, опять же как иностранцам.

Основная мысль конференции – пришло время бороться с последствиями аварии своими силами. Спасибо за помощь, но в Белоруссии после Чернобыля сделано и делается больше, чем во всем мире, именно государством и заботой его руководства. Упоминание имени президента встречалось аплодисментами задних рядов.

Специалисты в Белоруссии прекрасные, это правда. Стараются очищать почвы, потому как оттуда начинается вся цепочка загрязнения. Почва - растения – животные – мясо и молоко – люди. Но без международной помощи им не справиться, разве что привыкнуть. У них хорошо организована работа с детьми и ликвидаторами: бесплатное питание, бесплатная медицина, в медицинских центрах – современная аппаратура. Основная грядущая медицинская опасность – онкология. Белоруссии очень помогли, но акцент впервые и вполне определенно сделан на том, что пора ей протягивать не рыбу, а удочку. Что считать удочкой при таких масштабах бедствия – не

совсем понятно.

Город.

Шведы были недовольны завтраками, они привыкли к своим шведским, но про город сказали, что он вполне европейский. Действительно. Чистый, просторный, без торговли и машин на тротуарах. В один день я успела пройтись пешком. У станции метро, где когда-то в давке погибло много народу, около невысокого памятника бродили и стояли молодые ребята, явно опасаясь создавать впечатление общности. Переглядываясь, но не группируясь.

Вывесок на белорусском языке мало, главным образом, в центре. Говор слышится везде. Но это скорее акцент в русской речи, чем собственно язык. Я сочла это за недостаток: меняется и мой менталитет.

Такси, которыми мне пришлось воспользоваться в поездках к знакомым, удивили забытым у нас счетчиком, водители еще и рукой махали на отсутствие мелочи. Тысячерублевые купюры меня угнали вконец. Я абсолютно не понимала, чем расплачиваюсь

Спросила 85-летнюю профессоршу, у которой была в гостях, хватает ли ей пенсии на жизнь. Хватает, даже иногда можно помогать детям или покупать им несимволические подарки. Дети, кстати, тоже профессора. Я задумалась: у нас ничьей пенсии на достойную жизнь не хватит, если дети не помогут.

В книжном и гастрономе рядом с гостиницей цены все-таки высоковаты. Это я поняла, напрягшись в пересчете. Хлеб замечательно вкусный. Цветы точно дорогие. Нарядная азалия в вазоне, купленная в подарок, почти разорила меня.

В последний день на улице около гостиницы меня остановил парнишка. Он смотрел мне прямо в глаза, от собственной смелости у него подрагивали зрачки. Четко выговаривая слова, на чистом белорусском языке попросил помочь их объединению, купить календарик. Я шла из книжного, где просадила до копейки местные рубли, мы с ним просто поговорили. Расслабился и побежал со своими календариками дальше. Ему разговор был важен, а календарики – просто предлог.

Администраторы гостиницы при прощании вежливо норовили содрать с меня лишнее за телефонные разговоры. Думаю, не по алчности, а по старательности и затурканности из-за наплыва клиентов. Один раз - за тучу чужих звонков, другой - за мои, но уже оплаченные. Спасли меня чудом сохраненные квитанции, которые я обычно выкидываю. В качестве извинения было предложено заказать такси до вокзала. Два с половиной доллара, вокзал очень близко. Относительно новый, красивый, удобный. Я вошла в вагон, и через несколько минут перрон отодвинулся, отбежал назад вместе со всеми знакомыми и понятными мне минскими реалиями.

Я побывала в светлом советском прошлом, в которое вернуться абсолютно не хочется, но "которого немного жаль". Слишком тяжелым, даже со стрельбой, был наш переход к новой жизни. Хотелось бы верить, что белорусы обойдутся без стрельбы, им ее хватило.

Бобруйск.

А! Я проезжала Бобруйск! На самом деле. Под восторженные рассказы попутчицы, немолодой тетки с бобруйскими корнями, об «умнейшем Александре Григорьевиче, которого любит весь народ!» Она встречалась с ним как активистка белорусского землячества за границей и была совершенно очарована встречей.

Вот так.

НАУКА НА МАРШЕ

Послушала на съезде физиологов о влиянии эмоционального сигнала при психоэмоциональном стрессе на окружающую среду, в частности, на структуру воды (К.В.Судаков из института Анохина), страшилку И.В. Ермаковой про генмодифицированную сою, косящую кормленных ею крыс во всех поколениях, утверждение некоторых докладчиков об уже наступившей биологической деградации населения и угнелась: как страшно жить!

На задумчивый вопрос одного из академиков - не являются ли все эти ужасы признаками реэволюции - аудитория с облегчением засмеялась, и все отправились на обед.

Saturday, November 22nd, 2008

HIS MAJESTY

Люблю, когда изображение и название совпадают. Простая вещь приобретает смысл и становится образом.

UPD

Я немного сочувствую Его Величеству. Он недавно взошел на престол, лицо задумчиво склоненное, руки опущены вдоль тела и прикрыты мантией. Или, возможно, это только примерка, под мантией еще надеты джинсы, и он привычно держит руки в карманах. Ему так хорошо и светло жилось, он еще не думал о престоле и вообще задумался в первый раз.

Руки в карманах, но на голове корона, а над головой - темный космос новых обязательств, возможностей, будущих событий. Он еще мальчик, но уже Его Величество...

Детские шахматы закончились, начинается взрослая игра.

МЕЛОЧНОЕ И БРЮЗГЛИВОЕ

Журналистика полна "точкой невозврата".

Выражение "пройти точку возврата" пришло, насколько я помню, из авиации. Если самолет улетал дальше предела, за которым могло не хватить горючего на обратный путь, он проходил условную точку возврата. В переносном смысле, перейдя какую-то границу, процесс становится необратимым. Хоть химический, хоть физический, хоть социальный.

С чего вдруг эта граница стала "точкой невозврата"? Новая точка расположена дальше старой? Между ними есть нейтральная полоса?

Или просто невозврат на взгляд журналиста звучит понятнее и страшнее?

"Он пугает, а мне не страшно", поскольку я в раздражении немедленно отвлекаюсь от его дальнейшего текста.

ЭЛЕГАНТНАЯ ПЛАНЕТА

Thursday, December 4th, 2008

СУПЕРКОМАР

Включила микроволновку и только тогда увидела внутри камеры комара. Летал. Мой сырник нагревался 25 секунд. Комар летал. Через пару секунд после выключения он вяло опустился на край диска и подобрал ножки. Помер, думаю. Нет! Пока вынимала сырник, комар очнулся и довольно бодро вылетел. Ночью прилетит мстить, пить мою кровь.

Tuesday, December 23rd, 2008

...И РАССТУПИЛИСЬ ПЕРЕД НИМ, КАК ВОЛНЫ КРАСНОГО МОРЯ.

Среди них были стройные молодые красавцы и сточенные временем старые друзья, с которыми было жаль расставаться.

Все жили вместе, но иногда они ссорились и даже воевали, например, теплые цвета с холодными.

Случалось, сложные, даже изысканные натуры надолго уступали поле боя темным или вообще простым,

которые умели четкой, твердой линией обозначить главное и этим ограничиться.

Их перестраивали, ведя расчет по тону, длине или степени отточенности. Некоторые упрямо нарушали систему и становились рядом по сердечной привязанности. Белый и черный замечательно сблизилась на сером картоне, им не хотелось разлучаться. А раньше были крайне далеки друг от друга.

Любимые носили имена, переходящие к следующим поколениям, как титул.

С нелюбимыми допустимо было обращаться небрежно: эй, коричневый!

Нелюбимые тускнели от нелюбви и закатывались в дальний угол.

Коричневому тоже хотелось оттенить нежную белизну на картоне, но не простым сером, а торжественно-золотистом. Вот где он мог бы показать себя во всей красе!

Многие фантазии, связанные с их жизнью, давно забыты. Отошли в прошлое, как и переплетенные цветными узкими ленточками детские альбомчики с наскальными рисунками доисторического периода. И сами они, казалось, остались там, в далеком детстве.

Нет, живут и в наши дни.

И кто-то снова придумывает для них истории, так похожие на те, что были придуманы когда-то.

Thursday, December 25th, 2008

Премьер-министр одной страны приглашает бедную девочку на бал. Президент другой страны спасает индюшку, чтобы она не попала на бал.

Я надеюсь и жду, что кто-то спасет изрезанного ножами скрипача. Хотя бы одного. Хотя бы на Рождество. Хотя бы напоказ. Взмахнет палочкой и отменит шабаш черных сил. Хотя бы на одну волшебную ночь.

Sunday, January 4th, 2009

ЗИМНИЙ ДЕНЬ

Wednesday, January 7th, 2009

Среди многих материалов последних дней мне встретилась ссылка на неожиданное откровение. Случай нетипичный, но стоит внимания.

<http://www.jerusalem-korczak-home.com/np/war/09/np175.html>

Via roztamara

Saturday, January 17th, 2009

THE RABBIT

Тишина.

Косые тени от ночной лампочки. Неяркий свет отражается в недреманном заячьем оке.

Бдит длинное мягкое ушко: вдруг кто-то проснется среди ночи, испугается мрака по углам, вскрикнет и маму позовет.

Надо успеть прилечь рядышком на подушку, подставить пушистое плечо беспокойной детской ладошке.

Высушить теплой шкуркой реснички, влажные от готовых пролиться слез .

Пусть и мама поспит.

Нелегкая работа быть любимой игрушкой.

КОТ, КОТОРЫЙ ВЕРНУЛСЯ С ХОЛОДА

УКРАИНСКИЙ И РУССКИЙ

Вчера на Интер+ попала на концерт камерной музыки. Конечно, случайно, конечно, не с начала, поскольку ТВ программы не знаю. Концертная запись.

Солист - незнакомый мне молодой тенор. Внешне - смесь Джорджа Буша-младшего и Л.Агутина, только в отличие от аналогов - абсолютно неподвижный.

Пел Ленского и самые известные романсы Чайковского. Ну, "Средь шумного бала" и т.д.

Пел интонационно очень точно, но как-то принужденно.

Мимика минимальная, во взгляде неуверенность. Во время пения постоянно скашивает глаза к пюпитру с нотами. То ли слова, то ли мотивчик вспоминает.

В просторном зале сидит за столиками хорошо одетая публика, вежливо аплодирует.

Повторяю: тенор, поет Чайковского. По мере пения увеличивалось напряжение. И у тенора, и у меня. На словах "Куда, куда вы удалились..." на его лице выразился подлинный ужас. Ну, как будто маска грустного Пьеро увидела несущийся на нее паровоз или привидение, вытаращила глаза и раскрыла в страхе рот. Даже Герман в "Пиковой даме" того же Петра Ильича не сходил с ума столь выразительно. Я и сама похолодела и съежилась: страница на пюпитре не переворачивается!

Закончился Чайковский, мы с тенором перевели дух.

Концерт продолжался. Практически без перерыва полилась украинская мелодия.

И вдруг что-то произошло.

Боже, как он запел! "Дивлюсь я на небо".

Голос, обогатившись тембром и глубиной где-то около диафрагмы, расправил крылья и полетел над столиками, резонируя с сидевшими за за ними душами. Лицо тенора ожило, расправилось, в светлых глазах наметилось сияние. С каждой следующей вещью вполне стереотипного репертуара украинской музыки он освобождался от принуждения и наслаждался звучанием родного языка, родных мелодий, он купался в них, как альтист Данилов в грозовых тучах. Зал очнулся и тоже был готов подняться в высшие сферы. И поднялся - силой собственной овации.

Оркестранты заулыбались, дирижер с тенором обнялись.

Я впервые с удивлением подумала, что украинскому оперному тенору может быть не близок, если не чужд, язык русских романсов.

Мы не желаем верить в перемены.

Придется принять неизбежное, господа.

ВОТ ТАК СКАЗОЧКА

Мне никогда не хотелось читать ранние публикации Чехова. Разве что "Письмо ученому соседу" запомнилось со школьных времен, да и то потому, что его часто цитируют креационисты в спорах со сторонниками теории эволюции : ... если бы человек, властитель мира, умнейшее из дыхательных существ, происходил от глупой и невежественной обезьяны, то у него был бы хвост и дикий голос." Ну и т.д.

Стоя на-днях перед книжным стеллажом и ворча "ну совершенно нечего читать!", я обнаружила во втором ряду заметки К.Чуковского "О Чехове" с анализом эволюции чеховской личности и литературной манеры. По-моему, верный анализ.

После чего, понятное дело, проблема что бы почитать отпала. Раскрыла первый том Чехова со спрессованными, чуть ли не слипшимися от долгого неупотребления страницами, и не жалею, что раскрыла. Ранний Антон Павлович хорошо вписался бы в современный Интернет. И стеб, и иронические стилизации, и даже многословие начинающего. И уже увиденные медицинским взглядом симптомы - детали.

Но я сейчас не об этом. Тем более, что половина тех, кто заглядывает в мой ЖЖ, Чехова терпеть не может. Я о неожиданном.

В рассказе "Ненужная победа" есть ужастик на тему Дюймовочки. Вот такой сказочник Антон Павлович.

...Эта девочка, по словам моей няньки, жила в некотором царстве, в некотором государстве, в большом тюльпане. Она сидела на пестике и поглядывала из-за листьев тюльпана на мир божий. Занятия у нее были самые разнообразные. Она ухаживала за цветами, разливала в бутылки росу, которую употребляла для ванн и питья, пела песни. Девочка эта, забыл я тебе сказать, была ростом не более твоего мизинца. Ела она один только мед, который носили ей пчелы. Одевалась в пурпуровые листья маковых цветов. Специальность ее была медицина.

Она заговаривала зубы, перевязывала раны, готовила капли и т. д. Одному кузнечнику, который в схватке с пауком сломал себе ногу, она сделала операцию с такою ловкостью и с таким знанием, какому может позавидовать даже Бильрот. Занимаясь медициной, она не брезговала и другими ремеслами. Она обшивала бедных насекомых, починяла камергерские мундиры золотых жуков, душегрейки божьих коровок... Насекомые уважали ее, как мать родную, и любили ее больше всего на свете. Еще бы! Она совсем разорилась на нищих-червей, которые со всех сторон ползли к ней за подаянием; она потеряла голос, читая проповеди насекомым. Проповеди ее были верхом ораторского искусства. Из достоверных источников известно, что десять трутней, прослушав ее проповедь «о лени», заплакали от угрызения совести и принялись собирать мед. Она выдавала бабочек замуж, причем в приданое давала им прекраснейшие кисейные платья. Она женила сверчков, строго-настрого приказывая им, чтобы они по ночам не беспокоили жен своим криком... Настоящая была мать! Является однажды к этой девочке тарантул и просит ее, чтобы она заговорила ему зубы. Девочка заговорила ему зубы, и у паука моментально исчез с лица флюс. «Ладно, — сказал паук. — Спасибо. Я тебе за твою работу когда-нибудь соуса из мухи пришлю... Послушай, гениальная мысль пришла мне сейчас в голову! Выходи за меня замуж! Л? Выйдешь?» Девочка засмеялась и сказала, что она ни в каком случае не может быть женой паука. «Я не люблю тебя, — сказал паук, — ты мне не нравишься, но я хочу брать дань с тех насекомых, которых ты лечишь, одеваешь и учишь чи-

тать... Мне нужны деньги. Не хочешь? Хорошо же! Если через три дня ты не дашь мне своего согласия, то я тебя убью вот этими самыми зубами!» Паук показал девочке свои страшные зубы и пошел домой. Девочка сообщила об угрозе паука всем своим протеже. Те слетелись, напозли к ней со всех сторон и стали вокруг нее в оборонительную позицию: «Умрем, но не выдадим!» — воскликнули они. Явился паук. «Согласна?» — спросил он девочку. — «Не согласна. Не заводи, паук, неудовольствий! Посмотри, сколько у меня защитников!» Паук посмотрел и увидел не защитников, а трусов, которые были бледны и дрожали всем телом. Он громко засмеялся и на глазах всего насекомого мира зарезал своими скверными зубами бедную девочку. Убив ее, он покойно отправился домой. Пчелы сделали из воска гроб и положили в него девочку... Муравьи взялись выкопать могилу. За гробом шли комары, которые превосходно пели и играли на трубах. Золотой жук прочел надгробное слово... Одним словом, похороны вышли шикарные. Поминки были еще лучше. Ели и пили все насекомые до боли в животах. После поминок насекомые выспались, поручили сороконожке собирать на памятник и разлетелись по домам...

— И конец? — спросил Цвибуш.

— Что же тебе еще нужно? — спросил барон. — Хочешь, чтобы паука в тюрьму посадили? Держи карман! Нянька моя была отличный педагог. Она мне не лгала даже в сказках. У нее не торжествовала добродетель. Паук и до сих пор сидит у себя в норе и кушает соус из мух, а подлые насекомые, больные и изорванные, небось чаще вспоминают о вкусных поминках, чем о девочке.

Wednesday, January 28th, 2009

ТРЮИЗМ

К вопросу о раннем Чехове: у всех классиков надо читать только избранное. Остальное - лаборатория.

Thursday, January 29th, 2009

ЧЕХОВ. НЕОЖИДАННОЕ.

Не знать, кто писал, так сразу и не догадаешься. Разве что по чудно сформулированному финалу.

Ложь до правды стоит

Персидский царь Дарий, умирая, призвал к себе сына своего Артаксеркса и сказал ему: Сын мой, я умираю! После моей смерти созови со всей земли мудрецов и предложи им на разрешение эту задачу. Решивших сделай своими министрами.

И, нагнувшись к уху сына, Дарий прошептал ему тайну задачи.

После смерти отца Артаксеркс созвал со всей земли мудрецов и, обратясь к ним, сказал:

— Мудрецы! Отец поручил мне дать вам вот эту задачу на разрешение. Кто решит ее, тот будет моим министром. И Артаксеркс задал мудрецам задачу. Всех мудрецов было пять.

— Но кто же, государь, будет контролировать наши решения? — спросил царя один из мудрецов.

— Никто, — отвечал царь. — Я поверю вашему честному слову. Если вы скажете, что вы решили, я поверю, не проверяя вас.

Мудрецы сели за стол и стали решать задачу. В тот же день вечером один из мудрецов явился к царю и сказал:

— Я решил задачу.

— Отлично. Будь моим министром.

На другой день задача была решена еще тремя мудрецами. Остался за столом один только мудрец, именем Артозостр. Он не мог решить задачи.

Прошла неделя, прошел месяц, а он всё сидел за задачей и потел над ее разрешением. Прошел год, прошло два года. Он побледнел, похудел, осунулся, перепачкал сто стоп бумаги, но до решения было еще далеко.

— Вели его казнить, царь! — говорили четыре министра, решившие задачу. — Он, выдавая себя за мудреца, обманывал тебя.

Но царь не казнил Артозостра, а терпеливо ждал. Через пять лет пришел к царю Артозостр, пал перед ним на колени и сказал:

— Государь! Эта задача неразрешима!

Тогда царь поднял мудреца, поцеловал его и сказал:

— Ты прав, мудрый! Эта задача действительно неразрешима. Но, решая ее, ты разрешил главную задачу, написанную на моем сердце: ты доказал мне, что на земле есть еще честные люди. А вы, — обратился он к четырем министрам, — жулики!

Те сконфузились и спросили:

— Теперь нам, стало быть, убираться отсюда?

— Нет, оставайтесь! — сказал Артаксеркс. — Вы хоть и жулики, но мне тяжело с вами расстаться. Оставайтесь.

И они, слава богу, остались.

А вот оттуда же - уже явный Чехов.

Достойное возмездие.

Один злой мальчик имел дурную привычку писать на заборах неприличные слова. Он писал и думал, что не будет за это наказан. Но, дети, ни один злой поступок не проходит без наказания. Однажды, идя мимо забора, злой мальчик взял мел и на самом видном месте написал: «Дурак! Дурак! Дурак!» Проходили мимо забора люди и читали. Прошел Умный, прочел и пошел далее. Прошел Дурак, прочел и отдал злого мальчика под суд за диффамацию.

— Отдаю его под суд не потому, что мне обидно это писанье, — сказал Дурак, — а из принципа!

По-моему, весь ["Сборник для детей"](#) - пародия на Льва Толстого. Тогда не так уж и неожиданно.

ЧЕХОВ. МАЛОИЗВЕСТНОЕ.

Дурачка в лодке я почти помню.

[Еще не совсем чеховское, но уже чеховским языком.](#) Лермонтовым повеяло:)

“Комсомольская правда” неожиданно позволила себе опубликовать [нормальный комментарий](#) специалиста, иммунолога Ю.Смолина, по поводу научно-драматического фильма “Плесень”. Обошлись без консультаций экстрасенсов, духовных лиц и астрологов, что даже странно.

Тронул постскриптом: Не надо людей лишней раз пугать, у нас и так жизнь страшная. В научном мире тоже «свято место пусто не бывает»: если рушатся научные школы, место нормальных специалистов занимают эзотерики от науки. И на популистской волне пытаются продвигать очень сомнительные тезисы, выдавая за «супероткрытия».

Смелый поступок редакции после привычных уже статей Светланы Кузиной!

Наверное, испугались плесени в редакционных углах и трагических голосовых модуляций артиста Сергея Безрукова. Вот и польза от фильма.

ЧУДО НАШЕГО ДВОРА

В Институте всегда жили собаки. Любой кот был бы разорван в клочки собачьими бандформированиями.

Но с недавних пор по нижнему участку территории бродит только пара угрюмых старожилков. Остальные попали, очевидно, в лапы санэпидстанции.

И впервые за много лет я встретила в нашем дворе кота. Он осторожно вышел из-за угла и не шарахнулся от меня, а присел поговорить.

Я ему, конечно, постаралась разъяснить обстановку. Он вежливо меня выслушал, согласно мякнул и все-таки решил остаться.

Наверное, этот кот располагает обнадеживающими агентурными сведениями. Может быть, он и сам из разведки: кормлен хорошо и масхалат от Юдашкина.

Ну, мы поговорили, он позволил себя сфотографировать, и я пожелала ему удачи.

***

Небо еще серое, низкое, ветви деревьев голые, но птицы уже парами. Весна, наверное, будет ранней.

Вчера пролетела огромная стая грачей, оставив в нашем саду немногочисленных резидентов. Сороки организовали группы быстрого реагирования, чтобы отстоять свои гнезда. Главное их оружие - жуткие трескучие крики и оперативность. Сегодня из гнезд свисают длинные сорочьи хвосты, слышно бормотание с редкими возгласами. Наверное, вспоминают вчерашний грачиный налет и хвастаются успехами. Мигранты рассредоточились по свободным деревьям, разбились на степенные пары и преподносят друг другу веточки, делая вид, что не больно-то и хотелось чужие гнезда занимать. Начинают собственную стройку.

А ведь всего лишь февраль.

Saturday, February 7th, 2009

...Мой кот как радиоприемник
Зеленым глазом ловит мир.

***

Замечательные "Московские сказки" Александра Кабакова

Спасибо составителю карманной библиотеки:)

Sunday, February 8th, 2009

ПОКОЛЕНИЕ NEXT

Ему еще не хватает техники, но есть явное стремление к сдержанности в художественных приемах и к точности в определении смысла, сути изображенного.

Он внимательно вглядывается в мир, замечает детали, учится кропотливо с ними работать. Люди его пока мало интересуют, его работы - это способ выразить себя.

Периодически на фоне созерцания, размышления возникает эмоциональный взрыв. Цветовой хаос, клубящийся эфир, в котором появляется свет, зарождается новая материя, от которой отделяются неясные образы - элементы эволюции его собственной вселенной. Иногда они несут в себе беспокойство или агрессию, как тревожные сны юности. Может быть, он видит именно такие сны, но не стремится рассказать о них словами.

Он просыпается и возвращается в реальный, не компьютерный мир, в котором ночная тишина, капли дождя на стекле, роса на цветке, множество явлений и подробностей, которые надо заметить, понять и научиться с ними жить полной, непридуманной жизнью.

В 15 лет это нелегко.

Wednesday, February 11th, 2009

Чтобы почувствовать себя человеком, нелишне заглянуть в глаза бездомному животному.

А ведь есть еще и дети, и взрослые, и другие звери.

Взгляд котихи попадает точно в цель.

Tuesday, February 17th, 2009

А мой-то комар, который в микроволновке выжил, оказывается, не самый героический. Если верить прессе, комары и в открытом космосе не погибают.

[«Привезли его на Землю - ожил и лапками шевелит».](#)

Может, от залетевшего комара и вся жизнь на Земле пошла. На лапках занес. Или того хуже: в желудке. Тогда чьей же мы одной крови - ты и я?

ГОЛСУОРСИ. ИРЭН ФОРСАЙТ.

“Сага о Форсайтах”.

Хорошо перечитывать хорошие книги. Каждый раз обращаешь внимание на что-то позабытое или упущенное.

Вот с кого писал Голсуорси Ирэн: с Венеры на картине Тициана “Любовь земная и любовь небесная”.

Глядя на лицо Венеры, я верю, что Ирэн везде привлекала к себе внимание, верю нежности, с которой относился к ней старый Джолион Форсайт; верю, что не могла полюбить Сомса. Но не верю, что она была способна на бурный, вызывающий роман с Боссини. В ней есть покой, но нет страстности.

Голсуорси вовремя погубил несчастного архитектора.

ТЕДДИ - ДОЛГОЖИТЕЛЬ

[Историю появления плюшевого медвежонка](#) я знала, но когда снова прочитала ее, вспомнила, что парочку "медведь с медвежонком" я уже видела на фотографии в семейном альбоме.

Фотография мальчика с мишками сделана в 1910 году, а получил он их в день рождения за год до этого, в марте 1909 года. То есть практически 100 лет назад. В Европе плюшевый медвежонок Тедди появился в продаже, как говорят исследователи его жизни, в 1903 году. Интерес не только в том, как быстро он добрался до российской, вернее, малороссийской глубинки, но и в том, что он живет и по сей день. На теткиной книжной полке.

Медведь изменился так же, как меняются к старости люди. В юности он был пушистым и важным, шкурка, наверное, красиво отсвечивала перламутром. Маленькие глазки, как им и полагается в природе, прятались в густом меху и скрывали короткие мишкины мысли. Он не

любил беспокойства и недовольно рычал, когда ему надавливали на живот. Я сейчас вспомнила, что к его левому уху была прикреплена металлическая пломбочка с выбитыми на ней буквами: "Steiff". Сегодня сквозит в ушке дырочка.

Жизнь шла свои чередом, он переходил в беспечные ручки следующих поколений, перенес сначала выбривание пробора, потом стрижку наголо, потом лапаротомию.

Лапаротомию ему делала уже я, пытаюсь исправить устройство для рычания. В результате сверхрадикальной операции медведь окончательно потерял голос и чуть не потерял жизнь. Пришлось звать на помощь маму, которая сделала несчастному пластику передней брюшной стенки. Заодно починила стоптанные ладони и пяточки. После операции мишку надо было долго выхаживать, и мы с ним почти не расставались.

В результате такой привязанности он совсем облысел, стал быстро стареть и был переведен на полный пансион к тетке на полку. Где бы тетка, наш семейный лорд-хранитель печати, ни жила, одна полка всегда принадлежала медведю и его компаньонам и ровесникам: все еще плюшевому, почему-то никому не интересному, верблюду и мартышке. У мартышки так устроены глаза, что она следит за вами, где бы вы ни стояли. Мартышкин взгляд мешал доверительным беседам, и ее редко приглашали поиграть. Что она думала, неизвестно, потому что в этих рыжих зеньках ничего нельзя было угадать, кроме желания за всеми подглядывать. Но в семье этого не любили.

А медведь ухитрился не потерять интереса к жизни. Конечно, у него болит спина, ему трудно сидеть прямо, подняв голову, как на той, самой первой фотографии, но зато теперь он смотрит вам в лицо и может поддержать беседу на любую тему. Уж чего только он не наслушался за свою 100-летнюю жизнь! На что только не посмотрелся при переездах! А уж какими воспоминаниями он может поделиться с внимательным слушателем!

Кажется, что старый-старый медвежонок Тедди вот-вот вставит словечко в разговор, и я подумываю, не сшить ли ему белый пикежный жилет. Saturday, May 22nd, 2010

ИМ ТОЖЕ ПО 100 ЛЕТ

Верблюд, у которого на ухе видна пломбочка с именем производителя Steiff. Точно такая была у медведя. Буквы без телевика не читаются, но в реале вполне различимы.

Из одного гнезда с мышкой, значит.

И обиженная на всех обезьянка. Ее происхождение неизвестно. Хотя "наши предки, ваши предки на одной качались ветке"...

Thursday, February 26th, 2009

ШИРОКАЯ ПОЗИЦИЯ

Напомнила собеседнику об опасности сидения на двух стульях. После короткой паузы он нашелся: "стульев два, а позиция одна!"

Saturday, February 28th, 2009

Астрономы, кажется, [последние сюрреалисты и романтики](#) в нынешней гиперреальной жизни.

Может быть, их на самом деле комары из космоса занесли?:)

С какой -нибудь из [вставших на цыпочки](#) у нашего окна планет?

Saturday, March 14th, 2009

ГОЛСУОРСИ. СОМС И ИРЭН.

Сомс, сидя перед статуей Сент-Годенса на кладбище Рок Крик в Вашингтоне, по сути, прощается с любовью. Женская фигура надгробия - естественное развитие образа Ирэн. Даже, скорее, скорбное завершение ее характера и судьбы.

Роковой была не любовь Сомса к Ирэн, роковой стала ненависть к Сомсу, которую она пронесла через всю жизнь, как он - любовь к ней. Ирэн, бескомпромисный идеал, прошла прекрасной и бесплотной тенью между живыми, подлинными фигурами Форсайтов.

Теплая "Любовь небесная" застыла вечным холодным мрамором в "позе смирения, которое глубже смерти".

Жаль, что она не смогла полюбить Сомса.

Амен.

Sunday, March 15th, 2009

А ЧТО Я ВСТРЕТИЛА!

Экстрасенсы должны подхватить [этот эффект](#) как знамя, забыв про супругов Кирлиан.

Friday, March 20th, 2009

[Туманность Ориона.](#)

Жаль, что [среди читателей](#) нет В.А. Чудинова или М.Задорнова.

Черты лица явно, явно славянские.

Sunday, March 22nd, 2009

DOLCE FAR NIENTE

Wednesday, March 25th, 2009

Сегодня коллега сообщила мне по пути на работу, что не покупает зеленых импортных яблок, потому что они генмодифицированные: им ввели гены лягушки. Зеленой. Чтобы лучше хранились, не теряя первозданной красоты... Но коллеге неприятно думать об этом, откусывая от зеленого яблока, у которого и запах какой-то не такой. Я предположила, что генетики хотели получить для гурманов зеленую лягушку с привкусом яблок, но ошиблись и получили яблоки с болотным ароматом.

Между прочим, Царевна-лягушка была дочерью Кощея Бессмертного, а по окончании срока проклятия и сама собиралась жить с Иваном-царевичем бесконечно долго. Когда он нашел лягушачью кожу и бросил ее в печь, Василиса Премудрая, которая была еще и прекрасна собой, запечалилась, приуныла и проговорила Ивану-царевичу: "Ах, Иван-царевич, что же ты наделал? Если бы ты еще только три дня подождал, я бы вечно твоей была". Вечно!

Хорошая идея наконец-то вырастить молодильные яблоки.

И хорошо бы, чтобы при созревании они сами сбрасывали хвостики, как головастики, и падали в подставленные рты.

А? Слабо, генетики?

Thursday, March 26th, 2009

Кстати, при телевизионном опросе в Нидерландах многие прохожие отказались попробовать яблоки "с ДНК".

Что касается Царевны-лягушки, то она, обладая генами папиного бессмертия, может жить вечно, а что Иван-царевич? А вот что: "Иван-царевич пошел в Кошечьи палаты белокаменные. Выбежала к нему Василиса Премудрая, поцеловала его в сахарные уста. Иван-царевич с Василисой Премудрой воротились домой и жили долго и счастливо до глубокой старости". Одинаково долго. Ну а что значит для дочери Кощея Бессмертного старость?

Несомненно влияние генотипа Царевны-лягушки на генотип Ивана-царевича, и это подтверждает правоту академика Лысенко.

С биологией зеленой лягушки тоже не все просто. Оказывается, [гибриды зеленых лягушек могут размножаться](#), но довольно своеобразным путем, – используя при этом чужие гены. И живут они довольно долго, если их никто не съест : 5-7 лет.

Т.е. все подводит нас к идее создания зеленых яблок, модифицированных генами зеленой лягушки. А следом - и молодильных.

Wednesday, April 1st, 2009

ПОСТГРИППОЗНОЕ

Гриппозная лихорадка заключает тебя в полупрозрачный кокон, как в яйцо без скорлупы. Внутрь плохо проникают звуки, улавливаются только интонации разговоров и музыка. В замкнутой атмосфере влажного тепла кажется невозможным поменять положение тела, любое движение требует усилий, при которых понимаешь, как много мышц участвует в простом повороте с боку на бок. Приятнее всего лежать в экономной позе эмбриона. С той разницей, что эмбрион не делает попыток удержать в руке наладонную читалку.

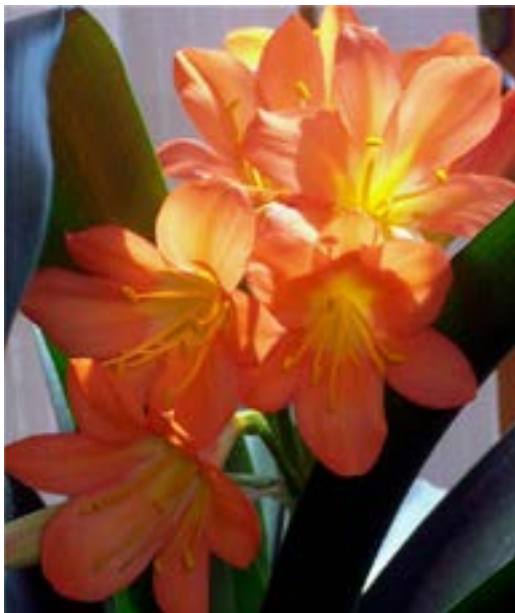
Лучшим чтением в этом состоянии оказалась медленная проза Набокова с его бесконечными, на полстраницы одно, сложно-сочиненными и сложно-подчиненными предложениями. Увязая в многочисленных наречиях и прилагательных, в конце концов напрочь отвлекаешься от сюжета, от которого, кажется, не прочь отвлечься и сам автор. Он как будто обламывает лишние непослушные побеги в пышной кроне повествования. Время от времени набоковские слова, даже не понятые мозгом, а бессознательно зафиксированные усталой сетчаткой, превращаются в цветные картины полусна-полубреда. Набоков несомненно владеет кодом воображения.

В реальной жизни взгляд уже привычно скользит по страницам торопливых книг, ненадолго задерживаясь на ключевых словах, основных положениях и явно знакомых цитатах автоматизированных текстов. Почти нет возможности медленно пить лечебный настой внимательной, неспешной прозы, прописанной тебе настоящим писателем любой эпохи. А напрасно. Принимать ее надо каждый день хотя бы по чайной ложке.

Послушно отдавшись череде естественных событий и надеясь на их эффективность, засыпаешь глубоко и без сновидений. А наутро- никакого кокона, никакой пленки, тени ветвей на освещенных солнцем шторах. Кот озабоченно протягивает лапу к твоему лбу : ты в порядке? Кормить кто будет? Вставай, идем за пакетиком!

В порядке, в порядке. Идем за пакетиком.

Saturday, April 4th, 2009

В Соборном парке зазеленели газоны, бродячие собаки спят без задних ног прямо у края дорожек. В институте пробилась первые кустики первоцветов, а фиалки в этом году совершенно распустились и заполнили собой все свободное пространство. Старые каштаны привыкли рано просыпаться, за одну ночь их ветви покрылись пухлыми почками. Почки спешат наполниться светом и так сияют, что на них больно смотреть. А дома на балконе солнечные лучи пробилась сквозь жалюзи, и под ними вспыхнули никем до того не замеченные лилии. Скромницы.

Saturday, April 18th, 2009

Этапный эпикриз - это периодический анализ течения болезни и результатов проводимого лечения.

Он помогает осмыслить ситуацию, наметить дальнейшую лечебную тактику, уточнить диагноз и прогноз.

I am afraid, [в нашем случае](#) до окончательного диагноза и, соответственно, заключительного эпикриза еще далеко. Прогноз неясный.

НА КРЫШЕ ВЕСНА

И утром свежая трава замечательно пахнет, и ночью домой возвращаться не хочется.

Wednesday, April 29th, 2009

[Толково про новый грипп](#)

Мне казалось, что индукторы интерферона (циклоферон, например) могут быть полезны в профилактике гриппа. Говорит, что не полезны. Жаль.

Руки надо не забывать мыть после разнообразных поручней, магазинных тележек, компьютерных мышек и проч. Это уж точно и важно.

Thursday, April 30th, 2009

О ПАНДЕМИИ И МАСКАХ

И чума может оставить свой след в искусстве.

Friday, May 15th, 2009

МАЙСКИЙ СВЕТ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕЦЕПТ XVIII ВЕКА

Джонатан Свифт "Путешествие Лемюэля Гулливера":

В Академии столицы континента Бальнибаррби Лагодо Гулливер познакомился "с одним весьма остроумным доктором, который, по-видимому, в совершенстве изучил природу и механизм управления государством". У доктора были свои рецепты ускорения делопроизводства в странах, где сенат принимает какое-то участие в законодательстве, чтобы "породить единодушие, сократить прения, открыть несколько ртов, теперь закрытых, и закрыть гораздо большее число теперь открытых, обуздать пыл молодости и смягчить сухость старости, расшевелить тупых и охладить горячих".

Доктор считает необходимым,

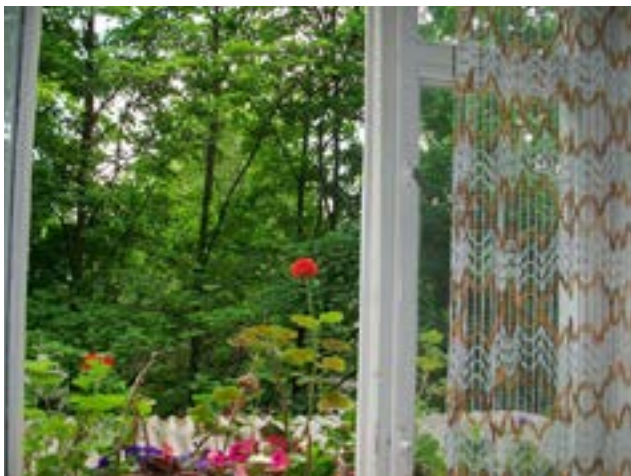
... чтобы каждый сенатор, высказав в большом национальном совете свое мнение и приведя в его пользу доводы, подавал свой голос за прямо противоположное мнение, и ручается, что при соблюдении этого условия исход голосования всегда будет благодетелен для общества.

Если раздоры между партиями становятся ожесточенными, он рекомендует замечательное средство для их примирения. Оно заключается в следующем: вы берете сотню лидеров каждой партии и разбиваете их на пары так, чтобы головы людей, входящих в каждую пару, были приблизительно одной величины; затем пусть два искусных хирурга отпилят одновременно затылки у каждой пары таким образом, чтобы мозг разделился на две равные части. Пусть будет произведен обмен срезанными затылками и каждый из них приставлен к голове политического противника. Операция эта требует, по-видимому, большой тщательности, но профессор уверял нас, что если она сделана искусно, то выздоровление обеспечено.

Он рассуждал следующим образом: две половинки головного мозга, принужденные спорить между собой в пространстве одного черепа, скоро придут к доброму согласию и породят ту умеренность и ту правильность мышления, которые так желательны для голов людей, воображающих, будто они появились на свет только для того, чтобы стоять на страже его и управлять его движениями. Что же касается качественного или количественного различия между мозгами вождей враждующих партий, то, по уверениям доктора, основанным на продолжительном опыте, ж это сущие пустяки...

UPD Призрак Д.Свифта бродит по Европе. Кандидатом в президенты стал и руководитель клиники неврологии и нейрохирургии :)

ЛЕТО КОТА

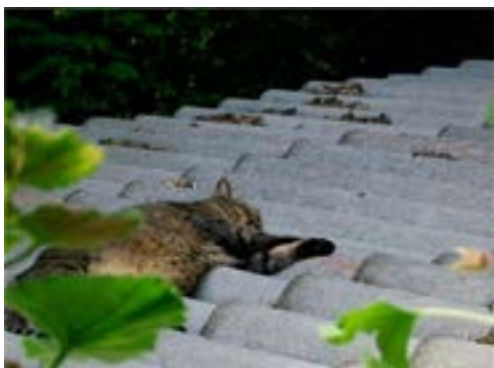
Наконец-то.

Закончилось тоскливое время голых веток, холодного снега на крыше, безнаказанной толпы голубей за стеклом.

Можно подремать на легком сквознячке, потом взглянуть наружу, небрежно отодвинуть занавеску и выйти на свободу.

Открылось настоящее окно в настоящее лето, в тепло, в зелень, в запахи травы, листьев, цветов.

И даже на волнистой крыше хорошо спится.

Вдоль тоже хорошо полежать.

Вот выплыла луна,
И каждый мелкий кустик
на праздник приглашен...

О, священный восторг!
На зеленую, на молодую листву
льется солнечный свет...

Friday, June 5th, 2009

УТРО

*А я - человек простой!
только вьюнок расцветает,
ем свой утренний рис...*

Вьюнок - самосейка утром порадовал своим неожиданным появлением.

У плетня крутится штопором, цепляясь за прутья усами, хитрый вьюнок по имени крученый паныч; его крупные нежные сине-лиловые колокольчики, яркие внутри, бледные снаружи, направляют широко разинутые раструбы во все стороны, приглашая пчел. Цветок паныча живет один день -- утром разворачивается, а к вечеру уже никнет лиловой тряпочкой.

(И. Грекова, "Хозяйка гостиницы")

Завянет. А в памяти останется вот таким. И даже есть в нем что-то от заморских родственниц: голубой и пурпурной ипомеи. Паныч, одним словом.

АЛЕНЬКИЙ ЦВЕТОЧЕК

Аксаковский "Аленький цветочек" - одна из моих любимых сказок. Так же, как и автор, я ее впервые услышала во время какой-то детской болезни. Правда, не от ключницы Пелагеи, а от мамы. А потом и сама нарасказывалась.

И всякий раз возникал вопрос: что ж это за цветочек аленький? И маленький, и одновременно - самый прекрасный на свете. И заморский, и одновременно живущий в мечтах скромной купеческой дочери.

Секрет, похоже, не в пышности, пышных цветов купец-батюшка повидал немало по пути и в саду чудища.

А этот в стороне цвел, не на клумбах - на зеленом пригорочке. Его можно было сорвать, а потом и на место легко вернуть.

И избалованные богатством старшие сестры цветочком не заинтересовались, скорее он у них усмешку вызвал: "Пусть та дочь и выручает отца, для кого он доставал аленький цветочек"

И чем дальше, тем больше мне казалось, что волшебный цветок - это простенький цветочек бальзамина.

Цветет непрерывно, лепестки и незамысловатые, и нежные, и в то же время яркие. Сломается веточка - можно тут же посадить в землю, приживется и благодарно расцветет.

Вполне может быть символом негромкой, жертвенной, непреходящей любви, которую так ценит русская литература.

Попав в Россию, бальзамин даже имя получил домашнее, немного фамильярное - "Ванька мокрый". Приняли, значит, за своего.

И англичане зовут его тоже по-домашнему : "Busy Lizzie" - работающая Лиззи.

Если бы не заморский бальзамин, быть бы волшебному цветку русской сказки лазоревым.

А он аленький!

Saturday, June 6th, 2009

WEEKEND НА КРЫШЕ

Не приставайте, мне по-всякому хорошо!

С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ, ROZTAMARA!

Ага, похнычь из-за тяжелого груза лет и именинных забот!

А я все равно пожелаю тебе впереди как можно больше дружеских застолий, в которых, по большому счету, и есть смысл жизни.

Тем более, что мало в мире столов, собирающих такое количество замечательных людей.

И тем более, что ты можешь позволить себе отдохнуть в своем прудике в компании с золотыми рыбками на манер этого клибановского кота :)

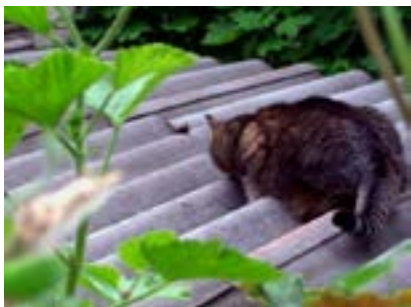
А вечером окончательно снимет усталость всепони-мающая Ксюха.

СВЕТ ПРЕДВЕЧЕРНИЙ

*Долгие дни весны
Идут чередой... Я снова
В давно минувшем живу...*

У кота сегодня тоже день рождения. 11 лет.

Бабочка!!! Вот и вся котовья философия. Стрелки часов пошли на новый круг.

Пожалуй, надо сделать перерыв в моей активности папараццо, в журнале засилие моментальных фотографий. Типа я фотограф.

Внезапно началась гроза. Я раскрыла все окно: "стало душно невмочь". Гром взгремел. Бабочку снесло ветром. Кот сам внесся в дом, распушив хвост. Поискала у японцев что-нибудь про кошачью натуру, но встретила другое. Как раз к ливню.

*Ливень хлынул потоками.
Кого не обрадует свежесть цветов,
Тот — в мешке сухая горошина...!*

Вот.

Friday, June 12th, 2009

КАЖЕТСЯ, ДОЖДЬ СОБИРАЕТСЯ

[Очередной пришелец с Востока.](#)

У нас в доме три барометра: обыкновенный, со стрелками; мохнатый, с хвостом и лапами; и третий - плющ восковой. У первого, понятное дело, стрелка отклоняется от ориентира в нужную сторону; у второго за день-два до похолодания появляется желание укрыться в шкафу; а плющ начинает перед дождем мироточить и заполнять дом запахом, таким густым, что его хочется разбавить. Капли сиропа сладкие, увесистые, они срываются с цветков на листья, сползают по оконному стеклу, падают на подоконник. К окнам слетаются пчелы и даже солидные шмели.

Соцветия набухают сладкой влагой и волшебным светятся в ночи.

Мы с котом заметили это вчера, и не зря - сегодня снова дождь собирается, а лоджия благоухает, как магазин восточных сладостей.

Wednesday, June 17th, 2009

И ЭТИ - ВОСТОЧНЫЕ!

*Без конца моросит.
Лишь мальвы сияют, как будто
Над ними солнечный день...*

А мальвы-то и китайские, и японские цветы. И даже всеобщие, с древних времен известные. А я думала, что украинские.

Вот как что понравится Украине, так тут же своим и посчитает. И пригорнет до сердца и до хатки, и уже не отдаст никому)

Sunday, June 21st, 2009

ЛЕТО. УТРО. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ПЕРВЫЕ ЛУЧИ

Monday, June 22nd, 2009

ПОДРОБНОСТИ

Friday, June 26th, 2009

[Несчастный кумир.](#)

Все же непонятно, почему врачи повелись в свое время на его желание так кардинально изменить внешность, даже не просто внешность - суть.

Из медицинского азарта? Вдруг получится?

Sunday, June 28th, 2009

УГОЛКИ ТЕТКИНОЙ ДУШИ

Солнце заглянуло в комнату, и отражение в старом зеркале неожиданно прозвучало символом. Как будто видимо обозначилась связь прошлого с сегодняшним днем.

Солнце еще низкое, сонное, крыша не просохла после ночного дождя. Утро, половина седьмого.

Тишина. Изредко вскрикнет на лету озабоченная сорока, она уже вся в делах. А у кота какие дела?

Разбудил в шесть часов, у него часы в желудке, наверное. Сводил в лоджию за пакетиком: желе из креветок с лососем, господи прости.

Позавтракал, облизнулся, подумал и уверенно прошел точным маршрутом на крышу: стул, факс, край стола между мной и компьютером. Покосился по пути на экран: куда это курсор побежал?

Кнопки факса, как всегда, побрюзжали вослед, возвращаясь в нормальное положение. Бдительно осмотрелся с подоконника, ничего опасного не заметил, мягко спрыгнул

вниз, пробрался среди цветов на место поуютнее.

Дневная жара впереди. Бабочки еще спят. Охотиться не на кого. Работы нет. Воскресенье.

Сидит. Созерцает.

А я не выдержала, взяла фотоаппарат. Захотелось остановить еще одно мгновение.

Кот.

Покой в моей душе.

ВСПОМНИМ?

Не хочу писать о политике, которая топчется уже у самого порога; о революционных изменениях на работе, о заботах, подступающих к сердцу и горлу.

И о цветах больше не хочу, они грозят несъедобными ягодками.

Хочу вспомнить Киса.

Внук сиамской кошки и черного кота породы "голубой шартрез". Сын черной, гибкой, как пантера, мамы Зиты и подвального полосатого разбойника. Разбойник соблазнил домашнюю красавицу, как красный командир воспитанницу Смольного института. От этой противостественной связи родились двойняшки: живой полосатый и бездыханный черный.

Черного не выкинули, оживили искусственным дыханием.

Зита вложила всю свою нежность в полосатого крепыша, наверное, в память о разбойнике, а слабенький черный отсиживался в уголке, стесняясь материнской нелюбви.

И тут явились мы. Порадовались любимцу, уже кому-то обещанному, и вежливо взяли в руки маленький комочек черного войлочка.

И не смогли с ним расстаться на долгих 23 года. Подробности, если кто захочет, есть в этом журнале.

Да и сейчас он с нами "фотографией на белой стене". Что гораздо лучше фотографий всех политических деятелей всех времен, вместе взятых.

Честно.

Thursday, July 23rd, 2009

ТРУБАЧ

По-разному воспринимается щербаковский "Трубач" в исполнении автора и [мальчишки, для которого понятия, вложенные в слова песни, еще буквальны](#).

Сам Щербаков поет Трубача легко, даже иронично.

Потому что следовать заветам трубача трудно, хотя они прекрасны. И автор это уже знает.

Tuesday, July 28th, 2009

Завтра по случаю выборов объявлен выходной день. Наверное, чтобы избиратели не успели отвлечься на шашлыки.

Наши политические ссоры утомили и Европу.

Прислушаются ли к европейским призывам конфронтанты ?

Жаркое лето.

Wednesday, July 29th, 2009

ВЫБОРЫ

29.07.09 На 15.00 выборы признаны состоявшимися. Проголосовало 33,6% от общего числа избирателей.

С утра обычно массово голосуют люди пожилые, т.е. консервативные.

Следовательно, это прежде всего они обеспечили прохождение избирательного порога - низкого, в 33%, поскольку выборы повторные, вернее, досрочные.

А вот теперь интересно, как активно и в чью пользу будут голосовать во вторую половину дня.

Именно поздние голоса могут определить расстановку сил в парламенте. "Я так думаю" (с)

UPD 20. 00 Выборы заканчиваются. Результаты, наверное, будут близки апрельским. Во всяком случае, если верить незаконно появившимся в СМИ предварительным результатам экзитпола. То ли на самом деле кто-то слил данные, то ли придумали.

Типа хитрых бюллетеней, у которых посталенная печать исчезнет сама по себе, а проявится фальшивая. Было сказано и такое.

Поятное дело, начнутся какие-то разборки. Но европейские наблюдатели настроены мирно.

Однако, я бы несколько не удивилась неожиданностям.

Чкрез полчаса уже будут официальные результаты экзитпола и реакция на них всех участников.

Посмотрим. Прошлый раз насмотрелись.

UPD 30.07.09 Вечером в прямом эфире была беседа лидеров партий, прошедших в парламент. Поскольку никто не получил абсолютного большинства, им придется как-то договариваться или перегруппировываться. Результаты отличались от предыдущих главным образом переходом части голосов от правящей партии к обновленной демократической, но и это устроило оппозицию. По крайней мере, по первому впечатлению.

Я, собственно, о другом. В этот раз было хорошо заметно, что четверо из пяти участников очень хорошо знают друг друга. По сути, они вышли из одних и тех же кабинетов и наверняка много раз сидели за одним столом. И видят друг друга насквозь. Вчера они говорили часа два, но разговаривали не столько словами, сколько позой, жестами, мимикой, взглядами, улыбками или усмешками. Кто с облегчением развалился в кресле, кто сидел прямо, кто наклонился вперед, соединив пальцы рук, кто на радостях расшутился и даже расшалился. Психолог многое бы прочитал по этим деталям. Но я не психолог.

Как странно разводит политика людей.

А пока что по замечательной находке levkoное я продолжаю погружаться в мир молдавской художницы [Елены Борисовны Ревуцкой](#).

Нашла у нее картину - точную иллюстрацию придуманной когда-то мной истории про прекрасную белую лошадь с шелковой гривой, стройными ногами и добрыми глазами, которая пасется на зеленом лугу и ждет маленького мальчика, чтобы покатавать его тихим вечером на теплой спине.

Спустя несколько дней слышу, как дитя произносит нареспев : "Жила-была лошадь. У нее были руки и ноги. Она была очень красивая".

Это было уже давно, а лошадь не забылась. И вот сказка материализовалась. Бывает.

Спасибо Левконое и Е.Б.Ревуцкой.

Saturday, August 1st, 2009

Впечатления последних дней навели на книгу Пола Экмана "[Психология лжи](#)". У каждого есть свои приметы вранья - хотя бы детского. А тут профессионал все растолковывает. Проверим.

Wednesday, August 5th, 2009

НАСЕКОМЫЕ

[Чего-то я их раньше не видела.](#)

А они добрались и до телевидения.

UPD Забыла сказать: ласковые сюжеты.

Monday, August 10th, 2009

Не понимаю. [Ну не чума же?](#)

Wednesday, August 12th, 2009

БРИТАНСКИЕ ЖУРНАЛИСТЫ....

Своеобразие британской аналитической мысли [коснулось и журналистики](#).

КОТ И ТЕТКА

Кот требует новый пакетик с едой, ходит кругами вокруг тетки.

Она удивилась: что, ты такой голодный? Тимофей взволновался, преданно заглянул ей в глаза и клятвенно произнес: уммррру! Уммррру!

Только лапу к сердцу не прижал. Тетка растаяла, и они отправились за пакетиком.

Просто веревки из нее вьет.

Sunday, August 16th, 2009

ПЕРЕЧИТАЛКА

Готовясь в дорогу, заполняю читалку. Закачала среди прочего и Карабчиевского, ["Воскресение Маяковского"](#).

Пробежала глазами текст и застряла на нем, как застреваешь на случайно открытой книге при уборке книжных полок. Первая публикация этого исследования была, если не ошибаюсь, в журнале Искусство кино, и наделала много шума.

В школьные времена отец только пожимал плечами, глядя на меня: как можно одновременно любить Лермонтова и вчитываться в Маяковского? Он был на одном из последних выступлений В.В. Поэт вел себя со слушателями, как Киркоров с журналисткой в розовой кофточке, хотя аудитория была московская и вовсе не буржуазная, молодежная. Запомнил несколько каламбуров-экспромтов, до которых сам был охоч. Отец любил игру слов, но поэзии Маяковского не принимал.

В отцовском рассказе Маяковский выглядел, как слон в провинциальном зоопарке. С точки зрения и натуралистов, и посетителей.

Чуть позже, лет в 17-18, я прочитала неделикатно опубликованные письма Маяковского к Брик. Они поразили меня обнаженной слабостью бронзового человека. По своей привычке расковыривать бронзу, я стала вчитываться в воспоминания о Маяковском, и ко времени выхода Карабчиевского была готова разделить его точку зрения. И сейчас разделяю.

Но я даже не об этом. А о том, что хрестоматийные вещи, с которых начинается знакомство с литературой, надо обязательно перечитывать в зрелом возрасте и в старости. И любимые, и нелюбимые.

Если, конечно, не мешает заключительному неспешному чтению у камелька нежданный визит этого...моего любимого немца...как же его фамилия?

- Альцгеймер, бабушка, Альцгеймер...

ПОТЕРЯ

[Стихи Старушки Х](#) я узнала довольно давно. Конечно, с подачи levkonoie

Читала на разных страницах и в частных письмах Левконои, которая не может не поделиться радостью встречи с талантом.

Так и читала эти стихи - по настроению, по чувству часто совпадающие с моим отношением к жизни.

Детские стихи, по которым, бывает, лучше всего угадывается личность автора, у Старушки Х замечательные.

Я не решалась их комментировать, мне достаточно было знать. Строки часто выплывали в моей памяти по случаю. Случаев оказывалось довольно много.

Детские, казалось бы, для детей, а взрослые - для родителей, а получалось все для всех. И от ироничных стихов почему-то навораживались слезы.

И вдруг во френдленте вижу жуткую новость и трогательную картинку в ЖЖ Ихневмона.

Стихи не новость для тех, кого я знаю в Интернете, но я повторяю некоторые - для себя.

И провидчески-пронзительное название [последнего поста в ее ЖЖ](#) теперь тоже не забыть.

Под кат не беру.

***

Надо было в понедельник
Будку сделать для собаки,
Надо было в понедельник
Прекратить с Андрюхой драки,
Надо было в понедельник
Застелить свою кровать.
Надо было в понедельник!
Надо было в понедельник.
Надо было в понедельник...
А теперь уже плевать!

***

ночью в ключицу
мурлычет кошка
книжке обложка
подружка моя
неотложка
в белой-белой груди
у неё красный крест
если как надо поест

***

Коснётся снег лица слегка
Холодной лапкою,
И вот влажна твоя щека,

Влажна, заплакана.
Утешься - нам даны слова,
Так много значащие:
"Блаженны плачущие, да!
Блаженны плачущие..."
Блаженны плачущие.
Вот!
Они утешатся.
А тот, кто к нам с ножом придёт,
Пускай зарежется.

***

Лицом к лицу себя не увидеть. Куплю себе на вечер книжку "Тесты" и не спеша заполню честь по чести, чтобы свою загадку разгадать.

Из первого понятно станет мне, что я покладиста, хотя весьма капризна, и денежки люблю, хоть бескорыстна, немного замкнута, общительна вполне.

Картинку дополняет тест второй: влеку мужчин, сама того не зная. По типу я красотка роковая, мой идеал - застенчивый герой.

Тест третий. Надо ж! Проверяйте сами. Все отвечала честно, я не вру. Выходит, я мужчина и с усами. Живу в Париже (вариант - в Перу).

Последний тест - ну, это просто блеск! Доверчива, но в меру осторожна, не знаю в жизни слова "невозможно" и обожаю быстрый жесткий секс.

Всё, хватит! Беззащитное нутро не стоит выворачивать наружу. Без задних мыслей обращаюсь к мужу с невинной просьбой вынести ведро.

Вот тут и узнаю...

СЕРЕБРИСТОЕ НА СЕРОМ

Кот уютно свернулся на пледе, изящно вписываясь в геометрию узора. Я соблазнилась сиянием чистого белого подбородочка и подкралась с фотоаппаратом.

Тимофей попытался не проснуться, даже лапой загородился. Не вышло. Ну, раз проснулся - надо снова умыться. Бдит, однако: вдруг и этому помешаю?

Sunday, August 23rd, 2009

БЕССОННИЦА

ГЛУБИНКА

Тишина позднего лета.

Вечером печку топили, часть крыши успела просохнуть после ливня.

В будни и зимой в деревне живут три семьи. И не слишком стараются поддерживать контакты: мужчины, собираясь вместе, пьют, а женщины не слишком любят друг друга и пьющих мужей.

Когда своих, когда соседских.

Улица практически пустынна и утром, и днем, и вечером. Небольшими группами проходят по пасти с совхозные ко-

ровы, забывая где-то позади несуетливого пастуха, да оставляют следы на влажном песке дороги машины, на которых гастарбайтеры восточного образа мыслей везут скошенное сено - запас на зиму для этих же коров. Косилки тарахтят на узкой полосе между огородами и лесом. Оживает пейзаж кот Барсик. Котов в деревне вообще-то два: Барсик и Чуча. Но робкий Чуча, пушистый, нежно-палевый, прячется в кустах и клумбах, лица не кажет и обозначает свое присутствие то тут, то там только кончиком роскошного хвоста. Барсик живет во дворе напротив и с удовольствием переходит дорогу, навещая Чучу каждый день. Является, очевидно, на файф-о-клок, потому что мне он встречался именно в это время, когда солнце начинало склоняться к западу, а в кустах у забора сгущались тени. Рыжий цвет его шкурки даже не рыжий, а розоватый, а все остальное светится снежной белизной. Наверное, они с палевым Чучей родственники. Барсик, сохраняя достоинство, подходит близко, ни на какие подачки не рассчитывая, просто проверить, что за новый человек появился в округе. Возможно, он в деревне выполняет роль шерифа. Поскольку на единственную собаку надежды никакой: у старого пса двусторонняя катаракта и незлобивый характер. А ведь кто-то должен следить за порядком.

Грибники и собиратели ягод, собираясь в лес, одеваются экзотически: старые кепки, панамы, картузы, древние куртки с длинными рукавами, резиновые высокие сапоги.

Одежда рассчитана на защиту от клещей, а без сапог не пройти по болоту.

Видок тот еще, но показывать не стану, чтобы не нарушать прайвеси и заодно побережь душевное здоровье читателей.

Искатели перекрикиваются и даже могут подать сигнал специальной резиновой грушей, издающей паническое кряканье.

Но в окружающей полной тишине это излишне: голоса слышны чуть ли не за километр.

Грибы в тех местах разделяют на красные и белые.

Красными гордятся, а с особо удачными экземплярами белых фотографируются, как охотники на слонов или львов.

И чистить их начинают в последнюю очередь, чтобы подольше полюбоваться. И украшают красными веточками черники. И, кажется, даже тайно целуют в крепкие коричневые шляпки:)

Поскольку в деревне безлюдье, на деревьях все переспевает, осыпается. Яблочки-дички покрывают землю; ягоды красной смородины сами падают в руку, только прикоснешься к кусту; черноплодную рябину и калину оставляют на ветках; созревшим боярышником не соблазнить и хронического сердечника.

Разве что культурные сорта яблок не теряют надежды быть собранными вовремя.

Все внимание жителей и воскресных дачников сейчас занимают грибы и черника с брусникой, позже пойдет клюква.

Цветочные клумбы к сентябрю превращаются в непроходимые заросли, и только золотые шары стремятся сохранить осанку, стоят на страже у калиток и ворот.

Ждет кого-то деревня, и кажется, не зря: построен первый каменный коттеджик, увитый краснеющим диким виноградом. Его хозяин самостоятельно возводит малюсенькую часовню у ворот старого кладбища. Появился телефон-автомат, старые дома укрепляют новые дачники, во дворах светлеют свежестроенные баньки.

Ждет кого-то деревня, и кажется, не зря: построен первый каменный коттеджик, увитый краснеющим диким виноградом. Его хозяин самостоятельно возводит малюсенькую часовню у ворот старого кладбища. Появился телефон-автомат, старые дома укрепляют новые дачники, во дворах светлеют свежестроенные баньки.

Может быть, и дождется.

Простились мы с деревней. Возвращаясь в город по знаменитой радищевской дороге, проехали под аркой двойной радуги.

Сильный дождь не позволил опустить стекло, но мы успели снять ее через окно.

Радуга смягчила грусть расставания и нам тоже подарила надежду.

Может быть, еще встретимся. И нас поприветствует рыжий деревенский шериф Барсик.

Thursday, September 10th, 2009

“ОХ, УЖ ЭТИ СКАЗОЧНИКИ!”

На берегу Волхова так и не восстановлены -за двадцать только мне известных лет - разрушенные во время войны Селищские казармы, где в составе Гродненского лейб-гвардии полка короткое время служил Лермонтов. Улица так же пустынна, как и в прошлый мой приезд, только стоит у дороги на Малую Вишеру небольшой магазинчик с водой, печеньем и мороженым, да торгует из багажника незатейливым товаром очень мелкий предприниматель.

Развалины и деревьями изнутри проросли, но все равно производят сильное впечатление. На торце прикреплены три мемориальные доски, уж который год “их моют дожди, осыпает их пыль”. Доски трескаются, слова стираются и, думаю, в следующий раз их не прочтешь. На двух боковых

досках имена основателя Новгородского музея священника Н.Г.Богословского и к моему удивлению - балетного продюсера С.Дягилева. Пришлось зайти в Яндекс. И в этом поиске я набрела на интересный журнал bogumil с описанием как раз этих развалин.

Ну и про С. Дягилева пришлось уточнить, почему на стене лейб- гусарских казарм все еще держится доска с его именем. Он родился в Селищах в семье генерал-майора П.Дягилева, а больше никак с этим местом не связан.

Не знаешь, чему больше удивляться: тому, что лермонтовское имя с доски стирается, или тому, что вкривь-вкось написано имя исследователя истории края, или тому, что в наше ультрапатриотическое время не нашлось желающих потратить деньги и с толком использовать прекрасное место и славные имена.

Ох, уж эти патриоты!

ВСЮДУ ЖИЗНЬ

Связь времен: внутренний дворик музея шоколада на Невском.

Д. БОКАЧЧО ДЕКАМЕРОН.

В СПб открыли передо мной коллекционный том Декамерона, изданного московским "Словом". С авторскими иллюстрациями.

Д. Боккаччо был первым европейским автором, который собственноручно иллюстрировал свою книгу. А кто вообще первый, я не знаю. Наверное, китаец.

Вообще-то художников, писавших картины на сюжеты Декамерона, тьма, вплоть до Х.Бидструпа. Но непрофессиональные рисунки самого Боккаччо, как мне кажется, гораздо больше соответствуют выражению его лица и выбранному стилю, чем знаменитые картины.

6 веков назад рисовал.

Бистр - это краска из древесной сажи, смешанной с растворимым в воде растительным клеем; использовалась в XV — XVIII вв. при рисовании пером и кистью. Так говорит Гугль.

ОКТАБРЬ. ИМПРЕССИЯ

Хочется смотреть на все вокруг сквозь ресницы, чтобы ушли детали, остались только краски, свет и тени.

Осень.

Все. Скворцы улетают.

Вчера ветви облетевшего высокого дерева во дворе вдруг снова покрылись листвой. Только новые листья волновались и возбужденно кричали, как толпа на площади во время революции.

Это скворцы заполнили всю крону. У меня не было с собой фотоаппарата, нашла снимки в ЖЖ.

Постепенно от дерева стали отлетать птичьи группы, которые молча рассаживались на проводах.

Через некоторое время крона опустела, зато все провода были заняты. Я сбилась со счета после третьей сотни.

Вдруг скворцы одновременно снялись с проводов и улетели, заложив вираж над садом. Стало пусто и тихо.

Что они кричали друг другу? Выбирали штурманов? Проводили переключку, формировали отряды?

Жаль, что улетают. Все, наступает настоящая осень.

Жили бы все южные птицы на юге, все северные на севере, и никто бы не тосковал, глядя вслед перелетным стаям и клиньям, чувствуя, как шевелятся где-то под кожей рудименты маховых перьев.

Значит, и нам был когда-то нужен берег турецкий и Африка нам была нужна.

Люди летают в Анталию. Но только самолетами. И путают сезоны, как давно уже привычно путают все на свете.

Утратили мы крылья, вот почему жизнь такая запутанная и приземленная.

Sunday, October 25th, 2009

ОКТЯБРЬ. ЛАКИ-КРАСКИ

Скворцы улетели. Слышны голоса воробьев, синичек, мелкими группами прилетают-улетают сойки.

Моросит.

Но даже в пасмурную погоду комнату заполняет свет заоконных кленов.

Шуршат листья, в падении задевая друг друга. На ветку опустилась сойка, повертелась на ней - ветка оголилась, скинула все листья сразу.

Сойка испугалась шума, унеслась бело-голубым промельком.

Еще день-другой, и золото превратится в прах.

Кот лежит на пледе, по очереди вылизывает коготки на лапе, считает: ноябрь, декабрь, январь, февраль...ммммя... где там пятый?...март... А еще апрель...пальцев не хватает до тепла.

Выглянул проверить: может быть, на крыше уже май? Нет, октябрь.

Коту грустно. Глаза бы не глядели на эту красоту.

ОКТАБРЬ. ПОСЛЕДНИЙ ЛИСТ.

После грустного поста roztamara, внезапного ночного ливня и ветра захотелось выложить вчерашний кадр.

Это все, что осталось от роскошной яркости дикого винограда на одной знакомой стене.

Конечно же, он напомнил рассказ О.Генри.

“Посмотри в окно, дорогая, на последний лист плюща. Тебя не удивляло, что он не дрожит и не шевелится от ветра? Да, милая, это и есть шедевр Бермана - он написал его в ту ночь, когда слетел последний лист.”

Это к тому, что о нас кто-то думает даже в бурную осеннюю ночь. Несмотря на глобальное потепление, токсины, авитаминоз и вылезание шерсти на наших спинах.

НОЯБРЬ.БЕРЕЗА

У подножья березы растет скуппия. Хорошее растение.

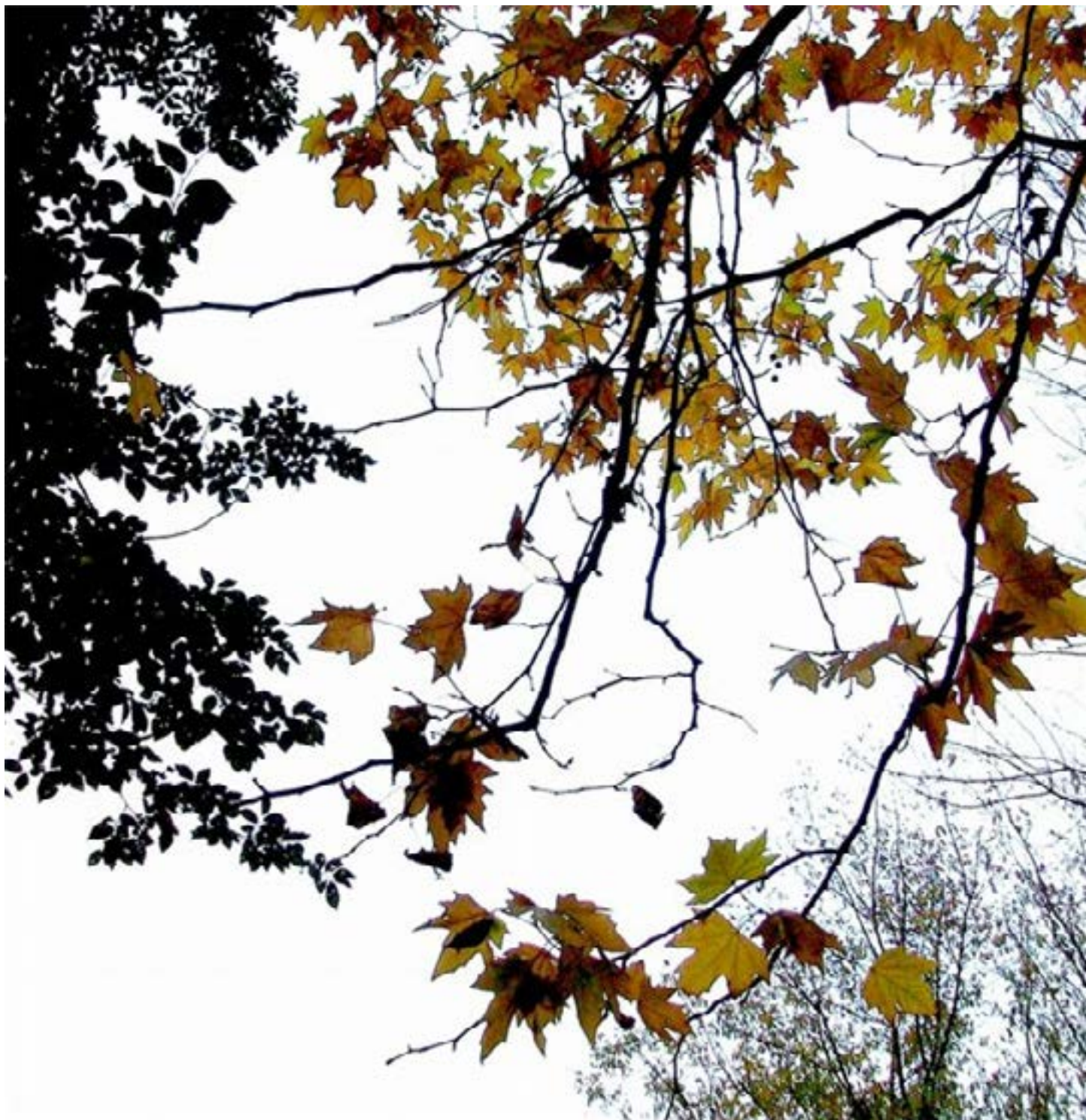
Весной и летом кусты покрыты прозрачно-пушистыми сизыми метелками, запах сорванных листьев сильный, терпкий. Хочется сказать, здоровый.

Осенью скуппия до морозов светится яркой листвой, далеко видна. Я часто по пути подхожу к ней сорвать листок и вдохнуть запах.

Тем, кто спрашивает меня, как пройти в лабораторию, я отвечаю: “ прямо до вон того красного куста, а от него налево”.

“Ступай на огонь, моя радость, дойдешь без труда”:)

НОЯБРЬ. КИТАЙСКИЕ МОТИВЫ

НОЯБРЬ. ТУМАН.

Наступило время туманов. Утром серо, сыро. Грачам не хочется просыпаться. Сидят довольно большой группой на голых ветках, втянув головы в плечи, тихо переговариваются, некоторые разводят крылья - разминаются после сна. Наверное, это очередные мигранты, потому что их

довольно много на разных деревьях. Решили по дороге остановиться на ночь в нашем саду, над которым проходит перелетная трасса. Но вот кто-то из-них грубым сержантским голосом обозначил побудку. Каркнул, прям рявкнул, даже у меня рука дрогнула.

Грачиный народ засуетился, зашумел. Это прочищали горло серьезные люди, не мелочь вроде опереточно-звонких скворцов.

Крупные, хорошо откормившиеся за лето грачи тяжело взлетали и летели к соседям поговорить, что-то еще решали перед отлетом. Фотоаппарат их раздражал: только прицельюсь - кто-то тут же каркнет, и все снимаются с веток, удаляются, недовольно бормоча на лету. Хотя на ружье коробочка моего аппарата никак не похожа.

Заметны среди грачей степенные пары. Это не те, весенние, возбужденные долгой дорогой и семейными перспективами.

Теперьшние сидят спокойно, меньше других суетятся, и их можно успеть заснять. Выкормили и подняли на крыло молодежь, которая волнуется перед стартом, а родителям можно посидеть перед дальней дорогой.

Они-то сидят, а мне надо идти работать.

Прошла сквозь туман по аллейке. Листва кое-где еще есть, даже не все кусты пожелтели.

А днем, как часто бывает после туманного утра, выглянуло солнце, пробежало по цепким остаткам кленовых листьев, поиграло красным и желтым и куда-то убежало.

Вроде как не забываете, я никуда не исчезло.

Утренние грачи почти все улетели. Я толком и не знаю, у нас остаются оседлые какие или те, что откочевывают недалеко. Морозоустойчивые.

Уточню в томике Ю.В.Аверина, осталась у меня память о нем. Часто туда заглядываю.

По саду расхаживают солидные серые вороны. Пролетел, небрежно постучав по стволу-другому, большой зеленый дятел с красной макушкой.

Ну и сороки, конечно, крутятся. Они со всеми ладят. И с грачами, и с воронами.

Одни не останемся.

Sunday, November 8th, 2009

НОЯБРЬ. ВЕЧЕРЕЕТ, ХОЛОДАЕТ....

Облетели наши клены за пару ночных заморозков. Не могу сказать, что меня это удручает. Когда поднимается, истаивая, утренний туман, возникает почти ничем не заслоненное небо. Четкие линии, яркие краски. На мой взгляд, даже слишком яркие. Поздней осени следует быть скромнее. Темнеет рано, но перед сгущением темноты есть несколько минут ясных, прозрачных сумерек. В эти минуты хорошо открыть окно, вдохнуть уже совсем свежий, предзимний вечерний воздух. И потрепать по теплой шкурке поднырнувшего под руку кота. Все идет своим чередом, не горюй.

Tuesday, November 17th, 2009

АНГЕЛЫ ПЕРЕЛЕТНЫЕ

Friday, November 20th, 2009

НОЯБРЬ. ЗАКАТ.

За окном загорелся и стал быстро гаснуть закат. Так быстро, что у нас с котом задрожали руки и забегали лапки: где, где фотоаппарат?

Да его еще в сумке найти, да из футляра вынуть, да нажать кнопочку, чтобы объектив выполз наружу, да открыть окно, да прицелиться! И да не путайся ты под ногами, да не толкай под руку!

И тетке: да ничего не случилось, мы закат пропускаем!

Успели.

Успели заснять до того, как освобождаемое горячим закатом холодеющее пространство накрыла тьма. В сознании всплыло что-то давно забытое с несовременным словом "капот".

Тютчев? Фет? Фет! Конечно же, с подсказки БНБ.

Расслабились и немножко посидели тихо на подоконнике, а потом прикрыли окно. Осень, прохладно.

Какая холодная осень!

Надень свою шаль и капот;
Смотри: из-за дремлющих сосен
Как будто пожар восстает.

Сияние северной ночи
Я помню всегда близ тебя,
И светят фосфорные очи,
Да только не греют меня.

Фосфорное око глянуло на меня, прищурилось и кануло в сумрак комнаты.

В кухне кто-то зажег свет.

Saturday, November 21st, 2009

НОЯБРЬ. ТЕАТР ТЕНЕЙ.

Кот терпеливо ждет. Еще немного, кто-нибудь придет и отодвинет жалюзи, тогда птицы будут не только слышны, но и видны - сойки и голуби по утрам часто отдыхают с этой стороны дома, кормятся где-то поблизости. Если повезет, можно будет заметить, как пробегает рыжая белка по точному многолетнему беличьему маршруту. Среди наших семейных фотографий хранится и силуэт ее прапрапрабабушки на ветвях во-о-н того дерева за окном. Года два назад я даже спасла от кошки упавшего вниз бельчонка. Не позволила прерваться беличьей династии.

Коту до династий дела нет, подавай зрелищ. Свой пакетик он уже получил.

Занял ложу и замер в ожидании.

А я тяну время.

Мне увертюра интереснее спектакля. Но кота надо уважить.

Сейчас отложу фотоаппарат, раздвину занавес, - тени уйдут и начнется день.

Sunday, November 22nd, 2009

НОЯБРЬ. ТАНЕЦ ПЛАТАНОВ.

Ноябрь, конечно.

Но день сегодня такой...нарядный, светлый.

Обнаженные платаны как будто подняли гладкие руки и кружатся в танце, а соседние деревья взмахнули подолами ярких цыганских юбок.

Не так уж холодно, не так уж серо, не так уж и плохо.

НОЯБРЬ-ТО НОЯБРЬ....

...а грачи снова прилетели. Сад наш ожил. Летали, болтали, осматривали опустевшие гнезда. Ведет себя эта стая, как дома.

Днем метров 30 шла следом за крупным грачом. Он брел по дороге и сам с собой разговаривал. Я вслушалась: кр-кр - кааааа. Помолчал, снова кр-кр - каааа.... Солидно так, рассудительно: кр-кр - каааа...

Обдумывал что-то.

Услышал мои шаги, подпрыгнул, развернулся, расправил крылья и улетел, крикнув мне совсем другое: КРРАААА!!!! КРРАААА!!!

Помешала.

Небо постепенно теряло синеву, начало смеркаться. Грачи рассаживались на верхушках деревьев под аккуратным ломтиком луны, как под абажуром.

Стояла бы и смотрела, но ведь и мне домой пора. И отчет дописывать. И доклад просматривать-переделывать...и что-то еще надо сделать...

Кр-кр-каааа....

ШОК

Пережили мы с котом. Похоже, он хотел обойти полуоткрытую створку окна, сорвался с подоконника и ушибся об угол стола. В комнате никого в этот момент не было.

Пришел, почти приполз ко мне, явно волоча задние ноги. И повалился на бок. Попытался встать - снова упал. Было полное впечатление, что у него развивается паралич.

А потом стал кричать.

Видала я всякое, но тут, знаете, похолодела. Боялась, что тетка услышит, сама поначалу разбилась. Только руки тряслись.

Если без медицинских подробностей, разговоров с ветеринаром, сердечных капель для всех, то все хорошо: ни паралича, ни вывиха, ни перелома не оказалось. И внутри все нормально. Ногу одну ушиб, на трех ходить было непривычно и больно, поэтому он и шатался и падал. Возились всего около часа.

Утром ритуально шлепнулся на бок, потянулся всеми четырьмя лапами и подставил организм для поглаживания и раболепного - в этом случае многократно усиленного - причитания: взятка перед получением пакетика. И вечером всех встречал у двери. И гладить можно, как хочешь.

Ест пока меньше, не пристает и не изображает перед каждым вновь приходящим голодающего. Охотнее, чем всегда, садится рядом и приваливается бочком.

А мы с трудом приходим в себя, хотя люди тренированные.

ПОСТФАКТУМ

Ну что, кот здоров, строит весь дом, следит за передвижениями в сторону пакетиков, слушает разговоры, предсказывает погоду и получает удовольствие от жизни.

Здоров - значит, ничего не болит, он снова ворует чертежные кнопки и гоняет их по полу.

Строит весь дом - утром поднимает и грамотно ведет подопечных в сторону кухни, как собакообращенный поросенок Бэйб. Даже покусывает за ноги при отклонении от маршрута и на несанкционированных остановках.

Слушает разговоры - во время общего собрания садится посередине, внимательно слушает, всматривается в лица, вертя задранной репкой, следит за мимикой и высотой тона.

И когда считает, что все важное сказано, подходит к тетке и начинает дергать ее за подол - типа не пора ли подкрепиться.

Верно оценив ситуацию, безнадежно вздыхает, вспрыгивает в кресло, умашивается, потеснив сидящего, складывает руки муфточкой и олицетворяет собой терпение.

Предсказывает погоду - показывает пальцем на любимый шкаф и требует посадить, чтобы укрыться от надвигающихся холодов.

Получает удовольствие - наслаждается упоительным запахом кофе и шоколадных батончиков, зеленых травинок и свежего воздуха.

Все вернулось.

И жизнь вернулась на круги своя.

И жизнь вернулась на круги своя.

УТРО. ОЧЕНЬ ТУМАННОЕ.

Не разобрать в тумане, где восток, где запад. Жизнь вокруг монотонна, словно простым карандашом нарисована, даже грачи на березе. Бредешь, спускаясь с пригорка в серую мглу, как ежик, и ждешь неожиданностей. Плакучая ива в трех метрах кажется чудовищем. Корпусов вообще не видно.

Встречная машина заставила остановиться, превратив окружающий объем в слепящий шар.

Возникла голова главной дворовой собаки, деловито обнюхала сумку, разочарованно отодвинулась и соединилась с туловищем уже где-то за границей тумана.

Все двоится, как через не свои очки смотришь. Близкие ветки тоже нечетки.

Тепло так окончательно и не ушло, на деревьях мелкие, но оживленные почки. Балует кто-то с этой погодой. что хочет, то и делает.

ДРЁМА

Вечером на диване я с читалкой, кот рядом.

Читаю детектив Сидни Шелдон. Повествование подробное, с ответвлениями, отвлечениями, с открытым сюжетом, очень небольшой долей неожиданности, монотонным текстом, в читалке даже без абзацев. Экран светит прямо в глаза, глаза устают, меня клонит в сон, и мне кажется, что я не читаю, а смотрю фильм. И вот этот кадр знаком, и этот.. Я ведь ее раньше не читала, откуда же лестница, красивая женщина, нервный летчик...аааа... точно, был такой фильм. Бедность, богатство, зависть, обман, зависимость, любовь-ненависть, стратегия мести. Разумеется, крах.

Читалка выскальзывает из пальцев и опускается прямо у кошачьей морды. Кот приоткрывает глаза, но свет экрана слепит, и он снова смыкает мохнатенькие веки с грамотным макияжем. Вдыхает, а позы не меняет, не хочет расставаться со сном.

Кот передо мной как будто написан акварелью, контуры все больше размываются, сливаются, только подбородочек светится, как экран читалки.

Мне этот сюжет нравится больше всего, даже если я знаю, чем очень скоро дело закончится: походом за пакетиком. Вроде и не дремали.

UPD Виновата, Сидни Шелдон - мужчина и вообще Шехтель. И очень, оказывается, известный автор.

Дни становятся все короче. После трех часов по главной дороге проходишь, как по бегущей дорожке времени. Сквозь ветки стоящего у поворота дерева можно увидеть, как с каждой минутой меняются оттенки небесного света. Нежно-голубое и серебристое, сливочное становится сначала кремовым, потом ненадолго розовеет, а дым из близкой трубы густеет и уже не кажется облаком, не растворяется в серебристом, а растягивается по ветру пиратским Веселым Роджером. "Ах, эти тучи в голубом напоминают море"

В пятом часу все вокруг серо, рядом с опустевшей дорогой устраивается на ночь одинокий грач, не поладивший, наверное, с родственниками. Или уж так удобна толстая изогнутая ветка в метре от земли, что он не в проигрыше, а, наоборот, нашел теплое местечко.

Ночью бояться ему некого: нашим теперешним собакам и самим страшно впотьмах, служебные машины в гараже, остальные разъехались. Корпус закрыт.

Птица следит за мной, но не улетает.

Мы с грачом договариваемся: он сидит на месте, а я отключаю вспышку и делаю снимок. Он ворочается на ветке, потом замирает, нахохлившись.

Прячу фотоаппарат и иду к людям, к огням и машинам.

И крутится в памяти что-то про вальс в миноре.

Thursday, December 17th, 2009

НЕКОПЕНГАГЕН

Холодно, снежные заносы, трафик кошмарный. К выходным обещают морозы до минус 26.

Кот в шкафу. Все собаки неизвестно где. Грачи огромной стайей, даже тучей, пролетели на юго-запад. То ли на ночевку в лес, то ли в эмиграцию.

Во дворах сугробы. Тишина.

Friday, December 18th, 2009

Все застигнуты снегом врасплох.

Зимы как будто и не ждали. Даже птицы. Не верили прогнозам, мерцали стайками в вышине, не улетали далеко.

Теперь все в хлопотах.

Зеленый дятел долбит в глубине дупла дерево, синички цепляются коготками за стены над окнами: там теплее. Грачей не видно, сороки ошеломленно летают по пустой округе. Не ждали и розы. Но им к лицу глубокий снег, и красные плоды в снегу только ярче светятся.

Крышу завалило сыпучим снегом по самый подоконник, кот выглянул и попятился.

А я! Его!! Окунула в сугроб и быстро-быстро растерла снегом!

Кот сначала не поверил вероломству, а потом выгнул спину, сжался в пружину и зазвучал утробным вибрирующим звуком. Но не вырывался.

Я мысленно влезла в его шкуру и стало мне хорошо. Это же замечательно: растереться сухим свежим снегом.

Кот, конечно, пулей, оставляя на всем брызги, пролетел стол, клавиатуру, кресло, но посреди комнаты остановился и посмотрел на меня весело. Понравилась снежная ванна.

ДЕКАБРЬ. ЗА ОКНОМ.

Всю ночь шел мелкий, почти незаметный снежок. Фонарь за окном тщетно старался согреть пространство, но и сам замерз.

Утром на крыше ровный слой снега высотой в полметра, а то и больше.

Низко над крышей барражировала вдоль окон озабоченная сойка. Я открыла окно, высыпала овсяных хлопьев. Сойка метнулась в сторону и пропала, а снег стал валиться на подоконник.

Пришлось откидывать подальше.

На шум явился, конечно, кот и был коварно кинут в сугроб. Это уже чересчур, и он явно вспомнил, судя по выражению лица, про боцмана и его шутки.

Теперь меня всем коллективом упрекают в бессердечии, а кота жалеют и кормят. У него стресс, он съел уже два пакетика и выпрашивает третий.

В руки не дается.

Зато потом будет вспоминать свое героическое ныряние в сугроб, тыча артритным когтем в исторический снимок.

И будет этот артрит на моей совести.

Monday, December 21st, 2009

Кот знает, что любой человек из мертвых восстанет, если при нем начать рвать чертеж, книгу, журнал или что-нибудь еще важное бумажное.

Среди многочисленных прочих этот способ - лучший, чтобы привлечь к себе внимание. Т.е. повести за пакетиком.

Единственное, что он старается сделать незаметно, - это скинуть на пол канцелярскую кнопку и потом гонять ее, как сидорову козу, по всему дому, пока кто-нибудь на нее не наступит.

При вопле "опять кнопка!" он быстро заталкивает ее под диван, под кресло, под книжный стеллаж, под что угодно.

И делает вид, что совершенно не при чем.

Сегодня тоже беспризорную кнопку углядел. Я в это время аппаратик к зарядке подключаю, обернулась на шарканье, а злодей вот он, уже на столе и кнопку собирает на пол скинуть.

Застигнутый на месте, котюга быстро одной рукой отогнул край чертеж, другой загнал кнопку под бумагу и принял позу кинозвезды, томно глядя вбок и вверх.

Я что? Я ничего.

РАДОСТНАЯ ВЕСТЬ

Солнце на лето, зима на мороз, а наша жизнь в эту ночь когда-то повернулась на радость.

И каждый год эта радость возвращается.

Сегодня солнце позволило себе посвятить нам лишнюю минутку. Постояло над горизонтом, осветило низкими лучами листья цветка, сузило зрачки любопытных кошачьих глаз и даже подождало, пока мы сделаем снимок. С этого дня солнце не станет стремительно валиться в наступающую тьму, а с каждым днем будет задерживаться, чтобы заглянуть в наше с котом любимое западное окно: счастливо, я ухожу ненадолго. Утром встретимся.

Говорят, что в старые времена в день зимнего солнцестояния на поклон к царю приходил звонарный соборный староста, следивший за часами, и докладывал, что отныне солнце повернуло на лето, день прибавляется, а ночь сокращается. За эту радостную весть царь жаловал старосту деньгами.

Царю небесный, вот радостная весть, а где же деньги? Или деньги и не омраченная ничем радость так же несовместны, как гений и злодейство?

Пусть так. Счастье дороже.

С днем рождения!

НАЧАЛО

Сначала на сером небе разгорелось оранжевое зарево, распространяясь на юг и север, пока почти вся сфера не занялась огнем.

Потом серое стало голубым, а оранжевое успокоилось и порозовело. Казалось, на растрепанные верхушки деревьев, готовые вспыхнуть, набросили шелковый платок.

Розовое медленно белело, покрывалось светлым пеплом.

Солнце так и не проникло сквозь пепел - обозначило намерение и спряталось за дымку.

День начался.

У меня так и не прошло удивление перед небесными телами, которые ухитряются висеть в пустоте, и разнообразием форм в космосе. Посмотришь на вот такую фотографию астрономов и поверишь во Всевидящее око.

Жутковато.

Tuesday, January 12th, 2010

МОЙ Р.ФРОСТ

In neglect

They leave us so to the way we took,
As two in whom they were proved mistaken
That we sit sometimes in the wayside nook,
With mischievous, vagrant, seraphic look,
And try if we cannot feel forsaken.

Бросают нас на выбранном пути,
Пренебрегая нами, как ошибкой.
А мы, обиду скрыв, умеем отступить,
В смирении притворном в тень уйти
С растерянно - насмешливой улыбкой.

UPD

Бросают нас на выбранном пути,
Пренебрегая нами, как ошибкой.
А мы умеем молча отступить,
Притворно-безмятежно в тень уйти
И сделать вид, что мы не на отшибе.

Saturday, January 30th, 2010

ЯНВАРСКИЕ ХЛОПОТЫ

Минус 25 С и глубокий снег для нас давно редкость. Непривычно многочисленные грачиные эскадрильи и даже полки заполняют небо.

Птицы толпятся в городе, бродят по тротуарам, роются в урнах. Если останавливаются, попеременно поджимают примерзающие ко льду лапы.

В институтском саду их тоже много. Я подкармливаю грачей под окном, чтобы уж и удовольствие получить, наблюдая, как они протаптывают в снегу дорожки. Сороки проворнее, хватают куски на лету, серые вороны тоже подбираются к еде быстрее. Да и дворовые собаки, хоть и не голодают, все же не дремлют.

Сегодня я не поленилась раскрошить помельче круглый пряник с глазурью . Такой... еще советский, всем известный по командировкам в глубинку. Стойким пряник оказался, пережил все экономические катаклизмы.

Пока грачи цугом прокладывали себе издалека путь в снегу, крошки нанюхал молодой песик.

Я его не люблю. Глупый, бесцеремонный, даже мамашу, бывшую главу прайда, прогнал на покой. Я думала, грешным делом, что на вечный покой, но недавно увидела ее в дальнем углу сада в компании с папашей. Произошел, значит, раздел имущества.

Сынок помельче родителей, еще хлипкий своим по-лисьи нарядным телом. Хлипкий, но уже

сколачивает собственную шайку из проникших в условиях ослабевшей власти прихлебателей.

Глазурь песику очень понравилась, он и слизал почти все крошки. Услышал, что я окно открыла, подошел к окну, смотрит со значением.

-Да вон же хлеб лежит!

Никакого интереса. И бровки умильно поднял: сладенького хочу!

А тебе не стыдно, говорю, ты и так все у грачей слопал!

Стыдно, но очень вкусно!

До хлеба и не дотронулся Молодой и балованный. Ушел. Хлеб съел поджавший хвост прихлебатель, а грачам остались следы от пряничных крошек.

Saturday, February 6th, 2010

ЦВЕТОК

после вредной руки Остапа фотографа

ХРУСТАЛЬНАЯ НОЧЬ

Где-то в высоких сферах в четверг с полудня наметили потепление и заморосил мелкий дождичек. В низах объявленную оттепель не сразу приняли, и вся морось стала замерзать на лету, покрывая льдом все, чего касалась: ветви деревьев, птиц на ветвях, провода, крыши, стены, ступени у входов в здания и даже дверные ручки. Грачи постоянно отряхивались, соскальзывали по обледеневшим веткам вниз.

Безлошадные сотрудники пытались вызвать такси, потому что до остановки было не дойти без перелома каблука или еще чего.

Всю ночь по окнам стучали мелкие обломки веток и льдинки, беспокоили кота.

Утром в пятницу во дворах не было, конечно, ни одного дворника, лед на тротуарах сверкал в свете фар и фонарей, народ мелко семенил, шаркая, не отрывая подошв от льда. В маршрутном такси всерьез обсуждался способ чьей-то соседки уцелеть в гололед: надо надеть поверх обуви шерстяные носки.

Уверяли, что носки прилипают ко льду и не скользят.

В институте снег покрылся жестким, атласно блестящим настом, в котором отражались деревья. У собак и птиц разъезжались на этом атласе лапы.

Я брела до своего корпуса снежной целиной, по насту, и обламывала его, как лось в лесу, проваливаясь в снежную жижу под коркой.

При порывах довольно сильного ветра вокруг раздавался хрустальный звон. Красивее всего звучали тонкие ледяные подвески берез - нежно, как китайские трубочки.

Пару раз близкий шум падающих веток перекрывал эту музыку ветра. Я шарахалась, как мне показалось, одновременно в разные стороны, уже как два лося.

Миновав опасности, достала фотоаппарат, потому что давно не видела такой красоты. Жаль, солнца не было, и жаль, что я не мастер. Можно только представить себе, как бы все засияло в солнечном свете и в хороших руках. Как модные когда-то чешские люстры в квартирах бывших профсоюзных активистов.

Впрочем, мне хрустальные люстры не нравятся. И разнообразные активисты тоже.

Но это уже другая история.

ВЫЖИЛИ....

Оттепель. Пасмурно, но снег истаивает, обнажая мусор, трещины и выбоины на асфальте. Сегодня впервые за несколько недель я услышала воробьиное чириканье.

Не чириканье даже, а знакомый ор на весь двор. Так они обычно кричат во время весенних и осенних сходов, решая неизбежные квартирные вопросы.

Рановато вроде. Подошла к сиреневому кусту - воробьиному майдану, из которого и раздавался крик. Куст внутри заполнен переплетением мелких веточек. Таким густым, что не то что кошка, кошачья лапа внутрь не проникнет. В этой сетке сидят страхом и гневом распушенные до состо-

яния шариков воробьи - не сотня, как на собрании, а человек 15. Но верещат, как две сотни, все вокруг звенит. А на ветке дерева над ними, наклонив голову и всматриваясь в куст, сидит сорока. И издает непривычный задушевный грудной клекот без всякого сорочьего скрипа. Типа выгляни в окошко, дам тебе горошку.

Воробьи заходятся в крике и на уговоры не ведутся, зная волчью натуру голодного уговорщика.

Сорока заметила мое внимание, цыкнула зубом с досады, чуть помедлила и нехотя улетела. А они продолжали кричать ей вслед, не трогаясь с места.

Много слов знают, надо сказать.

Я не решилась вынуть фотоаппарат, чтобы их не спугнуть и не заставить покинуть убежище раньше времени.

Отошла.

На обратном пути с удовольствием увидела, как воробьиная стайка крутится между кустов, и синички держатся поблизости.

Мне уже казалось, что мелочь эта птичья повымерзла или съедена подчистую за морозные дни, потому что не было их ни слышно, ни видно.

Может, и не все, но выжили и ожили.

И на работе тоже появились синички. Прыгают по вишневым веткам, по подоконнику, склеывают крошки, не забывая остановиться, чтобы чутко вытянуть шейки и оглядеться по сторонам. Приятно слышать, как они деликатно постукивают клювиками и нежно щебечут, как маленькие девочки, которые не так давно научились говорить и радуются возможности поболтать. Все дни зимней непогоды за окном раздавалось только карканье грачей и ворон и скрипучие вскрики сорок.

Выжил и уличный кот.

Место у него хлебное, около магазина, ему явно что-то перепало в холода, потому что грязен кот, да в теле. Не суетится, ни от кого не шарахается. Сидит на подсыхающих плитках на открытом месте. Шерсть грязная, на животе свалюлась, одна лапа припухшая, скорее всего, обморожена, но ран нет.

Он похож на Кису Воробьянинова - взгляд одновременно укоризненный и зоркий:

- Же не манж па сис жур...

МАЛОРОССИЯ, УКРАИНА

И.Бунин в молодости провел некоторое время в Полтаве. Как человек тонко чувствующий, он удивительно поэтично писал в "Жизни Арсеньева":

В поле, за город мы или западным предместьем, совсем деревенским. Его хаты, вишневые сады и баштаны выходили в равнину, на прямую, как стрела, миргородскую дорогу. В далекой дали дороги, вдоль телеграфных столбов, медленно тянулась хохлацкая телега, влекомая двумя качающимися в ярме, клонящими головы волами, она тянулась и исчезала, как в море, вместе с этими столбами, последние столбы уже чуть маячили в равнине, были как палочки малы. Это была дорога на Яновщину, Ярьськи, Шишаки...

"Чайка скиглить, летаючи, мов за дитьми плаче, солнце гріє, витер віє на степу козачем..." Это Шевченко - совершенно гениальный поэт!

Прекраснее Малороссии нет страны в мире. И главное то, что у нее теперь уже нет истории, ее историческая жизнь давно и навсегда кончена. Есть только прошлое, песни, легенды о нем, какая-то вневременность. Это меня восхищает больше всего...

Замечу, Бунин восхищался вневременностью малороссийского прошлого, а не его исчезновением.

...Страна же эта грезилась мне необозримыми весенними просторами всей той южной Руси, которая все больше и больше пленяла мое воображение и древностью своей и современностью. В современности был великий и богатый край, красота его нив и степей, хуторов и сел, Днепра и Киева, народа сильного и нежного, в каждой мелочи быта своего красивого и опрятного, наследника славянства подлинного, дунайского, карпатского. А там, в древности, была колыбель его, были Святополки и Игоря, печенеги и половцы, меня даже одни эти слова очаровывали, потом века казацких битв с турками и ляхами, Пороги и Хортица, плавни и гирла херсонские...

Как оказалось, история Малороссии не окончена навсегда. Малороссия стала Украиной.

Интересно, как относится к Бунину эта новая современная Украина.

ЗАВТРА - ВЕСНА!

СИНИЙ МАРТ

Короткий перерыв на весну. Небо утром бирюзовое, синее днем, ультрафиолетовое вечером.

Даже воробьи на березе над своим родным кустом, даже вишневые ветки за окном лаборатории, в путанице которых прячется синичка - тоже синие.

Вот-вот бабка Явдоха займется весенней уборкой, на недельку похолодает, а потом на синем прорисуются зеленое, появятся букетики подснежников и голубых пролесков, ну а уж потом только успевай оглядываться, замечать, что где расцвело.

Отцвело-расцвело.

А раньше-то цвело, цвело, и все никак не отцвело.

В общем, очередной март.

ВОТ ТЕБЕ, БАБУШКА, И СИНИЙ МАРТ...

Утром за окном снег, снег. Все в снегу.

Март, как водится, с сюрпризами, как бабушкин сундук.

Tuesday, March 16th, 2010

Уже который раз с громом и топотом на мой подоконник налетает интересная банда: три скворца и человек десять-двенадцать воробьев.

Сметают все приготовленные для синичек крошки, немного отдыхают на ветках вишни и уносятся куда-то.

Прилетают не каждый день, но это несомненно одни и те же персонажи. Первый раз появились дней десять назад.

Кроме них, в институтском саду все так же нет ни воробьев, ни скворцов. Те, что улетали, еще не вернулись.

И на дереве приятели держатся вместе, и улетают плотной стайкой. На подоконнике стараются уместиться тоже всей толпой.

Внимания не особенно боятся. Можно осторожно приблизиться к оконному стеклу и рассматривать их в упор.

Летом воробьи часто крутятся около скворцов, кормятся с ними. Но в данном случае это необычный сплоченный отряд быстрого реагирования.

Не слышала раньше о подобных случаях.

Friday, March 19th, 2010

ВЕСНА ПОД НОГАМИ.

Деревья еще голые, озябшие.

В тенистых местах лежат серые лохмотья снега, прохладно. Но в полдень на солнце впервые градусов 12 -15. В солнечном пятне у тропинки за день проклюнулись и вытянулись ростки, похожие на небоскребы Матхэттэна.

Из слезавшихся под липами листьев выползли на горячий асфальт вялые, спотыкающиеся солдатики.

Жуку-солдату Петрову не скучно, он прогуливается со своей женой, жуком-солдатом Веркой (как же Петрушевскую не вспомнить).

Перезимовали, слава богу.

Их сосед-бедолага в обморок упал. Наверное, от избытка кислорода, отвык в прелой духоте.

Другой бодро идет мимо, не останавливается, не

оглядывается. Целеустремленный.

Воздух холодный, а под ногами весна.

Теперь уж ее не остановишь, процесс пошел.

Sunday, March 21st, 2010

Весна за шторами.

В прорезях жалюзи все синее, зеленое, яркое.

Лучи солнца гладят кошачью шкурку.

Кот в нирване.

Saturday, March 27th, 2010

Переход на летнее время.

Раннее утро уже проникает в комнату разноцветными тенями на занавесках, сквознячком через открытую форточку.

Прохладно.

Тетка спит. Кот тоже спит у нее в ногах. Сам в себя завернулся, дышит теплом себе в живот.

Заканчивается март. Сегодня еще можно поспать подольше.

Tuesday, March 30th, 2010

ВЕСТНИКИ АПРЕЛЯ

Лужайки начинают покрываться фиалками. Рядом проклюнулись желтенькие первоцветы.

Собранный утром букетик весь день напоминал о забытых за зиму кра-сках.

Прилетел дятел. Принес орех, вставил его в углубление сломаной ветки и с полчаса долбил, не теряя своего терпения и испытывая мое.

Я выглянула в окно, ожидая увидеть красную шапочку, но у птицы красным оказался живот. Самочка пестрого дятла, что ли.

Принесла коту вырезанную из мягкой земли, за пару дней обросшую нужной травой кочку.

Он, понятное дело, ошалел от запаха и бегал за мной следом, издавая даже не мяуканье, а блеянье, пока я искала нужную тару, высаживала презент в питательный грунт и поливала. Выставила траву на крышу, на солнце, и кот, бурча, как мотор, прикинулся газонокосилкой.

Все эти мелочи в начале весны кажутся знаками наступающего светлого будущего.

Обманывают.

Это понимаешь, вглядываясь в то, что дальше твоего окна.

КТО ЭТО?

Открыла форточку, чтобы высыпать воробьям крошки, и увидела собаку, она гналась за птицей, которая летела над самой землей.

Стук оконной рамы отвлек дурацкую псину от погони, птица увернулась и взлетела на решетку. И застыла на ней.

Воробьи шныряли рядом, прилетала сорока, я фотографировала почти в упор - никакой реакции.

Фотографии нечеткие, через стекло, но все равно видно, что птичка серенькая, а хвост красноватый. В полете - ржавый, как у соловья.

Или как у горихвостки?

Я вообще-то не люблю, когда птицы заглядывают или залетают в комнату.

Но эта то ли утомилась сильно, то ли впала в шок из-за собаки.

Сидела-сидела, глядя на меня в упор, но не замечая, а потом - не меньше, чем через час- собралась с духом и улетела.

Так кто это к нам вернулся и нарвался в родном саду на неприятность?

АПРЕЛЬ

Солнце слепит, синицы снова обрели звонкие голоса, дятел подает колотушкой сигнал "я здесь, сюда, сюда!", воробьи и прилетевшие скворцы тихо-мирно решили квартирный вопрос, повсюду бродят пары солдатиков. Проснулись не только они. Вот паучок, пробираясь на сухое место, задумывается, какой из восьми высоких ножек ступить, а вот и божья коровка протерла глаза и решила погулять по нагретой солнцем тропинке.

Надо внимательно смотреть себе под ноги, чтобы ненароком не оборвать их неосторожный апрельский восторг.

Старые развалины эффектно прикрыты ажуром березовых веток, пухлое дождевое облако, приплывшее с юго-восточным ветром, никого не пугает.

Наоборот, свежая зелень призывно светится ему навстречу.

И ясным огнем горит накопившийся за зиму хлам.

Апрель в ходу.

АПРЕЛЬСКИЕ ТЕЗИСЫ

Революции, перевороты, разинутые в злобном крике рты; пинки ногами в лицо упавшего или прямо в камеру; ненужные цветы поверх засохших капель бессмысленно пролитой крови; катастрофы, которые вызывают мимолетное сочувствие или долгое злорадство.

История ничему не учит, потому что всякий, кто хочет, пишет ее заново. Скалы разрисовывали, камень долбили, бересту царапали, пергамент расписывали, бумагу в толстые переплеты переплетали, чтоб уж навеки, навсегда - и все впустую.

Бессмысленная наука история.

Нет такой науки.

Saturday, April 17th, 2010

ЧИВИЧЕИ

Утром сидит на вишне растрепанный дежурный, ждет, смотрит внимательно. Вокруг тихо и пусто.

Как только я открываю окно и высыпаю крошки, он начинает громко чирикать. Неведомо откуда возникает вся команда.

Нетерпеливо подпрыгивают, вертятся, но вниз пока не слетают. Качнул с лету ветку кто-то посolidнее, покрупнее и поярче других. Аксакал, наверное.

Отхожу от окна, и начинается представление. Тонкие побеги почти касаются подоконника, воробьи перепархивают по ним все ближе к крошкам. Толпятся, толкаются. Кто на месте кормится, кто забирает с собой крупный кусочек и расклеивает его на дереве, кто замешкался и всматривается с ветки: осталось еще что-нибудь?

Поедят, пошумят, а потом дремлют на солнышке, беспечно раскачиваются на прутиках или остаются нести дежурство. Обед впереди.

А я вспомнила замечательные [воробьиные истории В. Чиркова](#) и нашла их в Интернете. Про Чиви-Чея, Чиви-Чива, Чиви-что, Старого Чиви и других. Почитайте, вспомните детство и тоненькую книжку про смешной народец - воробьев. Воробьиные истории в середине страницы.

Вот любимая цитата из начала:

— Пух! Пух! - кричал воробей Чиви-Чей на весь двор. — Кому пух? Кому пух?

Все воробьи, что были поблизости, слетелись к Чиви-Чею.

— Чей пух? Что за пух? Тот пух? Этот пух? Вот так пух! Ох и пух! Ух и пух! Ай да пух! Охипух! Ухипух! Ахипух! Айдапух! Чивипух? Где лопух? Чтозанух?

А вот конец:

...Старый Чиви подвёл итог.

— Значит, так, - сказал он — видно было, что настроение у него улучшилось, — с сегодняшнего дня мы не воро... ты понимаешь, о чём я говорю, - мы чивичеи.

— А как об этом объявить всем-всем?

— Ты помести рассказ о нашей встрече в какую-нибудь книжку, а ещё лучше - опубликуй в газете, и каждый, кто его прочтёт, будет знать, как нас теперь зовут. Постепенно об этом узнают все, и больше никто не произнесёт того ужасного слова.

— Договорились!

Старый Чиви, стоя на одной лапке, протянул мне другую, правую, и я подержал его коготки двумя пальцами.

Wednesday, April 21st, 2010

Чужих меж нами нет!
Мы все друг другу братья
Под вишнями в цвету

Исса Кобаяси

Wednesday, April 28th, 2010

ЛЕТНЯЯ ПОГОДА

Абсолютно синее небо.

Было бы пустым, если бы не самолеты. Летят ровно, как по ниточке, оставляя за собой аккуратный шов, который быстро затягивается, растворяется в слепящей синеве.

Все вокруг светится и блестит: листья, листики и листочки, стволы, ветки и веточки, тюльпаны, свежая трава под ногами.

И никакого пепла. Живи, радуйся и лети во все концы.

Но что-то легонько постукивает в сердце.

КОШКА НА ЧУЖОЙ КРЫШЕ

Вообще-то сначала кошка была на дереве.

Вокруг нее вились две сороки, которые просто заходились в злобном скрипе. Кошка настойчиво продвигалась вверх, к какому-то опасному для них пределу, а сороки вертелись на ветках, стараясь зайти с тыла и тюкнуть ее клювом.

Пройти мимо я, конечно, не смогла. Пока стояла под деревом и наблюдала, бой продолжался, но как только бойцы увидели объектив аппарата, ситуация изменилась. Сороки выпутались из кроны и отлетели в сторону, жутко бранясь. Кошка глянула на меня с ветки в упор: а ты что тут делаешь?

Испортила я ей обедню.

Она элегантно, как кинозвезда, спустилась на крышу, легла у самого края, уютно сложила лапки, посмотрела вслед улетевшим сорокам, повернула ко мне прекрасное лицо с глазами цвета спелого крыжовника.

Прозрачными, бессовестными.

Сорокам на этом дереве не жить.

ПРОГУЛКА ПО ЗООПАРКУ

1 мая случился прекрасный день, наполненный солнцем, теплом, запахом расцветающей во всех дворах сирени, свободным временем, и мы неожиданно решили: а давай махнем к Элие-в зоопарк!

Люблю ловить сходство гримас, взглядов и душевных движений зверей с человеческими. Я вообще склонна к антропоморфизму на манер so called примитивных народов. Как с детства любимый Дерсу Узала, которого не устаю цитировать: "все равно люди, только рубашка другой". Впрочем, запросто могу наделить характером и неодушевленный предмет: "эти дураки очки/ключи/пульт/мобильник и т.д. опять куда-то подевались!"

Короче, махнули.

Встретил нас фотограф с маленькой зеленой мартышкой в полосатой вязаной кофточке.

Получив большое красное яблоко, мартышка начала его грызть как будто вынужденно, с выражением лица профессиональной плакальщицы. Желтая мякоть радостно светилась на солнце, но скорбь не уходила из мартышкиных глаз. Мохнатые ручки тем временем ловко поворачивали яблоко, и оно исчезло, как растаяло, за несколько минут.

За моим плечом кто-то вежливо кашлянул. Крупный ара в парадной ливрее смотрел со сдержанным неодобрением. Пора проходить дальше.

Место хорошее. Склон холма, сложный рельеф территории: прудики, овражки, рощицы. Вольеры просторные, с зеленой травой, бревнами и живыми деревьями, с водоемами. Зоопарк еще небольшой, но видны желание и усилия устроителей наладить дело, как подобает.

Звери приходят в себя после перенесенных холодов. Осторожно выглядывают из укрытий, приывают к детским голосам, сушат на солнце и проветривают на ветерке шкуры и перья. Белоголовый сип, распахнув крылья на высоком насесте, напомнил старого одессита из анекдота про второе пришествие Христа. "А ну, а ну, сделай так!"

Жарко не только ему. Один черный гриф спустился воды напиться, второй, стоя на пеньке, тоже распахнул крылья и с достоинством принимает аплодисменты зала, как ветеран сцены, станцевавший злого колдуна Ротбарта в "Лебедином озере". Декорации подходящие.

Простоял так, кстати, все время нашей прогулки. Любит внимание.

От орлов и грифов мы ушли к черному ворону, к зебрам, ламам и диким котам, но про это в следующий раз.

Monday, May 3rd, 2010

ПРОГУЛКА ПО ЗООПАРКУ. ПРОДОЛЖЕНИЕ.

В зоопарке хорошо продумана система безопасности. Так хорошо, что сквозь решетки и сетки, вдобавок отдаленные от зрителей газоном, трудно рассмотреть,

кто прячется в клетке или вольере. На мой взгляд, это правильно. Нечего тыкать в медведя палкой или кормить обезьян какой-нибудь отравой.

Были уже в нашем зоопарке несчастные случаи и с животными, и с посетителями.

Крупный бурый медведь сумрачно пересекал тесную клетку по диагонали, поматывая головой. Светлый степной волк, стараясь не смотреть в сторону зрителей, тоже монотонно ходил туда-сюда вдоль решетки в соседней клетке, лиса свернула в клубок возле своей лубяной избушки.

А вот львица вальяжно разлеглась на свободе на деревянном настиле, свесив добротный хвост до самой земли, бенгальских тигров в высокой траве их богатого вольера только в бинокль разглядеть. Ну и пусть живут себе спокойно.

Самые доступные для общения, за простой деревянной загородкой сонно существуют три зебры.

Близко подошла одна, безбоязненно просунула в надежде на угощение морду с модной нынче щетинкой на подбородке. Знала, за чем подходила: какое-то дитя протянуло печенье, и она аккуратно взяла его мягкими губами, на мгновение показав огромные зубы. Я щелкнула с досады своими: не успела поймать момент!

В глубине участка неподвижно стояла, как из фанеры вырезанная, вторая зебра. Воробей перед ней тоже не двигался.

Наелся, наверное, доотвала дарового овса. Прямо обломовская полуденная сонная одурь царила в этом семействе.

Третья вообще всех игнорировала. Очень демонстративно.

Перед загоном для лам мы остановились надолго. Из-за толстых прутьев решетки смотрели на нас необыкновенной красоты глаза.

Небольшая голова на высокой шее, глубокий взгляд, золотисто-бежевый окрас, походка, полная достоинства, изящество в любом повороте - вот еще один портрет Ирэн Форсайт:)

Ламы нас ввели в задумчивость, и мы немного отвлеклись на беззаботных мелких птиц и разноцветных водоплавающих.

У подножья холма на большом пруду плавали лебеди, по огороженной лужайке бродили потрепанные страусы, но снимать их мне не хотелось.

Настоящий Черный Ворон.

Усатый, большеносый, с неожиданно мутным взглядом, но радужно сияющим на солнце оперением. Маховые перья у него были перехвачены какими-то белыми скобками, наверно, крылья повреждены, и он пока или вообще не может летать. Ворон неторопливо, как по лестнице, взобрался на камень и скульптурно застыл.

Тут до него дошел запах цыплячьей тушки, спрятанной в щели камня, он забыл про свою красоту и плотно занялся цыпленком. Резво с ним расправился, после чего по-собачьи помотал головой, отряхиваясь.

И увидел меня.

То есть ворон заметил нацеленный на него объектив. Явно озабочась, он спустился с камня и стал деловито подбирать кусочки белого хлеба, разбросанные у сетки. Подбирал и заталкивал в щели, не желая делиться подарками с носителем этого жуткого стеклянного глаза.

Убрала я аппарат и отступила.

Закончить прогулку мы решили у котов. Типа десерт.

Две клетки с дикими котами: с европейским и с лесным. Больше наблюдаю за ними, чем снимала.

И только у клеток с котами стало понятно, что смущало в уже увиденных животных. Каждый зверь - вещь в себе. Вроде смотрит на тебя и вроде не видит. Даже тогда, когда он рассчитывает на угощение. У всех у них отстраненные взгляды, как у продавщиц советских магазинов, если кто помнит.

Только не у котов. Котам интересно все! Что делается в соседней клетке, кто прошел по близкой дорожке, а кто ходит вон там, вдали, около загона для страусов.

А сетка густая! А сетка со всех сторон! И потолок у клетки, кажется, тоже с сеткой! Надо забраться повыше, чтобы знать, что происходит вокруг.

Фотографировать через сетку тоже неудобно, но поди просунь к нему руку или объектив! Это вам не просто кот, это "зверь, именуемый кот".

Уходили мы с сожалением, оглядываясь.

Вслед нам укоризненно смотрел Дикий Европейский Кот. "Все равно люди, только рубашка другой".

Махнемся рубашками?

Friday, May 7th, 2010

МАЙ.

После прохладного сдержанного апреля май совершенно распустился, торопится жить.

Воробьи сотоварищи третий день не прилетают у моему окну. Крошки уныло сохнут на подоконнике. Птицы устраивают пикники на лужайках, где развернулась для них скатерть -самобранка с тучами жучков и прочего незаметного нам угощения. Места хватает всем.

Солидные серые вороны еле видны в травяных зарослях.

Трава вытянулась, готова к первому покосу, но еще блестит и так зазывно пахнет, что и сам попиравал бы за этим столом.

Мелкие черные и рыжие муравьи открыли в трещинах асфальта входы в муравейники и суетятся, возводя отвалы строительного мусора.

Танцуют все!

А вот вишни поскущнели, усыпали землю белыми лепестками, а назавтра и лепестков не разглядеть. И яблони отцветают.

И тюльпаны остались только на фотографии, увяла их средневековая красота. Погасли тюльпаны, вместо них ясно светятся свежие ландыши.

Ничего лучшего как будто и не найти.

Как же не найти, когда весь двор заполнен сиренью. Воробьиный куст ошалело цветет и громко чирикает, не боясь прохожих.

Семейство рано созревших ветреных одуванчиков теряет одну голову за другой, нисколько об этом не жалея.

Разносят свою бесшабашность по всему свету.

Ну...сорняки, сэр.

По серой, еще сырой стене тянутся к дряхлому окну развалин ласковые побеги плюща.

Окно приосанилось, заблестело и отразило молодой зелено-голубой мир.

Резвый май. Как бы не перегорел. Что июнь получит от него в наследство?

Sunday, May 16th, 2010

ПРОГУЛКА ПО ЗАКОУЛКАМ

Политый обильными дождями, цветет наш сумасшедший май.

На свалке мелкого мусора в дальнем углу двора объявились яркие маки-самосейки. Вот уж, действительно, "когда б вы знали, из какого сора..."

Поодаль среди серебристых метелочек травы вроде мятлики светятся маки белые с фиолетовыми тычинками.

Маленькая кочка неожиданно обрела пышную гривку.

Некошенный газон стал непроходимым даже для грачей и ворон.

Выращенную на крыше для кота траву я подрезала, потому как она стала резво взростеть, колоситься и оказалась тимофеевкой.

Коту лакомство, а аллергикам слезы.

В берендеевых зарослях тянутся вверх светлые ирисы, когда-то любовно высаженные вдоль дорожки, теперь ненужной.

Позарастили стежки-дорожки, но жизнь берет свое даже в совершенно заброшенных местах. Переждет засушливые годы, а потом расцветет.

Не розами, конечно, которые дичают без любви и ласки, но свое что-нибудь придумает.

Tuesday, May 18th, 2010

ДЕЖА ВЮ

Расцвела белая акация. Светится и пахнет под тихим мелким дождем необыкновенно.

Деревья в цвету, тяжелые плотные гроздья, свежий, легкий для дыхания воздух, зеленая трава почти по пояс.

Как будто детство вернулось.

ДОЖДИ

Спешить, проходя по тропинке среди погустевшего под дождями разнотравья, совсем не хочется. Тучи истончились ночным ливнем, за ними угадывается движение солнца. Дождевые капли на зелени лоснятся в его свете, мелко просеянном облаками.

Фотоаппарат, как бинокль, приближает детали. Колоски, метелочки, цветы, листья гладкие, листья резные, листья расписные.

И я делаю снимок за снимком. Становлюсь фотографоманом.

И не могу пока остановиться, и не хочу пока применять фототехнические приемы - так хорошо просто фиксировать то, что вижу.

Еще не насмотрелась.

Дождливый май этого года возвращает меня к густым травам на холмах Прикарпатья, где в прозрачных речушках плавают в своих красноватых домиках ручейники и водится форель; где землянику находишь сначала по запаху и только потом видишь; где растет замечательная ягода от усталости - брусника; где отважно выдержишь пару минут под ледяными струями водопада.

И выскакиваешь оттуда, как Иван-дурак из кипящего молока - живым и здоровым Царевичем.

Или к лужайке под старой яблоней, в траву детства, в которой хорошо было лежать лицом вниз, читать подаренную братом книгу "В стране дремучих трав", отвлекаясь на живущих у самых моих глаз героев энтомологической фантазии Брагина.

По желтоватой бумаге страницы наискось пробирается паучок. На паучка подуешь - он подвернет тонкие ножки и прикинется мертвым. Надо подождать, пока он рискнет развернуться и снова тронется в путь.

Шустрый муравей, наоборот, на мгновение замрет, после чего засуетится и пустится со всех ног наутек.

На высокие травинки невесомо опускаются тонкотельные голубые и зеленые стрекозки.

Перламутровые, по балетному изящные, с холодным взглядом всё вокруг видящих глаз и жуткими хищными жвалами. Хорошо, что стрекозы такие маленькие.

Где-то под стеблями мокрой травы до поры таится злокозненная ламехуза, строит планы проникнуть в уже открытый муравейник, опьянить муравьев и полакомиться их личинками.

И сейчас есть на моем пути одна заповедная маленькая яблонька. С нее только-только облетел цвет, но ветки сверху донизу уже усеяны завязью.

Каждое утро я делаю яблоньке смотр и обязательно пробую на вкус два-три терпких мягких яблочка. Через неделю-другую они погрубеют, станут твердыми, кислыми и несъедобными, потом начнут входить в тело, наливаясь замечательным кисло-сладким соком, обретать красно-зеленую матовую кожицу.

И в какой-то выходной день их до единого соберет, обламывая ветки, тот, кто уже срезал все тюльпаны с клумбы и утащил с крыльца ящики с разноцветной петунией. Эстет и гурман!

А пока яблонька и сквозь тучи угадывает, где солнце, и благодарно светится ему навстречу, подставляет дождю листву и зеленую завязь с едва намеченным румянцем.

Пусть надеется на лучшее.

Saturday, June 5th, 2010

ИЮНЬ. ЖАСМИН

Природа в этом году спешит, забыв о календарных планах, насаивая заботы одну на другую. Дел невпроворот оставил лету отшумевший дождями май.

Надо скосить траву, успеть собрать клубнику-землянику и быстро спеющую черешню, да и вишня уже есть на рынке.

Дисциплинированный жасмин дотерпел до срока, зацвел в первые дни июня. Тоже обильно, разбавляя и облагораживая белым свечением красно-зеленые остатки майской пышности. Его обычно не обламывают на букеты, как сирень, а сорвут несколько коротких побегов, поднесут к лицу и рассеянно улыбнутся.

Почти у каждого человека связано с жасмином что-то личное.

И у меня с ним свои отношения. С детства, с пения соловья в жасминных зарослях за окном в бабкином саду, с белых цветов на густо-зеленом фоне листвы, через которую по утрам с трудом протискивалось в комнату и будило меня солнце.

Поставила пару веточек в стакан, развернула к свету.

И был июньский день.

Friday, June 11th, 2010

КАПРИЧЧОС. СТАРАЯ АКАЦИЯ

ИЮНЬ. ПОКОС

Что делать. Трава скошена, высушена и собрана в стога. Увезли ее на радость какому-нибудь домашнему рогатому скоту.

Я подсмотрела, как купалась в скошенной траве давно знакомая парочка - сорока и грач.

Они долгое время, недели две, ссорились и дрались в березовых кронах, привлекая внимание жуткими криками. Я думала, что шла борьба за гнезда.

Нет. У каждого есть свой дом, живут на разных деревьях, а летать в конце концов стали вместе.

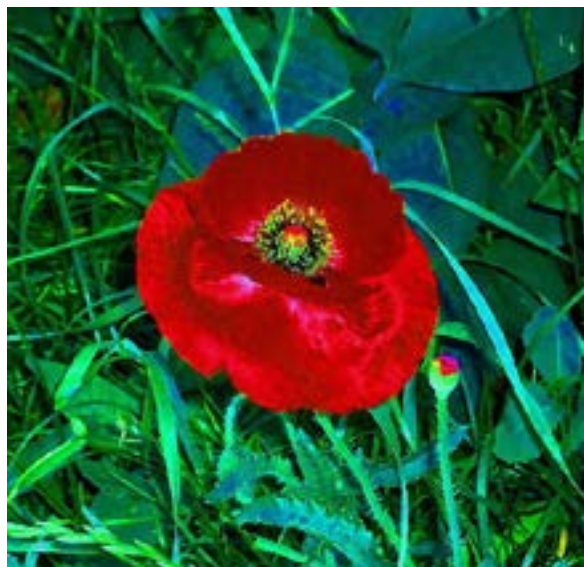
И вот наутро после дождя устроили себе баньку.

Подогнут ноги, нырнут в мокрое, побарахтаются в нем, потом клювами перебирают и укладывают на животе чистые перышки.

ИЮНЬ. МАКИ

Июньские маки - это не мелкие, трепетные, облетающие от любого движения воздуха майские самосейки. В заброшенных местах у оград сохранились от прежних хозяев настоящие садовые цветы, одичавшие от одиночества.

Крепкие, оранжевые и ярко-красные, они откровенно радуются заглянувшему к ним солнцу, атласно светятся и спят, торопливо просыпая на лепестки обильную пыльцу. Солнце застесняется и отведет нескромный луч в сторону, заспешит покинуть запретное место.

ИЮНЬ. ВЗГЛЯД ВВЕРХ.

Оторвешь взгляд от травы и теней, помотришь вверх - а в небесах, оказывается, торжественно и чудно.

Возносится к солнцу, становится легче и прозрачнее сизая скумпия.

Липовые кроны полны золота.

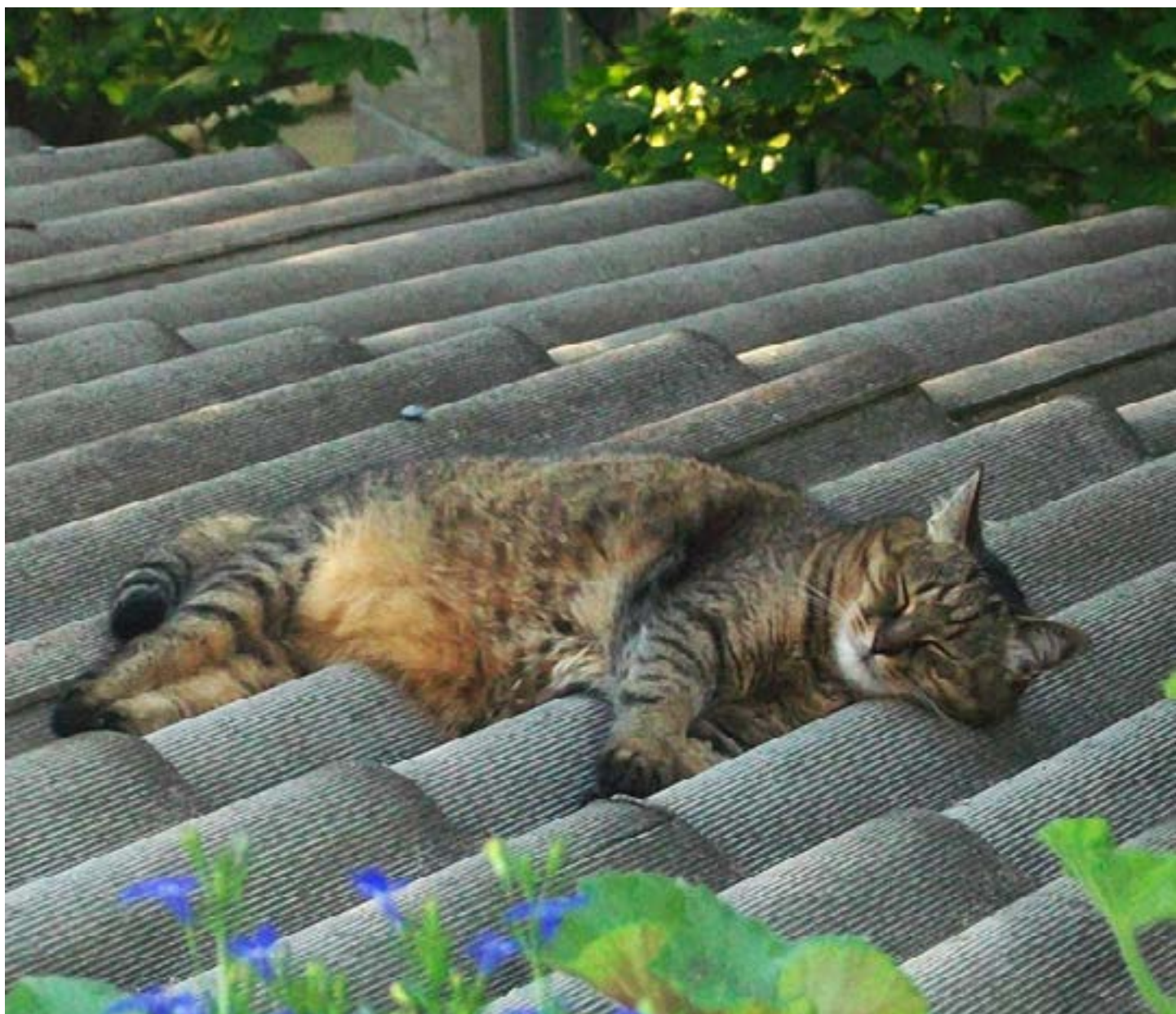
Проходишь липовой аллеей, дышишь воздухом, настоящим на целебном липовом цветке, и кажется тебе, что ничего плохого никогда больше не случится.

И тоже возносишься..

УМОСТИЛСЯ.

Наконец-то все части организма заняли нужные места. Организм удовлетворенно вздохнул и задремал.

РОЗОВЫЕ РОЗЫ

Розовые розы еще помнят о своем прародителе - шиповнике. Потому цветут обильно и ведут себя достойно.

Срезанная с куста роза стоит долго, разве что развернет лепестки и запахнет сильнее.

Из этих роз можно варить варенье. Мы с теткой сварили, только белые кончики лепестков не обрезали: "та ну, паньски вытребеньки!"

В остальном следовали классике, растянули процедуру на три душистых дня.

Если ложечку варенья опустить в чай, лепестки распускаются в нем букетом и ласкают все органы чувств.

Слух тоже, потому что тот, кто пробует чай и тонкие лепестки, восторженно ахает.

Но с розовым вареньем надо знать меру. Оно больше годится как акцент в начинке разнообразного печенья. Или как последний аккорд в потчевании гостя - чтоб на лице потчуемого надолго удержалась смесь удивления и удовольствия.

И даже счастья, когда он покидает ваш дом, унося с собой баночку готового варенья и рецепт на следующий год.

У меня, конечно, стоит в стакане веточка, и я поглядываю на нее между делом.

Хорошо работается.

Поверить, что ли, в цвето- и ароматерапию?

Monday, June 21st, 2010

ЛЕТО. УТРО ПОСЛЕ ИВАНА КУПАЛА.

ДЕТСКИЙ САД? НАШЕСТВИЕ?

Вторую неделю отрастающая после покоса трава усыпана малюсенькими и маленькими, от 2-3 мм до 1 см в диаметре, улитками.

Они держатся на травинках, как приклеенные. Предпочитают верхушки, так что изда-лека кажутся мелкими белыми цветками. Утром сидят, вечером сидят.

На солнце, в тени, в сушь и в дождь.

На 1 квадратном метре их десятки, а где и сотни. Верхушек на всех не хватило, поэтому улитки распределились по всей длине стеблей. Очередь, наверное, соблюдали, всем же сразу не залезть. В развилках они иногда скапливаются группами по 3-4, а то и больше.

На них никто не охотится. И сами они никаких поползновений в поисках пищи не делают.

В саду водятся крупные улитки - рогатые, толстопятые, солидные, но достаточно резвые.

А эта мелочь - их дети ? Или кто?

Садовники, вы такое видели?

UPD Ссылка от [soboleva_t](#) на [очень интересный сайт](#): вот, оказывается, кто занимается моллюсками - малакологи !

А вот еще [улиточный мир](#).

Friday, July 2nd, 2010

ИЮЛЬ. СОКИРКИ

Легкие, прозрачные кустики сокирок - признак зреющего лета.

Сокирки - полевой сорняк. Как их только не зовут: и башмачками, и заячьими ушками, и козелками, и кавалерскими шпорами. Даже живокостью. Брат про них говорил «секирки», мне это название казалось естественным, потому что форма цветков напоминает секиру, боевой топор.

Сочно описаны сокирки на украинском языке:

Сокирки — надзвичайно гарна рослина, її рогаті фіолетові квіти одразу привертають увагу своєю незвичайністю. «Отруйна» сокирка - ядовита!!!

Яд схож с известным злодеем - кураре, шутить с ним не надо. Зато эти изящные топоры украсят

своей «незвичайностью» любой букет, добавив ему воздуха.

Я вспомнила, как брат впервые показал мне их на заросшем сорняками пустыре городской окраины, срезала несколько стебельков и поставила подальше от света, чтобы не увяли слишком быстро.

Пусть постоят денек-другой.

УЛИТКИ-ПУТЕШЕСТВЕННИЦЫ

Постоянные дожди заставляют разнообразное травяное население приспособливаться к вездесущей влаге. Мелкие улиточки смыты дождевыми струями с травы на землю. Лежат повсюду в обморочной неподвижности или безуспешно пытаются расположить вертикально свои раковинки, выставляя полупрозрачные опоры.

Редко кто удержался на растениях. Пережидают непогоду там, куда упали.

Большим садовым улиткам тоже приходится несладко. Одна плыла куда-то, втянув голову в плечи, зацепившись клейкой подошвой за листок. Я перенесла ее вместе с листом из лужи на пригорочек, оставив себе на память портрет.

А за второй проследила, чуть не опоздав на работу.

Улитка двигалась поперек асфальтированной дорожки довольно быстро, выставив вперед рожки. Перед каждой трещиной она приостанавливалась, затем перетекала через нее, максимально распластавшись. При движении была заметна бортовая качка раковины.

Все-таки тяжелая это работа - все свое носить с собой. За улиткой тянулся влажный след.

На пути ее лежала маленькая улиточка, которая спрятала нежную ножку и замерла. Ну-ка, подумала я. Что ты станешь делать?

Большая улитка, почти не меняя скорости, слегка сдвинулась вправо и миновала малышку. После чего неожиданно вошла в глубокий вираж. Живую родственницу она обогнула, а через мусор пошла напролом. И уткнулась в побеленный поребрик. Перед камнем улитка остановилась поразмышлять, приложив рожки, как озадаченный кот.

Размышляла минут пять, даже килевой след успел высохнуть.

Наконец, она покачала головой, снова выставила рожки, привстала на пятке и начала распрямляться вверх.

Раковина зашаталась, но осталась в нужном положении: пятка напруглась, удержала боевую позицию и оставила ее последней.

К тому времени голова улитки уже была у выбранного кустика.

Раковина все-таки завалилась вбок, да это уже было неважно: улитка втянулась в желанную нишу под мягкими круглыми листьями.

Последним усилием она подобрала ногу и затихла .

Никакого движения я больше не дождалась. Посмотрела на часы: полметра расстояния, двадцать минут времени.

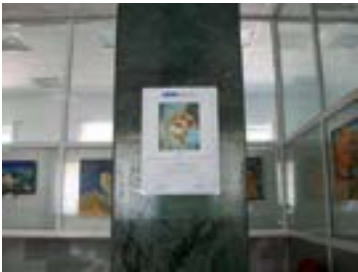
Эта улитка вызвала у меня уважение. Понимает, где живое препятствие, а где неживое. Умеет двигаться прямолинейно и умеет оперативно менять направление. Умеет менять выражение лица. Знает, чего хочет и умеет достичь цели.

Так размышляла я во время бега рысцой до своей цели: надо было открыть лабораторию.

Может быть, и за мной кто-то наблюдает.

Sunday, July 25th, 2010

ВЫСТАВКА КАРТИН ЕЛЕНА РЕВУЦКОЙ

Рано утром в помещении выставки тихо, пусто, светло, но прохладно, хотя на улице уже больше 30. Дежурный в своем углу тихо бормотал телевизором, предоставив нам полную свободу.

Картин немного, но они наполнены цветом, светом, деталями. Даже переполнены - иногда деревья, цветы, звери и люди выходят за рамки написанного. И рука невольно тянется к стереоскопическому полотну потрогать, не живая ли ветка.

Работы Е. Ревуцкой, как мне кажется, лучше рассматривать на сайте автора или в книгах.

Или стать собственником хоть одной из них и смотреть, смотреть - утром для хорошего настроения, вечером - для счастливых снов.

Рассматривать так, как умеют это делать выздоравливающие дети: еще перевязано горлышко, еще надо оставаться в постели, но мозг уже ищет новых впечатлений.

И тогда в самый раз вот такие картинки, вместившие весь мир - и настоящий, и сказочный. Детство для взрослых, взрослую жизнь для детей. Людей и зверей, «исполненных очей».

Веселые улитки меня восхитили: я и в реальной жизни давно всматриваюсь в их разнообразные физиономии. Ну, и любимые мои коники. Лошадки, которые уже не животные, а символ.

Тревога, смятение - а потом объединяющий порыв, призыв к движению, встречный ветер. Чувствуешь, как все твои молекулы бьют копытами и рвутся в галоп.

Жаль, не было на выставке сладкого девочкиного сна. Картины, где покой, тишина, где в глазах лошадки завтрашняя сказка.

Кто близко, сходите на выставку. Кто далеко - на сайт Елены Ревуцкой.

Чтобы окунуться во взрослое детство.

Thursday, August 5th, 2010

Когда на востоке и юге уже стемнело, западные окна вдруг осветились зловещим помпейским светом. Воспаленное небо погромыхивало и потрескивало безо всякого намека на дождь.

Как будто до нас дотянулся солнечный протуберанец.

Кот вернулся с крыши от греха подальше.

Минут 15 попугало, потом все погасло и притихло. Духота только жуткая.

Что-то будет утром.

Wednesday, August 25th, 2010

Все утренние дела сделаны: поел, погулял, погрыз травки. За окном уже белый день, а в комнате еще не выключена лампа. Кот смотрит прямо на нее. Свет лампы отражается в зрачках, золотит шерстку на груди.

Он не мигает, не шевелится - задумался. Так от века смотрят кошки на огонь древнего костра, на горящие угли в камине или на тлеющие поленца в деревенской печке. Может быть, и ночные звезды им кажутся далекими очагами родных планет, откуда они прибыли на Землю вместе с навестившими нас Странниками.

Существует научное мнение, что по генетическому разнообразию кошек можно судить о об этногенезе и миграции древних народов. Не отвлечься ли исследователям космоса от разглядывания элементов славянской руницы на пыльных тропинках далеких планет и не сосредоточить ли усилия на поиске кошачьих следов? И не создать ли сетку космических пеленгов, используя кошек на крышах в качестве пеленгаторов?

Потому что кошки сами по себе тайны не откроют.

Или миссия на Земле у них, у кошек, другая, или забыли они про нее - увлеклись сначала мышами, а потом Вискасом, Фрискасом и Китикэтом.

Или прикидываются и ждут своего часа.

Нашего общего часа!

ПАСТОРАЛЬНОЕ

На 10 дней была забыта городская жизнь. 10 дней лучшим для меня местом был зеленый склон холма над небольшим озером в центральной части молдавских Кодр.

Я поднималась к старому боярышнику, в широкой кроне которого и в близких кустах шиповника живут воробьи. Они деловито и, что странно, молча сновали вокруг. Сытое время, спорить не о чем.

Тишина стояла такая, что был слышен прерывистый шорох, вернее, трепет воробьиных перышек в полете: такое нежное «фр-р-р».

Сизое утро переходило в ясный день, когда, казалось, можно раз-

глядеть даже листья деревьев на другом берегу озера. По дороге проезжала повозка, и звук копыт гнедой лошади неторопливо отсчитывал время.

Рыба всплескивала в воде, оставляя бесконечно долго расходящиеся круги. В выходные дни со стороны села, а потом с дороги раздавались длинные гудки машин: осень - пора свадеб.

Колокола на монастырской звоннице звали к службе ровным перезвоном.

Когда солнце склонялось к одному из холмов, воробьи группировались в невысокой траве в стайки персон по 25-30, потом хором вскрикивали что-то типа ЙЕХ! и стремительным броском безошибочно залетали в густое переплетение ветвей - кто в боярышник, кто в шиповник. Практически сразу после этого начинали сгущаться тени и становилось трудно читать.

Я понимала, что пора и мне спускаться вниз, в быстро наступающие сумерки.

К розам, лечебной воде, привычно пугающим новостям по телевизору, друзьям и многочисленным котам.

Ну, о котах речь впереди, как же без них.

ПАСМУРНЫЙ ДЕНЬ

В пасмурный день тоже неплохо пройтись по окрестностям.

Яркое солнце побуждает тебя на какие-то действия, начинаешь мысленно загибать пальцы: это надо сделать, и это, и это...и покоя как ни бывало. А ровный слой облаков, дозируя солнечные лучи, помогает без прищуря разглядывать мир, который от этого не только не теряет красок, но даже приобретает новые оттенки. И открывается новыми деталями.

Поднимешься по тропинке на дамбу, а за ней - как будто другой пейзаж. Вода озера отсвечивает не простодушной бирюзой, а благородным перламутром. Просветы в облаках на горизонте открывают дальние холмы за селом.

Посреди заросшего травой и кустами заливного лужка вольно стоит, не боясь ветра, крепкое дерево. Даже в такой день под его плотной кроной угадывается тень.

Полуразрушенный домишко трогательно выглянул из зарослей одичавших кустов. Сквозь них пробираются хорошо воспитанные

длинноногие подростки-индюшата, деликатно пререговариваются друг с другом коротким курлыканьем.

Угловая колонна маленькой терраски хорошо сохранилась, только штукатурка местами осыпалась. Стало видно, как аккуратно выложены кирпичи в ее основании.

Хороший хозяин любовно строил дом, сажал около него яблони и орехи, кусты малины и смородины, украшал палисадник георгинами, а потом что-то заставило его все бросить и уехать.

Ни оконных рам ни дверей не осталось, осыпаются стены, высохли ветви яблонь, а колонны все упрямятся, поддерживают крышу терраски и надежду: вдруг вернется прежняя жизнь?

Не вернется.

Пожалуй, все же не стоит долго гулять в пасмурную погоду.

ПОДКИДЫШ

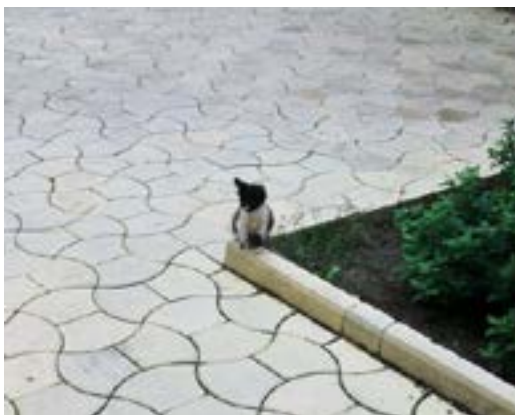
Отвлекусь от пейзажной лирики на котов.

Кошачье сообщество делится в этих местах на три социальные группы.

Первая - монастырские, хорошо кормленные, блестящие, элегантные.

Вторая - шайка нелегалов, которые в свободное время рассредоточены по кустам, а точно к завтраку, обеду и ужину собираются у столовой. Сердобольные постояльцы выносят им остатки диетпитания и раздают порции чуть ли по очереди. Нелегалы ведут себя прилично, потому что любое нарушение порядка вызывает санкции официальных лиц. С одной стороны, кошки берут на себя функции противомышиной службы, с другой - могут перейти опасный эпидемический рубеж. Поэтому в этом слое соблюдаются определенные правила поведения в расчете на паритет сил с дворниками и санитарными врачами. Поэтому же оседлые нелегалы сурово относятся к третьему слою: подкидышам. Жители окружающих сел иногда подбрасывают к хлебному месту ненужных в хозяйстве котят. Старожилы встречают их настороженно, сразу ставят на место и учат вести себя по законам сообщества. Кто побойчее, того довольно быстро принимают за своего. Один посидел недолго в одиночестве, потом выбрался на простор, решительно нахмурился и безошибочно направился к столовой. Там он молча пообщался с полосатым дежурным по столовой, и дело было улажено. Через несколько дней подросший новичок уже ловил свой хвост или играл травинкой.

Но следующий подкидыш оказался экземпляром гораздо более интересным.

Маленький, несчастный, с нелепо раскрашенной черно-белой мордочкой, бурым тельцем и облезлым хвостом. Кошки только шипели, проходя мимо. Еду он, конечно, получал, но пару дней сидел один-одинешенек на камешке.

И случилось захотеть пробежать мимо его камешка двум взрослым котам. Произошло невероятное: это облезлое недоразумение вдруг зашипело и выгнуло спинку. Хвост, правда, поджало, но это было видно только мне.

Один кот успел пролететь под куст, а второй опешил и осторожно обошел малыша по дуге. С тылу прошел -таки под куст к первому, но выйти они уже оба не смели: выход сторожил испуганный храбрец. Посидели, недовольные и недоумевающие, и отступили огородами, победа была за нами.

Но ведь холодно на камешке все время сидеть. Он огляделся и заметил зеленую садовую скамейку. На таких скамейках сидят только люди, кошкам нельзя.

Котишко подошел к скамейке, встал на цыпочки, вытянул передние лапки, зацепился за край

и застыл в задумчивости: высоко, сил не хватит, чтобы запрыгнуть. Долго думал. Отцепился от скамьи, сел. Еще подумал, покрутил головенкой. И пошел к другому, более низкому краю скамьи. Встал, примерился, запрыгнул и лег.

Он быстро научился смотреть в глаза и благодарно взмуркивать в ответ на угощение. Со скамейки его никто не сгонял, отдыхающие аккуратно присаживались по сторонам, чтобы не побеспокоить.

Так бы и дальше жил, да дожди начались. И на скамейке нехорошо под дождем.

И вот эта мозговая котлетка величиной с грецкий орех нашла выход: котик оставил свой пост и перебрался на ступеньки крытого крыльца.

Ему продолжали приносить еду и туда. Он ел аккуратно, не оставляя ни крошки. Другие коты к этому крыльцу не подходили - не полагается. И он к ним не подходил.

Так и стал жить с людьми.

Утром перед отъездом я его сфотографировала. Он не возражал, смотрел на меня грустно, но прямо, в упор, даже зрачки чуть сблизились. Глазки были уже не мутно-детские, а позеленели, шкурка погустела. Хвост - и тот стал зарастать шерсткой. Выходя к машине, я подумала, что пожала бы ему лапу на прощанье. За мужество и сообразительность. Но кто-то успел поставить на ступеньку коробочку, он в ней пригрелся и задремал.

Я не стала его будить, а просто пожелала удачи.

СВЕЖИЙ ВЕТЕР

Торопливо набегают, собираются прямо над головой и толпой устремляются неведь куда пухлые облака. Деревья в ложбине нервничают, словно хотят освободиться от корней и понестись вслед за этими шальными облаками в горизонтальном полете. Как фигуры на картинах Шагала.

Свежо и ярко в небе.

В [шкале ветров](#) есть такая графа: свежий ветер.

Правильное название придумали моряки.

У МОНАСТЫРСКИХ ВОРОТ

Санаторий располагается на землях, которые ранее принадлежали монастырю.

Монастырь основан в 18 веке, перестраивался, менялся, потом, разумеется, был ликвидирован, и на его месте построили санаторий.

В один из моих давних приездов я жила в монастырском корпусе, в келье с толстыми белеными стенами, в отдалении от клуба, в тишине и покое.

Пройдя вверх по склону холма, можно было увидеть вросшие в землю и полусасыпанные осенней листвой надгробия заброшенных могил.

Неподалеку среди стройных буков стоял огромный старый дуб, который наверняка все видел и все помнил.

Хорошо было ходить по лесу под высокими светлыми буками, только иногда боязно: пару раз показалось, что мы проходили неподалеку

от лежек кабанов. Знающие люди говорили, что кабаны на самом деле водятся в этих местах.

Сейчас туда напрямую не пройти, территория возвращена мужскому монастырю, который перекрывает часть санаторского парка.

У развилки аллеи, метров за 100-150 до монастырских ворот, стоит деревянное распятие.

Ворота прикрыты, но слева, в стене, уже требующей ремонта, даром что не древняя, распахнута калитка.

Я заглянула за ограду, прошла немного по зеленому двору с ухоженными клумбами. Хотела спросить, можно ли фотографировать внутри монастыря, но не увидела ни души.

Если, конечно, не считать двух кошек и собаки, сидящей на привязи в дальнем углу.

У келейного здания стояли 2 иномарки.

Сделала я пару фотографий кошек и куполов закрытого храма и отступила.

В воскресенье утром был слышен недолгий колокольный звон, и у озера встретились мне стройные молодые женщины с покрытыми головами, идущие от монастыря в село.

Значит, службы в монастырском храме открыты.

Источник чистой и вкусной воды перед воротами доступен всем, освящен, ухожен и убран в традиционном молдавском стиле. В Молдове очень береж-

но, даже трогательно относятся к источникам воды: они всегда защищены крышей от непогоды, обложены камнем, и рядом с ними обычно стоит распятие.

Вода тихо журчит, и мне, уже свыкшейся со счетчиками, хотелось найти и закрыть кран: утекает же!:)

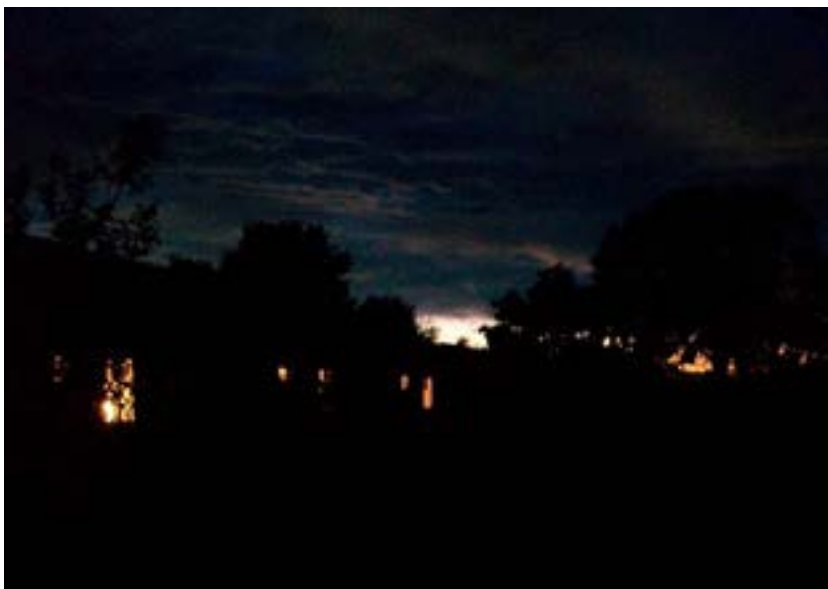
С 18 века журчит.

Все, конечно, течет и меняется, да не все иссякает.

Monday, September 20th, 2010

ВЕЧЕР В ДЕРЕВНЕ

Мы решили принести родниковой воды для последнего перед отъездом чаепития.

Только-только зашло за холмы солнце, еще закат бросал розовые отблески на тучи, а в низине уже загорелся свет в окнах маленьких домов на обочине.

Хорошо, что успели заметить их перекличку с закатом и сделать снимок: когда мы возвращались, совсем стемнело.

Окна в ночи выглядели маяками, потому что ветки деревьев то заслоняли их черными штрихами, то отклонялись, и тогда яснее видна была дорога.

Кто-то торопился на этот свет домой, а мы прошли мимо.

Нас ждут за другими окнами.

НОЯБРЬ

Конечно, и багрец, и золото,
и очей очарованье, а все ж
унылая пора.

Отряхает последние листы с
нагих своих ветвей.

И непонятно, что день грядущий
нам готовит.

НОЯБРЬ. ТУМАНЫ, ЦВЕТЫ ЗАПОЗДАЛЫЕ И ПРОГНОЗЫ НА БУДУЩЕЕ.

Странно ведет себя погода в этом году. Сначала прекрасная, многообещающая весна - с пышными травами, с сияющим небом или светлыми бурными ливнями, с яркими цветами, обильной завязью плодов. И следом - знойное, злое лето размеренно сжигало, высушивало молодую зелень. Это напоминало неудачное замужество рано созревшей, но неопытной девочки. Слишком быстро отцвела ее красота, старшие дети вышли корявыми и неудачливыми, жадный супруг при первом же похолодании отбыл куда-то на юга, оставив ей скомканные, порыжевшие банкноты, давно вышедшие из обращения, в кладовой - то ли луковичку, то ли лирепку. И нечаянного позднего ребенка.

На короткое время она даже вздохнула с облегчением, огляделась вокруг, выпрямила спинку, достала из сундуков, еще из приданого, забытые яркие наряды, расчесала спутанные волосы - уже не те, пышные и блестящие, а редкие прядки с неровно крашенной сединой, глянула в зеркало и увидела озабоченное лицо и затуманенный взгляд. Зато рядом стоит поздний ребенок, смотрит с восторгом на ее отражение: ты такая красивая!

А что, пусть все вокруг голо, но сквозь туман бодро просвечивает полосатая труба, вон там группка красных рябин, у дороги ветки указывают верный путь сигнальными флажками, тут еще не сдается желтой осени молодой клен, а там лист платана запутался в облетевшей вишне, не хочет на землю, под грабли и на свалку.

Вместо зеленой, с белыми шишечками, горжетки хмеля с оконной рамы свисает неряшливая сухая гирлянда, дикий виноград вообще исчез, даже не успев покраснеть, но среди мусора и сырости распахнул наивно реснички радостный цветок календулы. Осень такая теплая, вдруг ему еще повезет, и он успеет повзрослеть и сохранить коробочку с семенами до следующей весны.

Кто знает, может быть, следующий год будет удачным как раз для таких стойких цветов запоздалых.

Опытные главные метеорологи в ответ на приставания журналистов пожимают плечами: «поживем-увидим».

АВТОГРАФЫ

Посмотрела автографы знаменитых людей, выложенные dgz

Интересно, но ничего неожиданного. Когда знаешь человека, тем более знаменитого, его манера расписываться кажется логичной.

А вот наоборот - умение по росписи описать незнакомую личность, наверное, доступно только специалисту. Я могу предположить разве что образование и склад характера.

При этом встречала хороших хирургов с неуверенной, даже робкой росписью. Не размашистой, как можно ожидать, не торопливой закорючкой, а такой... меленькой, остороженькой.

А скальпель держат недрогнувшей рукой. Ищи тут логику.

Tuesday, November 30th, 2010

НОЯБРЬ

Все, последний день.

Туманны перспективы и беспокоит вопрос: «осень, что же будет завтра с нами»?

Завтра будет декабрь, зима и снег.

Поживем - расскажем.

ДЕКАБРЬ. ЗИМНИЙ СВЕТ

Грачиные стаи волнами накатывали на город, пережидали на холодных деревьях ночь и с рассветом летели дальше, подгоняемые наступающим снегом.

Туманы поднимались вслед за ними, но цеплялись за ветки и бессильно повисали клочьями. Из клочьев выпутывались сороки и раздраженно кричали вслед грачам.

Переполненное влагой небо было готово опуститься на землю.

Не зря спешили грачи.

Небо прорвало. Всю ночь валили из него крупные мокрые хлопья, что-то стучало, трещало и капало.

Но бурная ночь, как классиком было верно замечено, не разрешилась «дождливым утром, утром без отрады».

Наутро за окнами - бело, сине и светло. Встало солнце, и заскучавшие было листья бегонии ожили, радостно засветились в его свете, как детские ладошки, поднесенные к лампочке.

Луч солнца мимоходом заглянул и в другое окно, пробежал по полоскам жалюзи, как по клавишам: декабрьский день недолог, надо успеть всех порадовать.

Цветок календулы за окном хоть и склонил голову под тяжелой снежной шапкой, упрямо не верит прогнозам и не теряет оранжевой яркости.

Пересадить его в вазон и поставить в тепло, что ли.

Переломить, так сказать, ход времен?

ОТОДВИНУЛ ОБЛАКО

- Это мы.
- Да... да... да...
- Вставай...
- Да-да-да. Я встаю...

Встаю и иду за пакетиком.

КАНУН

Я люблю этот день. С него начал прибывать свет.

И всегда - в который раз! - перечитываю свой давний текст. Он странным образом ходит вокруг меня кругами и попадает в руки как раз к этому дню.

Я раз за разом выкладываю его и почти сразу убираю, пугаясь, как мне кажется, его излишней открытости «граду и миру».

Но я уверена, что один человек успеет его прочесть - тоже в который раз!

Уж он-то все понимает.

OUR DEBTS

“... And forgive us our debts as we forgive our debtors...”

Сочельник, пахнет хвоей, воском и ванилью. А мы наряжаем елку: легкие хрупкие шары, блестящая мишура и, главное, – игрушки, сделанные мамой.

Игрушки для рождественской елки делались так: сначала из мягкой, скорее всего, медной, потому что я помню ее красновато-золотой блеск, проволоки сплетался скелетик будущего сказочного героя. Постепенно он обрастал плотью из слоев ваты, смоченной клейстером (заварным клеем из муки). Когда фигурка была сформирована и еще раз покрыта слоем клея, к ней добавляли мелочи, вырезанные из бумаги: клювы, кружочки глаз, шляпы и прочее. Все это вывешивалось для просушки дня на два.

А потом фигурки раскрашивались по гладкому засохшему слою клея гуашью или акварелью и оживали прямо в маминых руках. Все герои известных и выдуманных мамой сказок побывали на наших елках. Зайцы в лубяных избушках, хитрые лисы, кот в сапогах и храбрый портняжка, злые или глупые волки, бестолковый тяжелый медведь из «Теремка», ну и Красная шапочка, конечно.

Сидишь рядом, немного помогая и немного мешая, и слушаешь сказки или жутковатые истории, в которых сырые малютки, посиневшие и дрожащие, чудесным образом были спасены от холода и голода в Рождественскую ночь, или, наоборот, всем пакостил резвый черт, усмиренный потом кузнецом Вакулой.

И были волхвы, Вифлеемская звезда, родившийся в дороге младенец, которого мог погубить царь Ирод, и надо было прятаться...

— Как ты во время войны?

Мама очень любила Рождество и отмечали мы его дважды, но мне первое нравилось больше, казалось настоящим праздником, а второе стояло в очереди бесконечных зимних утренников, ночного шума за окнами и усталых лиц знакомых.

Из маминых игрушек у меня хранится львенок Бонифаций, сотворенный ею из мягкой ткани и кусочка меха. У него получилось лицо веселого заинтересованного собеседника; он помогал мне на всех экзаменах, и даже своим любимым малышам я позволяла только подержать его, боясь, что куда-нибудь забросят, наигравшись.

***

Какими они были на первый взгляд разными. И как она его любила – до полного самоотречения!

Отец был военным врачом, достойно перенес все тяготы военной жизни, все отступления, окружения, наступления, сохранив чувство юмора, которым были окрашены его военные воспоминания.

Помню рассказ о нескольких генеральских задах, не поместившихся под столом и истыканных осколками влетевших в комнату оконных стекол при близком разрыве бомбы в Сталинграде. Генералы, правда, серьезно не пострадали. Отец наблюдал эту картину, стоя в простенке между окнами, и тоже остался цел, не считая задетого стеклом мизинца. Кажется, это была его единственная военная травма. Он всегда забавно гордился своим везением в мелочах, как он это называл.

В годы моего детства он был поглощен работой и в обычной жизни терялся перед незатейливыми бытовыми сложностями. Растерянность отражалась в застенчивой улыбке или коротком мягком смехе, при этом его значительное, патрицианское лицо становилось моложе и выдавало характер.

Вся бытовая сторона жизни обеспечивалась мамой, которая оставила работу. Она была зубным врачом, но вполне могла быть министром по чрезвычайным ситуациям - спасала соседей и прохожих, открывала случайно захлопнувшиеся чужие двери, чинила телевизор и уют, по ночам делала за сестру курсовые по какой-нибудь политэкономии, а за меня рисовала стенгазеты. Почему-то очень любила Достоевского и Диккенса и часто перечитывала их, тоже по ночам, когда отступали дневные заботы.

Отец отдавал должное ее талантам, жизненной энергии, яркости, но одновременно ему очень нравились тонкие, светловолосые, слабые и милые женщины, которым их мужья, не стесняясь, помогают сменить в фойе концертного зала уличную обувь на изящные лодочки.

А мама как-то бежала за отцом с его сапогами, потому что он сорвался с места, не успев толком одеться, на срочный вызов к внезапно отяжелевшему больному.

Я помню, когда мы еще жили в военном городке недалеко от госпиталя, в типовом финском домике, в нашу комнату ввалился вдребезги пьяный строевой майор и очень недружелюбно удивился вставшему навстречу отцу: а это еще кто? Папа, растерявшись, ответил всплывшей из подкормки фразой: чем могу служить?

Майор слово «служить» знал, но в

другом контексте, потому впал, в свою очередь, в некоторое замешательство. А вот этим уже воспользовалась мама, и ее подкорка ощетинилась одним стремлением - защитить отца! Безо всяких вопросов мама лихо вытолкала непрошеного гостя на крыльцо и захлопнула дверь. Раздался страшный мат майора, который посчитал себя несправедливо изгнанным из собственного дома, потом грохот какого-то корыта, в которое майор, оступившись, свалился со ступенек крыльца. На шум выскочил сосед, как он сам потом рассказывал, с табельным пистолетом, но узнал в майоре заблудившегося во хмелю сослуживца. Корыто еще немного погромыхало, мат повеселел и зазвучал дуэтом, постепенно удаляясь. Все произошло так быстро, что когда наступила тишина, я сидела, оцепенев, а у мамы еще горели боевым огнем яркие глаза, отец коротко рассмеялся, пожал плечами и сказал: черт знает что!

У нее было прекрасное имя – Мария. Когда передавали по радио или по телевизору арию Мазепы «О, Мария! Люблю тебя!», мама смеялась, а отец мрачнел. Потом выяснилось, что когда летом на гастроли в их небольшой город приезжали артисты из Киева, они жили на частных квартирах и очень любили останавливаться в доме бабушки, где сохранилось пианино фирмы Hermann Maier с замечательно глубоким звуком.

Старый дом, дверь, открытая на балкон, «сияла ночь, лунной был полон сад», отпуск, музыка, атмосфера праздника по-разному, очевидно, запомнились моим родителям.

Мама, впрочем, смеялась без всякого смущения – для нее никого, кроме отца, не существовало никогда.

Когда по радио передавали Ave Maria Шуберта или Гуно, никто из них не смеялся и никто не мрачнел, они просто задумывались и не сразу возвращались к течению обычной жизни.

Несмотря на веселую, казалось, энергию, у нее во взгляде можно было заметить легкую грусть, это хорошо было видно через объектив фотоаппарата, когда надо было навести на резкость.

Она знала что-то еще, о чем никогда не говорила.

Когда у нее случился инсульт, она не потеряла речи. И все старалась нас рассмешить и показать, что умирать не страшно. Болезнь ее как-то раскрепостила, возможно, это было связано с характером поражения мозга, а может быть, потому, что мы все были рядом с ней. Шутки ее стали неожиданными, иногда на самом деле очень смешными, и мы все две недели ее болезни с ужасом смеялись. Ночью в полусне – полубреду ей чудились чистые детские голоса, поющие в храме, и она с грустным удовольствием в них вслушивалась.

И все жалела, что не успела нарисовать, как на белом снегу играет пара горностаичиков с черными кончиками хвостов и блестящими черными глазками. И водила по воздуху, как бы рисуя, похудевшей рукой : вот они прервали игру, один пригнулся, а другой стоит столбиком и осматривается.

Болезнь распространялась, завоеывая мозг, и она ушла сквозь свои воспоминания в кому, успев сказать отцу: «ты в моей душе остался навсегда».

Через пару лет после маминой смерти я навестила в Киеве ее сестру и увидела на книжной полке майолику: два горностайчика, один пригнулся, а другой стоит столбиком, осматривается.

— Давно они у вас? — спросила я.

— Года два, — ответила мамина сестра, — они мне так понравились, что я купила две пары, возьми себе одну.

Отец, физически крепкий, гордившийся тем, что может взбежать на пятый этаж без одышки, через три недели после маминой смерти тоже заболел. Он выжил, прожил несколько лет, окруженный любящими детьми, но это была другая жизнь – без нее. Жизнь, потерявшая опору и главный смысл.

С ним осталась только музыка и Ave Maria...

Мама родилась и провела детские годы в Варшаве, в ее речи угадывался легкий польский акцент – взЯуа, с’Ушаю и она часто восклицала: Йезус Мария! Так часто, что мой сын лет до пяти, чему-нибудь поразившись, поминал и Йезуса, и Матку Боску Ченстоховску. Восклицания были совершенно бытовыми, потому что семья формально была православной, хотя и с примесью всякого разного: и католического, и протестантского, а позже и иудейского.

Она, смеясь, говорила, что один из ее прадедов был «помгетмана Запорожской Сечи по политической части» и украл себе в жены турчанку.

Верится до сих пор.

Повзрослев, я почти всерьез сформулировала отношение к религии в нашей семье – экуменический атеизм.

Я люблю изображения Богородицы, более всех - нежную Сикстинскую мадонну, в приглушенном сиянии глаз которой угадывается знание грядущего, и близкую ей, но с более осознанным пониманием судьбы Богоматерь Васнецова. Они всегда напоминают мне маму, не портретным сходством, а именно этим грустным знанием во взгляде.

Когда я оказываюсь в храме перед иконой Божьей Матери и смотрю на нее поверх живого огонька свечи, у меня возникает смутное беспокойство. Она приняла судьбу, но выбор был не ее!

Я не хочу, чтобы мои слова звучали богохульством. Однако, хоть и смущенно, не могу преодолеть своего несогласия. Не смея усомниться в выборе и приняв его, Дева Мария «без ропота и жалоб» столько лет жила в постоянной тревоге.

И принесла в жертву больше, чем себя.

Вместо молитвы я шепчу ей слова утешения.

Уж прости меня, Господи.

Матку Боску Ченстоховску мне все же удалось увидеть.

Когда случилось отправиться в Польшу близкому мне человеку, я попросила его привезти образ Ченстоховской Божьей Матери. Он постоял на мамином перекрестке - Маршалковской и Аллей Ерозолимских, а потом в Варшавской Курии, где его поразил удивительный свет безлюдных сводчатых коридоров, среди многочисленных изображений Мадонны выбрал одно и привез мне. У нее оказалось милое юное крестьянское лицо со знакомым выражением покорной нежной грусти. И я успокоилась, поглядев в это лицо, я ее узнала и приняла.

...And forgive me my debts and my DOUBTS too...

Я не удивилась, когда мой сын сказал, что если у него родится дочь, он назовет ее именем мамы.

А ПОУТРУ ОНИ ПРОСНУЛИСЬ

Рано-рано утром, когда в доме еще тихо и пусто, идешь к компьютеру.

Но кот тоже проснулся, и прежде всех дел надо его накормить, а не торчать перед экраном, пренебрегая бедным голодным зверем.

Кот не ходит в магазин, не может достать и открыть пакетика, не может налить себе свежей воды, не может открыть окна. Он вынужден прибегать к просьбам.

Несмотря на свой эгоцентризм, он соблюдает неписанные законы общения. Они у кота в генах записаны.

Иногда его хочется подразнить.

Он идет за тобой следом, запрыгивает на стол и подставляет шейку. Это взятка и намек. Почесал - пошли за пакетиком!

Никто не идет.

Он каменеет перед монитором с выражением лица карманника: смесь напряжения и преувеличенного безразличия. Сдвинуть его в сторону невозможно. Надо привстать или отклониться на пизанский манер, чтобы увидеть курсор.

Сидит.

Но есть-то ему хочется, у него режим. Кот ценит свои стереотипы и заведенный порядок.

Он вздыхает и протягивает лапу, касается руки, отводя взгляд в сторону. Ему неловко унижаться: ну пойдём же!

Не помогает.

— Мр-рр!! — все еще вежливая просьба. Нет реакции.

Он коротко и жестко взглядывает в упор.

— Не-а.

— Как, и после этого ты не встаешь, не проваливаешься сквозь землю от стыда, а смеешься?

Да вот, никто не встает и не проваливается.

Спрыгивает со стола, выходит, стараясь громко топтать, на квартирный перекресток и говорит: м-а-аа-уу!!

— Тихо! Все еще спят!

— МА_А- А- А- А-А_У!!!!

Вспоминаешь [Simon's Cat](#) и покорно идешь за пакетиком. Заодно уже варишь себе кофе.

Ага, себе. Как же.

Он уже поел и сидит на маленьком столе перед микроволновкой, в которой мы научились варить кофе.

— Котам нельзя!

— Можно! - даже ухом не ведет.

Аромат кофе доставляет ему особое удовольствие, он гурман. Ловит флюиды.

Наконец, сыт, пьян кофейным ароматом и приходит в приятное расположение духа. Теперь ему хочется поваляться на диванчике и порешать вчерашний теткин кроссворд.

— Подвинься! Это мое место!

— А вот тебе! Теперь ты попроси!

ГОД КОТА

Монархи, президенты, записные демократы, последние диктаторы на всех каналах желали самим себе новых свершений и напряженно всматривались в текст электронной подсказки.

Боялись упустить что-то особенно заманчивое.

Астрологи заходились в попытках скрестить невинных кроликов с хищными котами, путая что-то китайское с чем-то японским. Выходило, что покупать надо всё.

А нам хотелось выпить за удачу любимых родных и дружественных лиц неофициальных, живущих в соседнем дворе разных часовых поясах.

Шампанское - чистый брют!!! - мы стали наливать задолго до полуночи: поясов, начиная с Якутска и заканчивая Сан-Франциско, набралось много. Брют «добре п'ється», вскипает в крови надеждами и легко воспаряет, не оставляя осадка.

Только кот, обалдевший от нарушения режима, пытался понять, что происходит в телевизоре.

Отвлекись, Кот, все будет, как всегда.

ЯНВАРЬ

Восход. Багровый и туманный, как заря коммунизма.

ЛЕТО ЕЩЕ ВЕРНЕТСЯ?

ЯНВАРЬ

Это мой собственный снег!

Каким он кажется легким

На плетеной шляпе моей!

Зима в этом году мягкая, туманная. Но вот ночью подморозило, и вечерний туман к утру осел на мир невесомым инеем. У моей березы появилась белая корона.

Заслонился ажуром жасминовых веток обнаженный платан. Колючие шарики его плодов эффектно украшены морозными блестками.

Даже проволочная ограда, опушенная инеем, выглядит мирно, несмотря на ассоциацию с небом в клеточку.

Каждый день я прохожу привычной дорогой мимо хорошо знакомых деревьев и кустов, и каждый день они другие.

Мне не скучно наблюдать за ними уже ...ну, уже много лет.

За окном лаборатории с вишневых веток, потревоженных синицами, мелкими крошками осыпался иней. На дальних подступах обозначились грачи. Птицы заметили меня издалека и слетаются к окну. Знают, что я не обману их ожиданий и насыплю на подоконник семечек.

Они тоже наблюдают за мной.

ФЕВРАЛЬ. СТОРОНЫ СВЕТА

LBET, CBET

МАРТ У ПОРОГА

Стайка из 5-6 птиц опустилась утром на клен. Мой карманный аппаратик так далеко подробностей не видит, но сомнений не было - это, конечно, снегири. Самцы яркие, у самочек краски словно пеплом подернуты.

Ухоженные, румяные, правильно воспитанные, как дети из хороших семей.

Один попал в солнечный луч, засветился в нем красной грудкой и замер на минуту.

Спасибо, я успела сделать снимок.

Они ловко вынимали из коробочек кленовые семена, красиво сбрасывали вниз пустые парашютики.

Отдохнули, поели и дальше полетели.

Воробьи встрепенулись и почирикали оживленно: снегири воробьям не конкуренты, а вестники перемен. В ноябре их пролет к холодам, в феврале - к весне.

И стало заметно, что хотя снег еще подсыпает, кора на ветках уже меняет цвет с зимней сепии на весеннюю прозелень.

Март у порога.

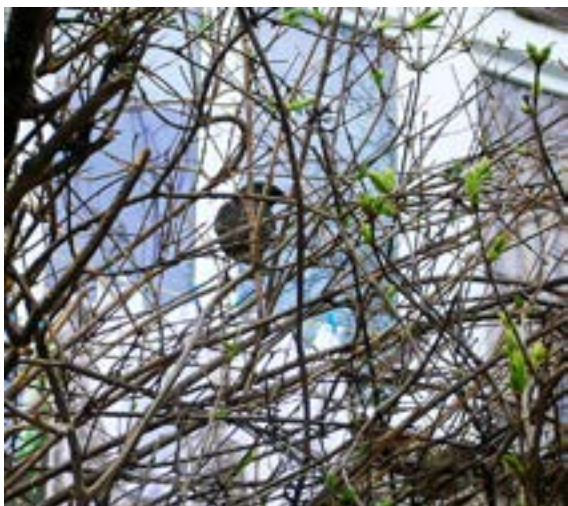
АПРЕЛЬ. СКВОРЕЦ ВЕРНУЛСЯ!

Апрель подкрался незаметно.

Несмотря на плотно обложенное серыми облаками небо, на деревьях проклюнулись почки, под ногами зазеленела трава и на наших лужайках развернулись коврики, сотканые из фиалок.

Фиалки еще на таких коротких стебельках, что сорвать их трудно. Да и вообще - зачем срывать?

На южной стороне пригорка засветились, как свечи в канделябрах, бутоны желтого первоцвета.

Но главное, главное - первый скворец вернулся во двор!

Я узнала об этом случайно, когда проходила мимо воробьиного куста. На фоне привычного чириканья вдруг раздались короткие переливы совсем других мелодий. Как если бы настраивал инструменты камерный оркестр. Вот флейта, вот скрипка, а вот теплый женский голос пропел несколько нот и трелью рассыпал нежный смех.

С ума сойти!

Из пересмешников я знаю только скворцов, но где же он? Пригляделась и вижу: на верхушке куста сидит один встрепанный скворец. На щелчок фотоаппарата компа-

ния привычно ринулась вниз, под защиту веток. И скворец с ними - в самую середину. Домой, значит, вернулся, а воробьи его узнали, приняли и поделились укрытием.

Воробьев на снимке пять штук, и не разглядишь всех сразу. Куст-загадка.

Квартир свободных в этом году полно, разборок из-за жилплощади не предвидится, и воробьи полны радушия. В благодарность за заботу и от радости возвращения он поет им песни, подслушанные в теплых краях.

Может, на Таити?

Повеселел маленький песик, которого я подкармливала зимой. Не пес, а недоразумение.

Альфа-самка в институтской стае, высоконогая светло-серая собака, не подумав, явно на безрыбье, уступила его ухаживаниям. За что, отойдя от наваждения, и возненавидела. Мезальянс, знаете ли.

Разрешила ему держаться поблизости, но отбирала каждый кусок. Поэтому все, что ему предлагалось, он старался проглотить еще в воздухе, иначе немедленно лишался еды: у дамы сердца крепкие бока и суровый нрав.

Коня на скаку остановит, не то что этот черный спутанный клубок.

Я наловчилась бросать косточку сначала ей и подальше. Пока леди ее догоняла, песик успевал ухватить свою порцию.

Обычно он сидит столбиком у дороги, большой ушастой головой напоминая норштейновского Волчка из «Сказки сказок». Заметив фигуру на дороге, начинает вглядываться медвежьими коричневыми глазками.

Иногда кажется, что у него близорукость. А может быть, я каждый день другая? Узнав меня, несется стремглав, извиваясь всем телом от ушей до огрызка хвоста.

Сделать его нормальный портрет вблизи не получается: Волчок волчком вертится.

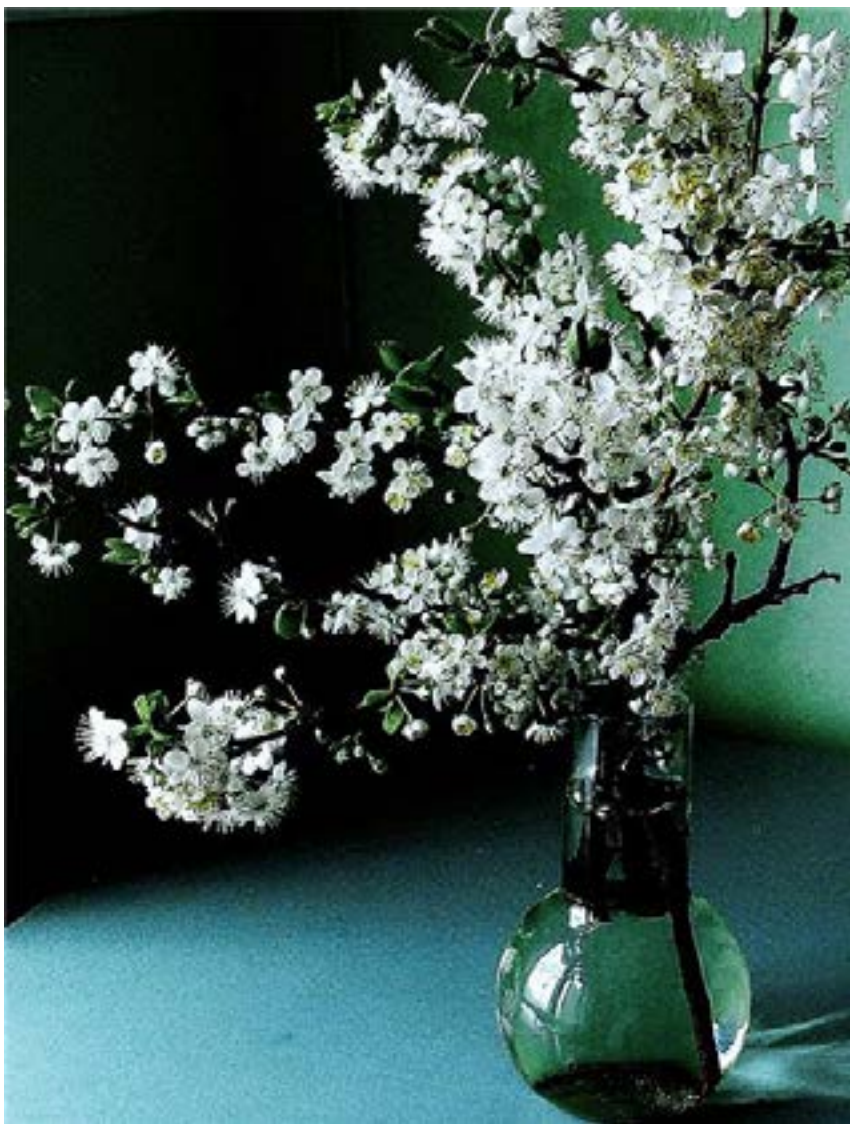
Я строго говорю ему: иди к окну. Не хочу, чтобы это несчастье подавилось едой, глотая ее в воздухе. Он бежит впереди меня к лаборатории и занимает позицию под окном. Парень вообще-то туповат, но команду «к окну» стал понимать.

Постепенно он окреп и теперь чувствует себя во дворе спокойно, подкрепляясь уже в разных местах. Разобрался.

В свою очередь, дама в сером на сносях.

Посмотрим, на кого щенки будут похожи.

ВЕТКА СЛИВЫ

*Сливы весенний цвет
Дарит свой аромат человеку...
Тому, кто ветку сломал*

- Тиё

ЛАБОРАТОРНЫЙ ЭТЮД

А вода-то живая!

Надо бы положить рядом и молодильное яблоко, да где
возьмешь.

Минула весенняя ночь.

Белый рассвет обернулся

Морем вишен в цвету

- Басё

За одну теплую ночь по всей округе расцвели вишни.

Солнце только-только взошло, и в еще не жарких его лучах «деревья стоят голубые».

И одуванчики вчера едва заметны были в траве, а сегодня их море разливанное. Даже из трещин дорожного асфальта выглядывают, как птенцы из гнезда. Тянутся к теплу.

На подстриженном газоне (знай наших! - у хозяйственников появилась газонокосилка!) чередуются косые полосы света и тени.

Все вокруг свежо, известь на стволах тоже свежая. влажная, и хочется крикнуть сороке, которая степенно прогуливается по молодой траве между деревьями: осторожно, окрашено!

Кажется, опоздали: у сороки все бока белые.

Вечером постучали в дверь маленькие девочки, протянули три веточки: «Хотите купить?»

И тут же смутились: «Или так возьмите...»

Девочки домашние, с еще ясными прямыми взглядами. Знакомы мне по двору, как воробьи из куста, до которого они, похоже, смогли дотянуться.

Ну... договорились к обоюдному удовольствию.

«... И в лицо мне пахнула весенняя ночь благовонным дыханием сирени»

Рано утром в комнате свежо, душисто, и за окном тоже ясно и еще прозрачно.

Весна года.

КОТ И ТЕТКА

Привет всем котам на столе!

Есть у кота странные наклонности: то теткин вечерний чай с молоком норовит попробовать, то кофе из чашки лапой зачерпнет, то вот маслом сливочным заинтересовался.

Если просто предложить - игнорирует. Обязательно надо украдкой добраться.

Тетка к ночи обычно выставляла масло из холодильника на стол, чтобы утром его легче было намазывать на хлеб. Остальные члены семьи по разным причинам к маслу равнодушны.

С прошлой масленкой была долгая история непонимания. Выйдет в кухню - крышка рядом лежит.

Ну и вздохи начинались с воспитанием: ну почему, почему масленка без крышки стоит? Окно открыто, муха залетит, нехорошо, вредно, опасно! Дизентерия, холера, чума!!!

Тетка у нас некоторых микробов боится, купленную колбасу кипятком обливает, сердится, если от невымытой кусочек отрезать и съесть. Отец врачом -инфекционистом одно время служил, тогда часто дизентерия случалась. Тетка росла девочкой послушной, его советы запомнила. Про дизентерию и холеру особенно.

Ну так вот.

В какое-то утро пригляделись, а масло все в ямочках и мелких полосочках. Тетка чуть не в обмороке. Как!!! Я! ела! масло! вместе с котом?!

Успокаивали, втихую посмеиваясь: да нет, это следы специального ножа для масла, вот же зубчики на лезвии, потрогай, посмотри, ты ведь нож брала!

Нет, не нож, не те полосочки, это язык у него такой! Кот, покажи язык!!!!

Э...щас.

Сменили масленку. Поставили опыт. Вот результат.

Я не поленилась, приготовилась к съемке.

Оказывается, он и эту научился открывать, сдвигая крышку. Кот!!!

А кот слушает, да ест, даже на фотоаппарат не реагирует.

При всей своей привязанности к коту и даже, я бы сказала, полной ему подчиненности, тетка теперь держит масло только в холодильнике.

ой

А что я случайно встретила: [иллюстрации к моему давнему рассказу про кота](#).

Спасибо автору за фотографии, сделанные с той же любовью, что и я писала текст. На сайте сложная для меня система регистрации, так что говорю спасибо здесь.

Благодарю и кланяюсь.

Бывший Проклятый Ген, эсквайр

UPD нашла свой [оригинал](#) на славном сайте про котов.

Хороший сайт.

ТАКОЙ СЕРЫЙ, ТАКОЙ ОБЫКНОВЕННЫЙ

...Я с трудом подавила вздох, когда увидела его впервые: такой серый, такой обыкновенный!

Его принесли в дом малыши, хитростью заставили взять в руки. Он был таким маленьким, что легко помещался на ладони, но крепко упирался в нее ножками и смело таращил еще не совсем прозрачные глазки.

Конечно, он был оставлен, выкупан, вытерт и отдан сестре, на теплом и уютном плече которой досушивался, согревался и приходил в себя. Это плечо надолго стало для него надежным убежищем от беспокойных ручек наших мальчиков.

Он подкупил своей смышленостью, с первого раза запомнив, где его будут кормить, а где стоят лоханочки с песком. Быстро усвоил немудреное свое имя – Тимка, Тёмочка, Тимуся – и стремительно бежал-катился серым клубочком на зов.

Его легко было рисовать мягким простым карандашом параллельными штрихами разной длины: совсем короткими – треугольные ушки, более длинными – упитанные шерстяные щечки, очень короткими – еще тонкую шейку, подлиннее – плечики, самыми длинными – сытое брюшко и быстро сходящими на нет – бойкий хвостик.

Он быстро повзрослел, наел шею и натренировал мышцы, у него стали ясными глаза и выросла густая шерсть. Теперь его надо рисовать на леонардовском картоне сепией и белилами: обведенные темным веки, на лбу классическая буква М, египетские узоры по щекам к вискам, нежный белый подбородок, как будто освещенный снизу светом свечи, светлые блики около глаз, двойное темное ожерелье по плотной, цвета теплого оттенка светлой глины, шерсти на груди.

Он стал обладателем выразительных разноцветных, темных, белых и даже полосатых усов, растущих из трех параллельных рядов коричневых веснушек на так называемых пупочках. Что такое пупочки, я думаю, объяснять не надо.

Каждая шерстинка у него полосатая по вертикали: у корня блекло-серая, потом цвета песка, потом почти черная, а кончик или темный, или светлый в зависимости от зоны. По обе стороны от почти сливающихся темных полос вдоль хребта светлые кончики создают впечатление очень мелкого набрызга, поэтому наш кот при быстром взгляде на него напоминает летнего зайца-русака. В целом у него замечательная маскировочная окраска спецназа в камышах. Но если посмотреть на него внимательно, откроется много замечательных мелочей.

Вот он скромно то ли сидит, то ли лежит, сложив передние лапы муфточкой, прикрыв глаза и подвернув хвост. Спит. И только аккуратные ушки со светлой бахромкой, растущей вовнутрь, и элегантными раковинками локаторов у основания никогда не снимаются с боевого дежурства.

Кто-то хорошо скроил эту шкурку и пригнал на ладную тушку. Дырочки для довольно больших глаз тщательно отделаны темной кожей. По нижнему краю мохнатых верхних век, оказывается, растут настоящие золотисто-бежевые реснички, которые удлиняются к наружному краю глаза и усиливают сходство с египетскими фресками.

Только на носу закройщик немного запутался: на спинке носа встречаются четыре направления роста шерсти и на стыках образуются маленькие завихрения, похожие на рисунок железных опилок при демонстрации свойств магнита на уроке физики.

Вверх по переносице идет мех, влево и вправо - бархат, вниз – замша, переходящая в кирзовую мочку носа цвета терракоты, по контуру обведенную темным. Черные кожаные губки хорошо видны на светлом фоне и в хорошем настроении таят в себе чеширскую улыбку.

А лапы! Подошвы бархатные, почти черные, подушечки пальцев и ладошки сделаны из гладкой, лоснящейся черной кожи, а по тыльной стороне - песочного цвета набрызг по темному основному фону.

А живот! В отличие от гладкой, лоснящейся, даже искристой на свету темной полосато-пестрой спинки, шерсть на животе цвета морского песка, мягкая и пушистая, на внутренней стороне бедер она переходит в такие же светлые и пушистые штаны.

А хвост! Хвост у него добротный, гладкий, полосатый с черным кончиком, достаточно выразительный, чтобы оповещать присутствующих о настроении его обладателя. Когда зверь сидит на подоконнике, свесив хвост, за него очень хочется подергать, но кот удивленно оглядывается, блеснув крыжовенными глазами, издает короткий грассирующий звук, и вам становится стыдно: ваш замысел раскрыт. Во прощение вам будет разрешено погладить по затылочку и спинке. Может быть, он еще и помурлычет, и вы почувствуете себя совсем счастливым.

Он так совершенен, что возникает мысль о голубой крови, которая сохранилась в упрямых генах и теперь проявилась в этом дворовом экземпляре. Есть же отдельная порода европейских короткошерстных кошек – ЕКШ. Я думаю, он мог бы служить ее образцом. Если бы таких котов было мало, они стоили бы бешеных денег. И никто бы не увидел их на мусорке.

Я понимаю, что у него в роду не может быть собак, но откуда же у кота взялась манера здороваться, валясь на бок или даже спину и показывая беззащитный мягкий живот? Иногда так быстро, что боишься на него наступить, а иногда медленно, нехотя, как бы давая тебе взятку, принимаемую всегда с выгодными для него восторженными причитаниями.

Можно, конечно, рискнуть его погладить по этой мягкости, но надо делать это легко, без фамильярности: важно не превысить известный только ему лимит, иначе будете тотчас же наказаны не знающими жалости зубами и когтями. Его реакции мгновенны. Это уже не от собак, а скорее, от диких лесных котов. Физически наказать его невозможно: любое наказание только распалит.

Охладить это исчадие ада можно одним способом: коротко фукнуть раз или два через сомкнутые зубы, при этом получается какое-то шипящее кошачье ругательство, такое сильное, что приводит его в изумление. Он сначала застывает на месте, как в игре «замри», коротко взглядывает вам в глаза, не веря, что вы себе такое позволили, потом отводит взгляд, отступает, вжимает голову в недоуменно поднятые плечи и неохотно уходит боком, выгнувши на всякий случай спину, чтобы и при отступлении выглядеть достойно.

Он уже научился вырабатывать у вас нужные ему рефлексy, зная, например, что если рвать зубами книгу или газету или скрести когтем по оконному стеклу, человек обязательно вскочит со своего места. Еще очень хорошо действует попытка скинуть с полки на пол ту же книгу или тяжелые часы, подталкивая их бочком. И оглядываясь через плечо: он знает, что это нехорошо и его действие будет неизбежно пресечено, поэтому больше обозначает свое намерение, чем его осуществляет.

А зачем это все ему? А поиграть хочется! Так вот и зовет встать и побегать. Может и просто подойти, распушив хвост, подняв плечи, пристально, немного исподлобья смотрит при этом прямо в глаза – вызов! Вы делаете движение ему навстречу, он взвивается в воздух почти на метр, разворачивается на лету и поспешно уносится, ну а вы должны бежать следом. В противном случае это будет повторяться до бесконечности.

Он несется так быстро, что буксует на скользком полу на поворотах, или его заносит юзом, как в мультфильме. В каждой из комнат у него есть укромные места, чтобы спрятаться, где его ни за что не достать – всегда вашей руке для этого не хватает всего-навсего сантиметра. Отворачиваетесь, уходите, тогда коварный зверь бросается наперерез и старается перекусить, как какой-нибудь антилопе гну, ахиллово сухожилие. Он, правда, довольно быстро устает и, набегавшись, валится на пол и тяжело дышит, отдыхает, а вы пока можете спокойно пожить.

Его нельзя ни заставить, ни уговорить посидеть рядом, если ему не хочется. Это так непривычно! Все наши коты были очень ласковы, умиротворенно спали рядом, мурлыкали, согревали и всячески создавали кошачий уют.

Черта с два! Если этот деловито трусит куда-то по своим делам, а вы изловили его по дороге, взяли на руки и прижали к себе – а зачем еще нужен кот в городской квартире? – он обязательно вывернется и прыгнет на пол. И, взбрыкнув, умчится в другую комнату. Свобода – вот что для него самое важное.

У него есть свои тропы в доме, например, к окну он всегда проходит одним и тем же довольно длинным окольным путем, а не бежит напрямик: мало ли что подстерегает на середине комнаты!

За окном утром и после обеда кормятся птицы, у них тоже есть свой режим дня, и кот время от времени деловито вбегает в комнату, проверяя, не надо ли заступать в засаду. Мелкие птицы на кормушке его волнуют, но он относится к ним, как меломан к увертюре, предвкушая удовольствие от основного действия. Оно наступает, когда на подоконник опускается крупная добыча: сорока, сойка, дикие голуби.

Немедленно следует резкий бросок вперед, кот стучается лбом об стекло, птицы шарахаются в сторону и тяжело взлетают. Он нервно взмывает, размашисто ударяет хвостом, оглядывается, призывая вас в свидетели, и медленно приходя в себя, снова занимает позицию ожидания. Эх, дали бы ему волю!

Такой вроде бы независимый, он тем не менее очень не любит, когда кого-нибудь нет дома, и на дверной звонок несется стремглав, безошибочно угадывая, что пришел свой.

И в тихое сумеречное послеобеденное время, когда вы сидите в кресле с книгой, он все-таки сам придет и свернется у вас на коленях, и согреваясь, постепенно развернется, вытянется во сне во всю длину и даже закинёт руки за голову. Вот тогда любуйтесь, рассматривайте все кошачьи подробности, наслаждайтесь теплом и приятной тяжестью его тушки.

Где тот знаменитый восточный правитель, который отрезал полу дорогого халата или рукав, чтобы встав, не беспокоить спящего кота? Да вы себе ногу готовы отрезать! Никакой телефонный звонок – я занят! никакой гость – извините, не могу вас встретить! – не заставят вас сбросить кота с колен и встать.

Этот способ побездельничать никем в доме не оспаривается, это святое. Можно только позавидовать тому, кого он на этот раз осчастливил своим вниманием.

Вот и сейчас я пишу, а он пришел и сидит передо мной на письменном столе, который стоит вплотную к батарее отопления, греется и смотрит в окно. Все-таки ему приятно мое присутствие, он пришел ко мне из другой комнаты. За окном зима, смеркает, внизу во дворе еще ходят люди и незнакомые коты, ветер осторожно перебирает ветви деревьев, птиц нет, они прилетят к кормушке завтра утром. Нам с котом хорошо, иногда мы переглядываемся, и я говорю ему, какой он красивый, а он согласно прикрывает глаза и прячет свою чеширскую улыбку.

Кому-то серый, кому-то обыкновенный...

ПРОСНУЛИСЬ

Аха-ха, я сделала первый тэг.

Для любимого окна.

Иногда мне кажется, что вместо кофе я пью тормозную жидкость. Самая обыкновенная вещь меня вдруг может поставить в тупик: не хочу, не буду, не справлюсь, пустите меня в норку, в зимнюю спячку, в анабиоз! Я хочу превратиться в спору, как космонавт на длинные дистанции!

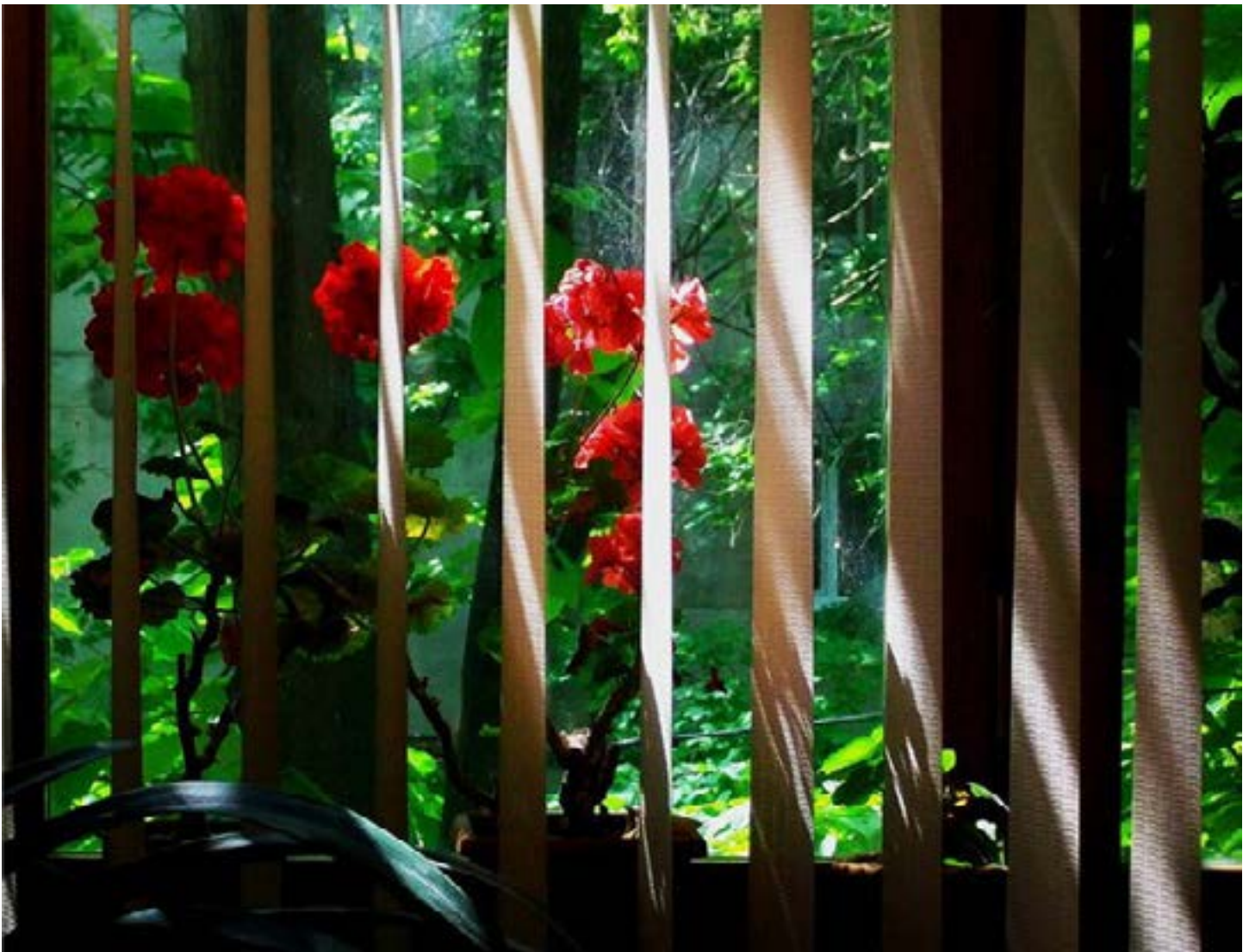
Спасибо lenulia_ms за толчок в спину. Оказывается, вписал и кликнул.

Вечно мне будут сопутствовать слова незабвенной Риммы Ароновны: «Как вы, ЕЕ, с вашим умом можете быть такой дурой!» Ага, но как приятно дураку проснуться поутру в росистой траве, почесать в затылке и сделать собственное открытие! Типа теории относительности на одесском чердаке, не ведая про Эйнштейна.

И даже если мое окно уже всем надоело, у него теперь есть собственная метка!

С первыми лучами утреннего солнца мы с геранью очнулись.

С добрым утром!

ПИОНЕР

Пока пасмурно, прохладно, куст ирисов выжидает, притаившись в дальнем углу сада.

Еще день-два - и он, глотнув солнца, взорвется синим с лиловым.

Один цветок не вытерпел, раскрылся.

Смельчак оценивает обстановку: пора? Не пора?

Пора!

ТЫ КТО?

Случайное знакомство.

Кошка сидела на чужом балконе.

Глаза, как спелый виноград на солнце. Мочка носа черная-черная, не сразу и разглядишь.

На белой манишке и подбородочке - розовый отсвет балконного диванчика.

На меня сначала глянула внимательно: ты кто?

Не признала, отвернулась - взгляд похолодел, виноградины позеленели.

Совсем потеряла интерес, отошла в угол, села у стены.

Глаза стали колдовскими, разноцветными.

А звать-то ее, оказывается, Катериной.

ПОСЛЕПОЛУДЕННЫЙ ОТДЫХ КОТА

Кот снова наслаждается летним теплом.

С годами начал ценить комфорт. Не хочет лежать на жестких волнах крыши, выбирает плоские солнечные места. Сибаритствует.

Синтезирует витамин D: подслушал разговоры про профилактику возрастного остеопороза.

Перегревшись, укладывается на сквознячке, проветривает шкурку.

Шкурка пахнет солнцем.

ПОСЛЕ ДОЖДЯ

— *Слушай, дурень. перестань*

Есть хозяйскую герань!

— *Ты попробуй. Очень вкусно.*

Точно лист жуешь капустный.

Мы с котом решили улучшить генофонд герани, которая с каждым поколением все больше слабеет. Завели себе несколько новых разноцветных кустиков с крепкой густой зеленью, поставили за окно.

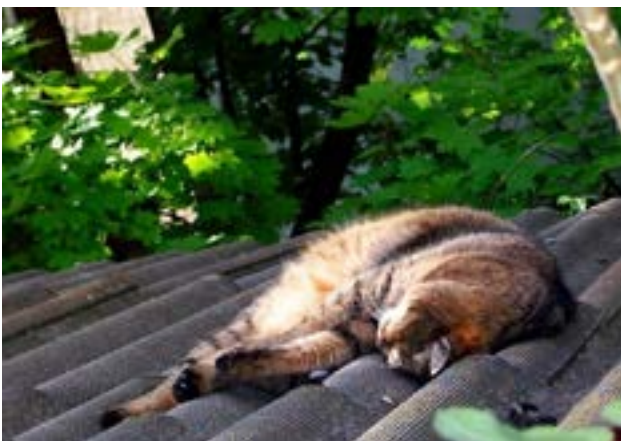
Вечером налетел шквал: темень, дождь, град, ветер. Налетел и улетел, а мы решили проверить, не унеслись ли вслед ему наши ящики с цветами и овсом. Кот проверял овес, а я герань.

В свете вспышки соцветия выглядят эффектно. На тех, что попали под дождь, еще дрожат капли. Красивые, да. Но я к ним еще не привыкла.

И коту овес больше нравится.

СОЛНЦЕ САДИТСЯ

Кот с трудом улегся между волнами и гвоздями на крыше, вывернув себя наизнанку. Соскучился по солнцу, как малые народы севера.

А солнце тихо скользит вниз, к горизонту. С каждой минутой пейзаж за окном меняется: свет покидает листву деревьев, зелень тускнеет, а мохнатый котовый живот, подставленный закатным лучам, розовеет.

Кот повернулся было, попытался прикрыть глаза лапой, но в этот момент над ним пролетела на брею-

щем, скрипя, как эскадрилья пепелацев, пара сорок.

Нарушили мне сюжет и коту сон. Он встрепенулся, проследил, закинув голову, за их полетом, потом глянул на меня. Я сочувственно пожала плечами: сороки, сэр!

Понял, зевнул, окончательно расставаясь со сном, и решил закрепить взаимопонимание приглашением сходить за пакетиком.

Крыша опустела.

Солнце село, не дождавшись последнего кадра.

Сороки повозились в близкой вышине, побормотали недолго и затихли.

До завтра, сороки!

Tuesday, June 7th, 2011

РАСЦВЕЛ ЦВЕТОК

Этот кактус растет беспризорником: какой-то встрепанный, раскидистый, побеги разновеликие, одни свисают, другие торчком торчат.

Он всего один раз у меня цвел. Давно. Наверное, не хватает света или понимания.

Я его мимоходом приголубила, подкормила, водой сбрызнула, пожурела за бессмысленность и опять отвлеклась.

И пожалуйста. Пожалуйста.

На широкой кактусовой лопасти раскрылся вот такой красный колокол. Еще позавчера, еще вчера ни я, ни кот и никто другой его не замечали, хотя ходили туда-сюда за пакетиками.

Сердцевина желтая, прямо раскаленная, из нее протуберанцем вырываются длинные тычинки с пухлыми от пыльцы кончиками.

Пыльца втуне пропадает: мух нет, пчел нет, колибри тем более нет. И не пахнет цветок ничем.

И мы его не любим. Бедняга.

Мы с котом почему-то опечалились, положили друг другу на плечи лапы и побрели к людям, напевая куплет из рахманиновского романса: расцвел цветок, а завтра он увянет... горит огонь, чтоб вскоре

отгореть... идет волна, над ней ...за ней другая встанет... и крещендо, и совсем душераздирающе: я не могу веселых песен пее-е-еть!!!

Кот накала рахманинских чувств не выдержал, разомкнул свои объятия, вырвался из моих и с мявом отскочил в сторону. Тетка прибежала: что тут у вас случилось?

Цветок расцвел. А завтра он увянет!

Господи, сказала тетка, сумасшедшие.

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД НОВЫМ ПРОЕКТОМ

Sunday, June 19th, 2011

ИЮНСКОЕ СОЛНЦЕСТОЯНИЕ

Июнь, наконец, очнулся и позволил ослепительному солнцу прорваться сквозь облака и дожди.

Желтый цвет золотит красный и зеленый.

Пчела вибрирует, выбирает, на какой цветок опуститься. Мелкий паучок, досадуя, сбежал по своей паутинке и затаился. Сеть для беспечных еще не готова.

Молодой росток герани, боясь обгореть, спрятался от солнца под листьями, как под зонтиком.

Мотылек прошелестел. Пока кот ушки настраивал, того и след простыл.

У мотыльков нынче горячая пора.

Глаз немного отдыхает на белых цветах барвинка, но и на его бутонах блеск солнечной позолоты. На все смотришь, прищурившись.

Моя работающая мильничка смаргивает от яркого света, спешит закрыть затвор, и изображение немного расплывается.

Жарко.

Ну что ж, мы ведь с котом скучали по солнцу. Пусть постоит в зените, его время.

КРЕЩАТИК МИМОХОДОМ

Всего часа два было у меня в Киеве для пробега по Крещатику - от гостиницы до кручи и обратно.

Я Крещатик любила утренним, свежим и просторным. Художественные салончики с яркими акварелями, книжные и цветочные магазины, пестрые тени под каштанами. Разноцветные шарики мороженого в широких креманках на терраске второго этажа у входа в Пассаж, автоматы с горячим молоком и толстыми бубликами. За Пассажем - тихая улица Заньковецкой, высокий теткин дом с эркерами, с боковыми балкончиками, заставленными цветами. Разговорчивый и смешливый Бессарабский рынок

За долгие годы не происходило столь заметных перемен на Крещатике, сколько произошло за два-три последних.

Стало тесно от помпезных бронзовых исторических фигур, которым беспокойные ручки натирают до блеска разные места, от киосков, лотков, уличных туалетов, броско расписанных клеенчатых павильонов, шатких столиков со школьными амперметрами с гордой надписью «аппарат Фолля», ряженных вроде мужика с головой Шрека - для туристов, потерявших бдительность. Туристы рассаживаются на садовых скамейках или бродят в прохладной воде тротуарного каскадика, охлаждая раскаленные ступни, и бездумно ведутся на разговоры и предложения сфотографироваться, за которые надо платить. Больше всего сегодняшний Крещатик напоминает набережную курортного города. Бессарабка усугубила это впечатление обилием экзотических фруктов и заграничных цветов.

За суетой теряется перспектива проспекта, за расписными павильонами - теплый колорит зданий. Только небо прежнее - голубое, и облака на нем белые, и Днепр под кручей синий.

И продавцы в киосках улыбки.

Дом на Заньковецкой отремонтирован, но вместо магазина «Молоко» сверкает что-то стеклянно-мраморное, улица заполнена стоящими машинами.

В Пассаже тихо, мало прохожих, между витринами - мемориальная доска на доме, где жил Гмыря, лучший исполнитель русских романсов. Тут еще звучат для меня голоса и шаги.

Очередная скульптура: путешественник Городецкий с чашечкой кофе.

К нему за столик под села и бессознательно приняла вечную женскую, женственную позу уютная девушка. Одновременно привлекающая и капризная, лукавая, как Ева, принимающая яблоко.

Я уверена, что Ева не стояла тупо под деревом, когда ее уговаривал Змей, как это изображают живописцы, а сидела в опасной близости именно в такой позе на каком-нибудь теплом пеннышке, играла с коварным соблазнителем, да заигралась.

Теперь расхлебывай.

Путешественник показался немного озадаченным, а у меня настроение улучшилось.

Ще не вмерла Україна.

«Ласкаво просимо!»

ШКВАЛ

С запада на восток, одновременно расширяясь в нашу южную сторону, несся темный вал.

Нижний край вала подворачивался, как будто старался удерживать наполнявшую его влагу.

Над ним еще что-то голубело, из-под него пыталось еще светить солнце.

И слева еще красовались бело-красные коттеджи, но набухшая туча прорвалась как раз за ними и обрушила на землю черную полосу ливня.

Я сделала всего пару кадров, когда небо опрокинулось буквально над моей головой.

Пришлось с нечеловеческой прытью, которой я в себе уже и не подозревала, метнуться в укрытие, за стеклянные двери корпуса. Дорога превратилась в речку, по стеклу лился поток воды.

Через 10 минут струи воды стали каплями, мир вернул себе краски, дорога-речка так же стремительно, как наполнялась, стала мелеть и радужно заблестела.

«Холст, масло; холст, масло»(с), вспомнила я Кладовку levkopoe. Перевела дух, полюбовалась на холст и масло и вернулась в лабораторию - пора было собираться домой.

Saturday, July 2nd, 2011

ЛЕТНИЙ СИТЧИК

Влажное тепло начала лета позволяет пожить всему, что захочет. Ранним утром вдоль дорог и дорожек, на просторных лужайках и в забытых уголках сада - повсюду радуется солнцу что-то мелкое желтое, голубое, розовое, белое. Как будто развернуты и выложены на просушку рулоны веселенького ситца. И все вокруг звучит уменьшительными суффиксами.

По пестрой крошке окольной тропинки, тоже как по ситчику, легко скользит молодая улитка. Она явно в хорошем настроении и на ходу покачивает головой, шевеля рожками. Может быть, песню поет. Забот у нее пока немного, и нарядилась она в новую мелкую сеточку, и ноша ее еще не тяжела.

Под кустом протянулась цепочка сиреневых колокольчиков; придумалась на ходу сказка про эльфов, которые развесили после дождя свои шелковые юбочки и колпачки. Ситец для них груб.

Утренний свет проник даже к рыхлому темному пню. По его краю выросла пурпурная оборка неведомых мне грибов. Ну.. это уже не ситчик и не шелк, это забытый признак роскоши - панбархат. Вспомнил старый пень прежние времена. Красуются все, пока не спохватился жестокосердный селекционер - сухой летний зной.

К осени появится другая красота, холеная и пышная. Но сейчас...

Внимательно взглядишь!

Цветы «пастушьей сумки»

Увидишь под плетнём.

- Басё

Saturday, July 23rd, 2011

КОТ ВЕЗДЕСУЩИЙ

...и навсемспящий.

Thursday, August 11th, 2011

СОБЕСЕДНИК

Уже поздно и спать бы пора, веки смыкаются, но все говоришь, говоришь, жалуешься, сомневаешься, спрашиваешь совета, снова говоришь, не дожидаясь ответа, а он и не отвечает, слушает, не перебивает, советов не дает, расслабился, ручки сложил, никуда не торопится, светит ясным глазом, как спасительным маячком в ночи, все хорошо, все будет хорошо, видишь, я спокоен, я бы волновался, если бы что не так, ты говори, говори...

ПРОШЛОЕ

Необходимо объясниться.

В журнале Левконое я увидела [пуговицы художника Владимира Бызова](#) и восхитилась идеей.

Захотелось потрясти теткинны коробочки и сделать пуговичный семейный портрет. Да, плагиат, да, неприкрытая зависть, но очень, очень захотелось сделать то же самое.

Простите меня, художник Владимир Бызов.

Рассыпала я сокровища перед собой и стала их перебирать на радость коту, который внимательно смотрел и делал сочувственные движения лапой, но я бдительности не теряла.

И не прогоняла тем не менее: пусть познакомится с историей.

Смотри, кот: вот пуговицы с моего первого, не с теткиного плеча, а купленного в магазине пальто, а вот эти - с когда-то любимой кофточки, которая протерлась на беспокойных локтях шершавыми столами в аудиториях, эти - с многочисленных брюк, мужских сорочек, строгих белых блузок, школьных руба-

шечек, а вон те - металлические, блестящие, не знаю, из чего сделанные, явно срезаны с новых вещей и заменены более приличными. Попались и два маленьких значка с корабликами. Не помню, по какому случаю они были приобретены. Скорее всего, по моей любви к «Морским рассказам» Станюковича и парусникам. Купила, наверное, в Ленинграде. Хорошо, что сохранились.

А вот... а вот одна потемневшая латунная пуговица, с пятиконечной звездой и высокой петелькой.

Такие пуговицы пришивались к шинели и кителю моего отца. Они быстро тускнели, и я помню, как отец лично, не доверяя никому ответственной работы, натирал их до блеска какой-то специальной жидкостью, которая, как мне сейчас кажется, была зеленовато-мутной и могла испачкать ткань кителя. Чтобы этого не произошло, использовалась пластмассовая пластинка. В пластинке вырезан кружок, через него продевалась пуговица - вот зачем нужна высокая петелька!- и сдвигалась по узкой прорези к другому концу пластинки. Теперь можно было натирать пуговицу даже неловкими отцовыми руками. Это была одна из трех ручных работ, которые ему удавались. Другая - обрезка сухих веток в бабкином саду. Третья - замечательная техника перкуссии грудной клетки и живота. При тимпаните организм пациента под отцовыми пальцами гудел набатом. Все три работы он исполнял азартно, прикусывая нижнюю губу и даже как-то сдвигая к затылку подвижные уши: большие, смешные, но музыкальные.

Все. Все остальное валилось у него из рук. И почерк совершенно дикий даже для врача, с левым

наклоном. Похоже, он был леворуким по рождению, но этого никто не знал до его инсульта: речи не потерял, хотя зона поражения располагалась слева. Потому поверил, что все не так уж и страшно, и выжил.

Запачканную пластинку приводил в порядок уже не он, а мама или кто-то из нас. Пуговицы уставно сияли, но недолго, и процедура повторялась довольно часто.

Все, что не выброшено вовремя, становится историей, не помню, чьи это слова. И трамвайные билеты, и разрозненные чашки, и первые рисунки, и школьные табели, и пуговицы.

Оказывается, и пуговицы.

Saturday, September 3rd, 2011

СЕНТЯБРЬ, ПЕРВЫЙ ТУМАН

Тринадцатое лето kota было бестолковым: то слишком жарко, то слишком дождливо, то слишком твердая крыша, то слишком мягкий плед.

Цветы не так цвели, овес не так колосился, каштан за окном рано сбросил измученную, скрученную болезнью ржавую листву.

Некого было ловить на крыше: бабочки в этом году взяли академический отпуск.

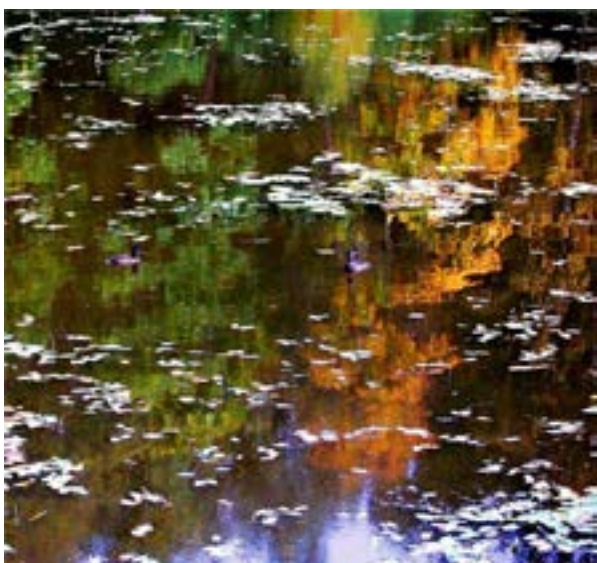
Вместо них мотыльком промелькнуло время.

И вот уже туман намекает на близкую осень.

Кот огорчен.

Не та погода на дворе ...не та эпоха...

ОСЕНЬ ПЕРВОНАЧАЛЬНАЯ

В голове гул самолетных двигателей, впечатления от поездки в Питер спутаны в цветной клубок.

Клубок я постепенно разматаю.

Для начала - неторопливая речка в лесопарке Павловска, в которой свежая охра смешалась с ультрамарином холодеющего неба и еще яркой зеленью. Пестрые дикие утки только готовятся к отлету, но рядом с ними уже кружатся по воде опавшие листья.

«Короткая, но дивная пора».

ЭРАРТА - 1

ЭРАРТА - музей современного искусства на Васильевском острове. По-моему, единственный в своем роде.

Изысканная внешность лукаво вводит посетителей в заблуждение.

Потому как на входе в музейное крыло ты в ужасе шарахаешься в сторону от распростертого тела.

Разумный ход. Все последующее воспринимается с восторженным

облегчением.

Например, галлюцинации любителей абсента.

За стеночкой под присмотром ко всему привычного медбрата увлеченно ведет сам с собой турнир гроссмейстер.

В этом реально-нереальном мире Чапаеву, наверное, удастся доплыть до берега, где его уже ждет верный коник, и несчастная птица вырвется из рук бессмысленных охломонов и станет, наоборот, птицей счастья завтрашнего дня, и

даже смерть комиссара выглядит оптимистической.

Летит кавалерия и звучит боевая песня: «Ничего, ничего, ничего! Сабля, пуля, штыки — все равно! Ты, родимая, ты дождись меня, И я приду! Я приду и тебе обойму, Если я не погибну в бою!»

Много еще всякого-разного в ЭРАПТЕ, но об этом попозже.

Friday, September 23rd, 2011

ВАСИЛЬЕВСКИЙ ОСТРОВ. ЗАВТРА БУДЕТ ВЕТЕР.

К вечеру какое-то волнение возникло в тусклом до того небе и в серой воде залива.

Торопливо наплывали на остров облака, теряли четкость очертаний, набухали. В их ватно-рыхлых, неровно темнеющих скоплениях заметалась чайка, как горьковский буреветник.

Все менялось с кинематографической быстротой.

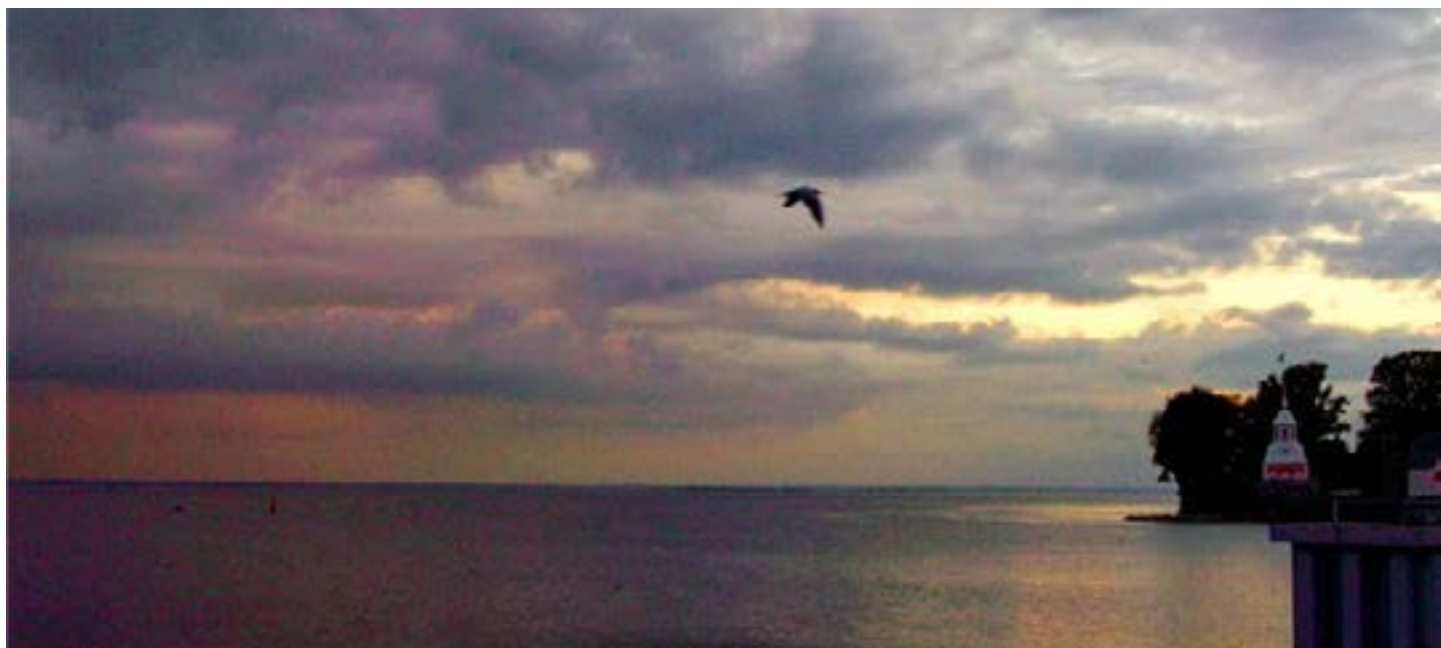
На западе тучи стали отодвигаться от горизонта, освобождая место последним закатным лучам.

На минуту солнечный свет преломился во влаге облаков, распался на составляющие и пролился на воду многоцветным потоком.

Чайка устала метаться в вышине и полетела к берегу. Пока я следила за ней, от всего многоцветья остался только последний луч пурпурного заката, прошу прощения за тривиальность.

И догорала, подергивалась пеплом тонкая золотая полоска у горизонта.

«Завтра будет ветер» - сказал мой спутник. - «Он не позволит облакам собраться в тучи, пожием пару дней без дождя».

ВАСИЛЬЕВСКИЙ ОСТРОВ. ВЕТРЕННЫЙ ДЕНЬ.

Назавтра разноцветные облака как будто щеткой разметало, разбросало по всему небу.

В узкой протоке между берегом и насыпью играл с ветром отчаянный кайтсерфингист. Извивался, то опускаясь к самой воде, то снова поднимаясь вверх, его воздушный змей. И стройная фигурка то исчезала вместе с доской в мелких волнах - иногда так надолго, что сердце замирало, - то уверенно скользила за поймавшим нужную струю змеем.

В порту огромный паром казался выброшенным на берег.

У серой вороны на парашюте парусили вставшие дыбом крылья, ее сносило боком, но она старалась удержаться на скользком граните, рассчитывала на подачку, косила темным глазом.

Два дня не ходили по Неве и каналам пассажирские катера, два дня продолжался нагон воды, створы под мостами превратились в узкие полумесяцы, телевидение грозило наводнением.

Но ветер раздумал пугать город, поменял направление, а потом и вовсе стих или унесся в другие места.

Наводнение отменилось.

ЭРАРТА -2

Художник Николай Копейкин

«Родина»

Sunday, September 25th, 2011

ВАСИЛЬЕВСКИЙ ОСТРОВ. ВО ФРОНТОВОМ ТЫЛУ

Штормовой фронт прошел, небо затянуто привычными серыми облаками, горизонт в дымке.

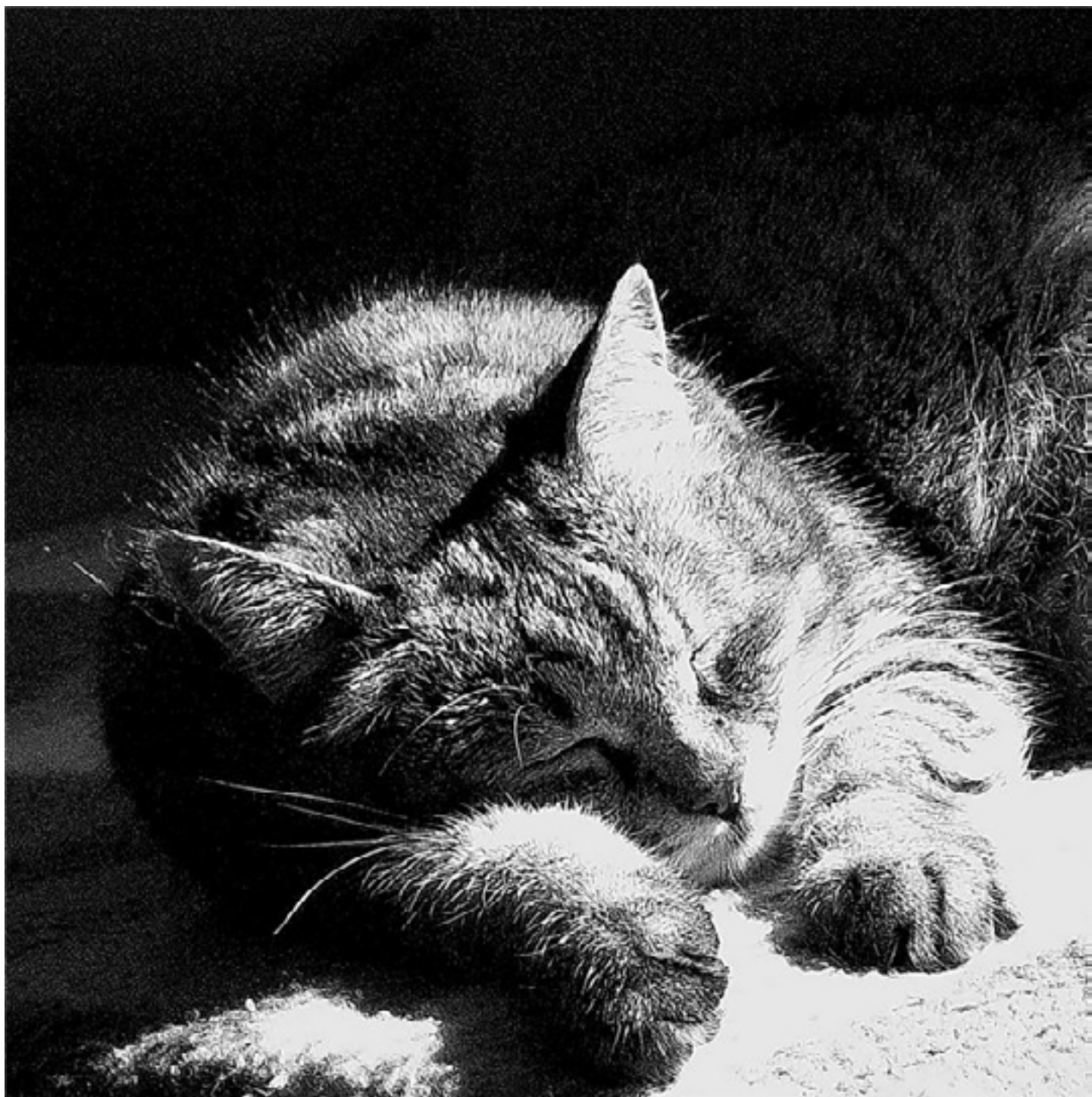
Мелкий дождичек сечет, на парапете скучает сизый голубь, утки и чайки без суеты промышляют в тихой воде.

На выходе из Гавани охраняет рубежи города суровый к врагам ВВП. Бдительный, как сержант Карацупа, только без любимой собаки.

Все спокойно.

Любимый город уснул с аплодисментами на устах.

Monday, September 26th, 2011

ЛУКОМОРЬЕ. СКАЗОЧНЫЙ ФОТОРЕАЛИЗМ

Все пейзажи в Павловске - как из журнала «Огонек». Фотореализм. Неловко вынимать из чехла фотоаппарат. Но оглядываешься вокруг и неизбежно начинаешь бормотать: там чудеса, там леший бродит...

Знаем-знаем, лукоморье - изгиб морского берега. Берега моря то ли Азовского, то ли Черного. А где же там бродить лешему, леший ведь тень и чащу любит?

С другой стороны, витязи прекрасные выходят на берег песчаный и пустой из прихлынувших волн...и дядька у них морской, да...

Но все же... русалке на каких ветвях сидеть у пустого этого берега? И добираться до них, обдирая по пути чешую? А здесь - крепкий дубок склонился над водой, можно отдохнуть в его кроне от тины, свежим воздухом подышать, чистеньким рыбьим хвостом поболтать, своему отражению порадоваться. Пожалуйста, очень удобно.

Кошей-то над златом может везде чахнуть.

Но избушка на курьих ножках? Ступа с бабою Ягой?

У Че-е-е рно-о-го моря-я???

Но русский дух? Но Русью пахнет?

Не у этих, слегка подернутых ряской прудов, темных медленных речек, близ одичавших рощ, из которых с трудом, группками, выбирают на белый свет березы? Не в этом густом подлеске, где затерялся бурый волк? Скучает без дела: некому сейчас верно служить.

И дуб зеленый стоит прямо у излучины реки.

Дуб такой старый, что вполне может сойти за ось мира, как думали древние славяне. К нему покорно прислоняются утомленные свадебной процедурой молодожены, вокруг колдуют фотографы. Глубокое дупло над корнями работники парка затянули лечебной сеткой, укрепили ствол, чтобы не наклонился.

Берегут земную ось.

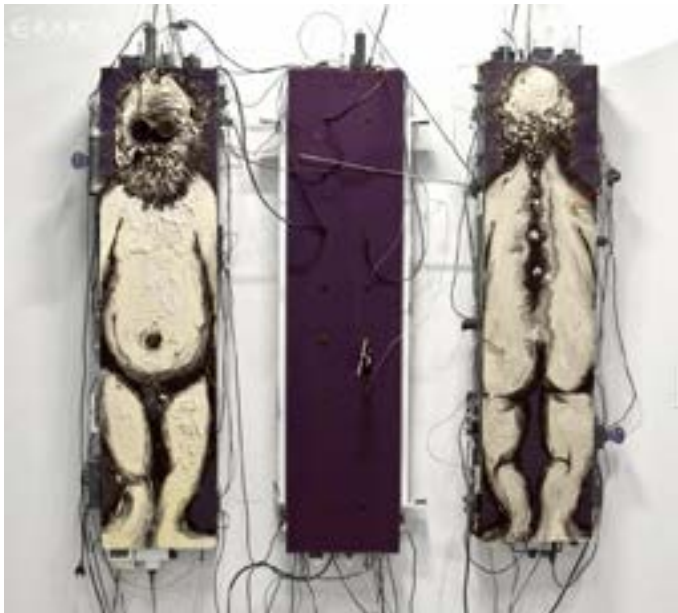
Только кот ученый златую цепь оборвал и бродит с ее обрывком по миру, сказки забывает, но вернуться не хочет: «кому повем печаль мою?»

Слушателя нет.

ЭРАРТА 3. КОДИРОВКА

«Закодированный»

Если привычность паранойяльных рассуждений о влиянии на народное сознание зловердных сил - от космических до государственных и соседских, - позволяет идею «Закодированного» легко интерпретировать, то у других подобных работ замедляешь шаг.

Стеклянная витрина набита всяким житейским хламом, среди которого упрямо тикают старые часы. Хлам свое отслужил, но время не остановишь. Что на самом деле хотел сказать автор, я не знаю. Да нам с ним достаточно, я думаю, что я удивилась, постояла, всматриваясь в хлам сквозь стекло, кое-что узнавая. Я отошла, часы продолжали тикать за моей спиной.

Про архаичный бидон и к чему-то зовущую над ним или на что-то указывающую стрелу я задумываться не стала, принимая любой способ выражения внутреннего мира художника. Мало ли что говорят автору мятый бидон из его детства и забытая нынешним поколением стиральная доска.

Еще две фотографии из этой серии у меня получились нерезкими, потому что снимать автоматом со вспышкой в залах музея нельзя, а у меня от смеха подрагивали руки.

Автора штопки со штукатуркой, я думаю, увлекла работа с материалом, я тоже походила вдоль этого полотна с тросами.

Т.е. вроде не полотна, а чего-то другого. Не уверена, трогать руками не стала.

На многометровом «Пути червя» червиный (червячий? червий?) хвост скрывался в стене затуманенным из-за дрожавшей в моих руках мыльнички.

Типа этот путь и есть отражение всей нашей долгой жизни, максимальная польза от которой - рыхление почвы, подготовка ее для чего-то, нам, червям, неизвестного?

Червь уходил в свой туннель степенно, с достоинством, явно серьезно относясь к проделанной работе. Возможно, он продвигался к свету.

Уф. Я проследую дальше, постараюсь найти что-нибудь менее закодированное, но не менее интересное.

НЕБО

Больше всего небо над Павловском напоминало океан в «Солярисе». Высокие белые облака, меняя форму и плотность, двигались как будто в разных направлениях, то тесно сдвигаясь, то через синие проемы позволяя солнцу осветить окрестности, превращая рощи и пруды в «холст и масло».

В четвертом часу над полосой воды между елями возник строй темных независимых облачков. Безобидные сначала, они объединились довольно скоро в местами очень плотную, местами полупрозрачную тучу, внутри которой все угрожающе кипело и клубилось, только что не булькало.

Смелая птица летала в световом коридоре между наплывающей на купол дворца тучей и безразличным к ее эволюциям высоким небом.

Пришлось раскрыть на несколько минут зонтики. Туча хлестнула землю кратким дождем и скатилась по склону холма, остывая.

В освободившемся просторе с громкими криками пролетели дикие гуси, перестраиваясь на ходу. На земле зашумели люди: «Гуси, гуси!» В небе отвечали: «Га-га-га!» Получилось точно, как в детской игре.

Появились гуси широкой дугой, а растаяли над горизонтом двойным клином наподобие буквы W. Наверное, тренировались перед отлетом, определяли, кто будет вожаком, а кто запасным лидером в дальнем перелете.

Ну, летите, как хотите.

ЦАРСКОСЕЛЬСКОЕ

В витрине магазина для туристов - коллектив разновеликих, но одинаково радостных матрешек.

Среди них затесались медведь с наивным голубым взором, кот ученый и то ли пингвин, то ли тюлень - по любому, чужак в этом окружении, судя по обалдевшей морде. Кот давно ученый, потому прячет на всякий случай тело за округлыми дамскими спинами. Ему неловко, что он тоже оказался матрешкой. Котам нельзя!

Ученым котам нельзя-я-а-а-!

Кринолины, сарафаны, шелк, парча, расшитые жемчугами и смарагдами кокошники. Боярские шапки, лихие усики и дремучие бороды. Лица все на один манер. Барби и Кены.

Царскосельский гламур на экспорт.

В Лицейском садике мокнет под мелким дождем Александр Сергеевич Пушкин. Озябшие невесты дарят ему букеты, он думает о своем и не обращает на них внимания.

Уже много лет, с 1900 года, в этом садике почитатели ожидают чуда.

*...Не шевелись — сейчас звезды засверкают,
Воздушные кусты сольются и растут,
И бронзовый поэт, стряхнув дремоты гнет,
С подставки на траву росистую прыгнет.*

/И. Анненский/

Очень крупная женщина едва уместилась на низкой узорчатой оградке перед памятником и застенчиво спросила фотографа: я не заслоняю Пушкина?

Ну, вроде еще никому этого сделать не удалось.

ЭАРТА-4

Заканчивается свободное время, закругляюсь. Более полное представление о деятельности музея можно получить, если заглянуть к erarta. Оказывается, у ЭАРТЫ есть и свой ЖЖ.

У меня же все художественные направления и жанры слились воедино, особенно к концу осмотра. Собственно, это и неважно, я не искусствовед.

Кстати, я наудивлялась в начале экспозиции, потом погрузилась в ее атмосферу, и в конце концов работы, выполненные в более привычной манере, показались мне пресными.

Ну, продвигаюсь дальше. Вот хоть и известный, но интересный прием: реальные предметы перекликаются с изображенными на картинах и оживляют их.

Бутылки в этой серии были первыми.

В зале со шляпками из папье-маше и валунами сначала хмыкаешь, потом закономерно связываешь их с пейзажами на стенах.

Еще в этом же ключе:

«Большая медведица» Р. Волигамси. Кончики сигарет натурально светятся. Какая-то хитрая краска. Наверное, как на дорожных отражателях.

Эффектно.

Были еще звучащие картины, огромные декоративные панно, был Спас Нерукотворный, были работы, у которых вспоминались абсент и галлюцинации, были шутки во всю стену, были почти академические акварели...

И коровьи зады, заслоняющие свет новорожденному теленку. Концептуальные зады. «Три с половиной», вот как они назывались.

А провожали нас элегантные фигуры «ERA» и «ARTA».

Все. Остальное в моих запасниках.

ЛИСТЬЯ ЖЕЛТЫЕ

После первого ночного заморозка земля покрылась опавшими кленовыми листьями. Кошки недоверчиво ступали по ним, проваливались в шуршащий даже под осторожными лапами покров.

Дворники и автовладельцы закономерно сквернословили.

Картина менялась с каждым часом.

В утренней спешке было не до красоты, днем высокое солнце слепило золотым сиянием. К вечеру сомнений не осталось: конец бабьему лету.

Еще зеленые соседи кленов тревожно наблюдали за процессом, а переболевшим какой-то хворью каштанам было уже все равно: они с августа стоят по колено в своей ржавой листве. Радуются ей только дворные кошки. Привычные к превратностям судьбы, они обрели временный комфорт на свежем воздухе.

Кошки знают, что мягкая подстилка прослужит недолго, но так же беспечны, как общественное сознание.

Сейчас им хорошо, а там видно будет.

ЗИМНЕЕ ВРЕМЯ

Пока дойдешь от остановки до дома, ночь наступает. Солнце скатывается с неба, как оборванный елочный шар, голубой фон становится сначала бирюзовым, а потом заливается густым ультрафиолетом.

Самолет поймал последний солнечный луч, прочертил им по ультрафиолету малиновую линию и тоже исчез, растворился в темноте.

Только ровно обрезанный ломтик луны не потерял связи с солнечным светом.

И окна в домах зажглись.

Wednesday, November 9th, 2011

НОЯБРЬ.СОЛНЕЧНЫЙ ДЕНЬ.ХРОНИКА

Сегодня все вокруг вспыхнуло цветами солнечного спектра. Вопреки суровому прогнозу, как будто стараясь в последнем усилии удержать жизнь. Небо было синее синего. Красные, оранжевые, желтые и еще зеленые и даже фиолетовые листья трепетали на ветках, кружились в воздухе, при порывах ветра слетали с деревьев косыми стаями, устилали землю пухлым слоем.

Институтские собаки сворачивались на кошачий манер в клубок в мягких утопанных ямках. Я прошла близко от одной из них, она дернулась, привстала, но узнала меня, вильнула хвостом и улеглась снова.

Вишни за ночь набросали желто-красные конфетти на зеленые кустики календулы с последними веселыми цветками.

Большой лист платана влетел через форточку в лабораторию, следом то ли ворона, то ли сорока врезалась в оконную решетку и улетела, сконфузившись. Лист за добычу приняла. Мы подскочили от грохота. Коллега потрясенно сказала, глядя в окно: «Кошку сбросили, что ли?» Кошек у нас сроду не водилось - при таком количестве собак какие кошки. И с чего это кошку из окна выбрасывать. Сороки обычно такие стремительные. Понять ошибку можно. Листья разлетались по воздуху, как живые.

У меня по обыкновению активировался в мозгу наполненный всяким хламом цитат-

ник: «осенний лист, такой нарядный, ко мне в окошко залетел...» Песню принято считать народной, а слова-то вроде Евтушенко написал. Помню, я удивилась, как это ему удалось такую сугубо женскую вещь создать.

Но день все-таки короткий уже.

На закате солнечный луч осветил маленькие, как монетки, листочки старой березы и верхушку красной скумпии и исчез за наползающей - не ошиблись метеорологи!- серой пеленой.

Ну а потом что?

Потом уже привычная картина. Вернулись с пастбищ своих грачи и стали, возбужденно галдя, рассаживаться на ночь и на потускневшую березу, и на соседние деревья.

На завтра обещают мокрый снег.

Saturday, November 19th, 2011

«...УЛЫБКА, СУМЕРКИ, ГРАФИН..»

Столик у окна, кувшин с молодым вином.

Всего одна рюмка, одно кресло, плед, газета, фрукты, соскользнувшие со скатерти на пол...

Вроде бы типичный южный натюрморт дает пищу и воображению.

Кто-то сидел в одиночестве, пытался читать газету, приготовил себе на послеобеденный отдых кувшинчик вина, собирался сидеть долго, до вечернего холода, но вдруг все отложил, отставил и торопливо вышел.

Может быть, за второй рюмкой. Поменял планы на вечер.

UPD Как оказалось, есть в интернете и персональная страница С.А., где выложена его Ялта.

Неожиданная для меня прохладная, малолюдная Ялта Сергея Андреева заслоняет высокими заборами от чужих глаз свою подлинную жизнь.

У маленькой церквушки тишина уже прямо осязаемая. Закончилась, наверное, вечерняя служба, все разошлись, только служба убирает, приборматывая, то ли молясь, то ли сердясь, огарки и

складывает их в специальное ведро - для переплавки.

Льетса, как благодать, на купола лунный свет, светятся изнутри узкие окна, а вокруг никого, даже нищих на паперти.

Может быть, и нищих в этой колдовской Ялте нет.

*«И в час, когда луна во всей красе
Так припекала, что зрачок слезился,
Мне так хотелось быть живой, как все,
Иль вовсе мертвой, как дитя из гипса».*

Thursday, December 8th, 2011

Уже декабрь, а зимой и не пахнет.

Пахнет осенью.

Тлеющие монбланы из палых листьев окружены дымкой, около них устраивают теплые логова собаки. Обнаженные деревья не знают, то ли заснуть до весны, как полагается, то ли новые листья заводить.

К утру надвинулись на город серые тучи, загородив собой рассвет. Они ползли над крышами, над деревьями, обрастали все новыми слоями - и не выдержав собственной тяжести, пролились.

Постучали по подоконнику крупные капли, и сразу же зазмеились по стеклу струи почти летнего ливня.

Унылый соцреализм за окном, который в обычный день и взгляда не стоит, стремительно превращался в праздник импрессионизма.

Розовые крыши, путаница тонких ветвей , еще зеленая трава, желтые листья на ней, лужи у темных стволов вишен дробились мокрым стеклом на отдельные мазки, отражались друг в друге, над ними матово светилось небо. И все эти дальние и крупные планы не повторяли друг друга, а изменяли оттенки и настроение следом за изменениями силы дождя.

Но ливень прекратился так же внезапно, как начался.

Стекло просохло.

За ним снова был скучный пустырь, поросший бурьяном, дома с откровенно красными крышами. Мы с мыльничкой вернулись в свои футляры.

Saturday, December 17th, 2011

Темно утром, темно днем, темно ночью.

тихо вшендзе, глухо вшендзе, цо то бендзе, цо то бендзе...

Сотворили с теткой рыжих двойняшек - шаманим, солнце призываем.

Маленькие лешачки, звать Никифорами, пасмурным теплом обманулись, из пенька выскочили и удивились: а солнце где?

Скоро, Никифоры, скоро - через неделю солнце станет прибывать.

Солнце на лето, зима на мороз.

Sunday, December 18th, 2011

ТИХОЕ УТРО

В.Строчков

*Кот на коленях, пес возле ног.
Что же еще?*

*Кот на коленях, пес возле ног,
в чайнике чай, рис в животе,
Что же еще?*

*Кот на коленях, пес возле ног,
в чайнике чай, рис в животе,
бумага на столике, кисточка в руке.
Что же еще?*

*Кот на коленях, пес возле ног,
в чайнике чай, рис в животе,
бумага на столике, кисточка в руке,
строка в голове, голова на плечах.
Что же еще?*

*Кот на коленях, пес возле ног,
в чайнике чай, рис в животе,
бумага на столике, кисточка в руке,
строка в голове, голова на плечах,
в сердце покой, мир на душе.
Чего же еще?*

Что же еще?

ЯНВАРЬ

Солнце, конечно, повернуло на лето, но прокатывается от восхода к закату нехотя, позевывая, по невысокой дуге. Лучи попадают в дом почти горизонтально, отмечаются зелеными вспышками в листьях, полосками жалюзи на стенах, а в любимые уголки кота не заглядывают. Коту это не нравится. Ему хочется погреться в теплом текучем свете, он ловит его, упорно пробираясь по столу между цветочными вазонами, по спинке кресла, по пианино. Настигнув луч, располагается в нем комфортно, как будто навсегда, а на самом деле на пару минут. Уютно скрестив лапы, нежится, жмурится с довольной ухмылкой, а когда снова оказывается в тени, открывает глаза и следует дальше. Он знает, куда деваются солнечные пятна, поэтому переходит в теткину комнату и безошибочно направляется к нужному месту заранее.

— А! — привычно говорит тетка — явился!

— Мрря, — согласно грассирует в ответ кот, валится на бок, подставляет организм солнцу, за-
жмуривается.

Beatus ille, qui procul negotis - блажен тот, кто вдали от дел, говорили уставшие от битв латиняне. Древние знали толк в жизни, а кошки, похоже, узнали это еще раньше.

ГОТИКА

Sunday, February 5th, 2012

GENERATION NEXT, ИЛИ ЗА НАМИ НАБЛЮДАЮТ

Дети в семье могут несколько отстраненно наблюдать за беснующимся в воспитательном раже родителе. Что, кстати, вызывает еще больший гнев.

Родитель забыл, что вчера хвастался, как удачно продал гуманитарную помощь. Или пришел домой навеселе, с цветами для матери и удачной легендой о затянувшемся чуть ли не до утра заседании. Или прошел в Сенат или Думу за обещание лоббировать интересы, например, производителей собачьих подгузников, но предан кошкам, а собак на дух не переносит. Взгляд дитяти пока критичен, но уже и задумчив: родитель врет, но вполне успешен.

Может быть, секрет успеха в умелом двуличии?

Молодое поколение внимательно всматривается в окружающий мир, вслушивается в брюзжание или пафос поколения старшего и делает свои выводы.

Школьное задание в классе скульптуры вылилось не только в решение технической задачи, но и в осознание соотношения красивых слов и реальных дел.

Этюд назван «Лицемерие» (Hypocrisy): голова светлая - красивые слова; голова темная - реальные дела.

У них одинаковые черты, они сопряжены, но развернуты в противоположные стороны.

Что-то вроде двуликого Януса или доктора Джекила.

Интересна ироничная ремарка студента: лицемерие более приемлемо для общества. И он добавляет свет-

лой голове один лишний слой, чтобы сделать ее повыше. Не слишком заметно, но символично.

The heads, as a whole, represent the duality of the hypocrite. The white head is what he says, and the black head is what he does. For a hypocrite, these two are opposites (hence the heads facing opposite directions).

It is for this reason that the white head is one layer higher. What the hypocrite is usually more morally acceptable than what he does. It seemed right to place it above the black head.

ФЕВРАЛЬ

Февраль всегда пугает нас снежными заносами и морозами. В детстве - очень сильными, с мертвыми птицами, которых иногда удавалось оживить в тепле, с бульдозерами и военными спасателями на загородных трассах.

Теперь календарь путает старый и новый стили, сезоны и часовые пояса, в суете меняет тепло на холод, холод на тепло, все некстати и не в меру. В этом году зима вообще блажит и в старческой ностальгии по прошлому вспомнила про средние показатели температуры и осадков. Декабрь и январь проспала, а сейчас проснулась и наслала мороз, который ехидно пристаёт с вопросом: тепло ли тебе, девица, тепло ли тебе, красная? В ответ и впрямь вся красная от холода полуодетая девица привычно грубит, теряя тем самым перспективу счастливого сказочного финала.

Прямо за окном - беспросветная путаница припорошенных снегом ветвей, лабиринт с обманными поворотами и тупиками.

Но повыше и подальше путаница превращается в кружева, в узорах сквозит небо и чудятся многочисленные выходы в простор.

Прорвемся.

МОРОЗНЫЙ ДЕНЬ

ПОЛНОЛУНИЕ

ПРОСТАЯ ИСТОРИЯ

В морозный день на подоконнике иллюзия лета: тепло, светло и герань цветет. Но на улице снег поскрипывает. Птиц, собак и кошек не видеть, все спрятались от холода.

Коту за шторой тепло и немного скучно. Поэтому он следит и за тем, что происходит в доме. Подслушивает, подсматривает в щелочку. Боится пропустить интересное.

Кто-то мимо прошел: не за пакетиком ли? Щеками раздвигает занавески, выбирается наружу.

Нет, напрасные надежды. Без пакетика возвращаются.

— Да ведь ты, кот, совсем недавно своего ягненка в один присест слопал!

Сел. Типа не больно-то и хотелось.

Только кончик хвоста еще сомневается.

ВОТ И АПРЕЛЬ, ГОСПОДА!

Полосатый кот уснул в полосатом уюте теплого покрывальца. Кажется, еще и укрылся чем-то пушисто-полосатым.

А на самом деле это светится его собственный палевый живот, который достался Тимофею по наследству от какого-нибудь экзотического предка. Удивительный живот. Под лучами солнца он становится оранжевым.

На ходу это сокровище прячется между будничными полосатыми бочками.

Солнце то чуть затуманится дымкой несерьезных облаков, то отбросит ее, высвободится, проникнет сквозь прорези жалюзи, и тогда все становится полосатым, ярким и горячим.

Тимуся томно развернулся, зевнул, солнце еще чуть сдинулось, и живот вдруг вспыхнул, ослепил. Он даже округлился, словно заполненный проглоченным во время зевка светом.

Наверное, кот так и подумал, потому что блаженно заплющил очи и снова отключился, а солнце грело его и снаружи, и изнутри, и не спешило уйти. Апрель.

UPD А на завтра все повторяется.

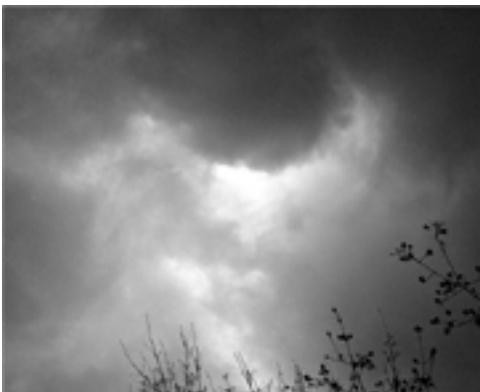
Солнце еще далеко, все буднично, но кот точно знает, что произойдет дальше и куда надо лечь. Внимание! Сейчас чуть-чуть сдвинется луч, и...

...и брюшко вспыхивает, раскаляется, Тимуся вытягивает лапы, разворачивается и блаженствует, аккумулируя тепло.

Каждый день этот спектакль.

Tuesday, April 10th, 2012

Апрель, солнце всю грело котский живот, на улицах торговали голубыми пролесками и юной черемшой, а злые от постоянных неудач метеорологи упорно грозили бурей и похолоданием.

Как можно, какое похолодание?

Прогнозы, как ни странно, сбылись, и поближе к закату тьма сгустилась над Ершалаимом городом. Туча мрачно клубилась, расширялась, набухала, а потом не выдержала, с треском разорвалась и обрушилась на землю всеми запасами.

Наутро спокойные дальние горизонты в голубой дымке, близкие - в зеленой. Небо нежно-сиреневое. Розовые ветви смелых абрикосов светятся над оградями.

Тишина, которую просверливает громкий свист вернувшихся скворцов.

Вот она, апрельская свирель.

1 МАЯ

Солнце встало первым, пробилось сквозь жалюзи. В прорезях - синее, желтое, зеленое, красное.

Пришел будить меня кот, мы с ним посоветовались и сочли, что день будет хорош.

Friday, June 8th, 2012

Карта Европы [продолжает шевелиться во времени](#).

История не застыла нам в угоду.

Впечатляет.

Нет от судеб исхода, шевелимся все.

UPD Спросить бы кота Франца, что за музыка звучит за кадром, но жаль, Франц - любитель романтического Шуберта, а здесь что-то мрачно-героическое. Даже зловещее.

Saturday, July 7th, 2012

ОСЕНЬ ПАТРИАРХА

Коту исполнилось 14 лет.

По нашим понятиям - мальчишка, предшественник дожил до 23. Но какая-то неизвестная болезнь оказалась для Тимофея рубежом.

Храпел во сне, почти перестал есть, просил только теплого молока, которого никогда раньше не пил. Потерял представительность и округлые щеки, внутри обильной шкуры явно обозначился скелетик.

Спать на крыше и вообще на твердом не мог, укладывался на подстилочку. Даже сидеть на попе было ему неудобно, присаживался боком, как дама в седле.

В глазах появилась задумчивость и некоторая потусторонность.

В общем, обратились к ветеринару.

Ветеринар котом был круто обруган, ворчал в ответ, однако, исхитрился пациента осмотреть и послушать. Сказал, что в сердце вроде есть шумок, типа клапан постукивает, а вообще чего ж вы хотите - старичок. И не удержался, добавил, зализывая царапины: с характером!

Ветеринар ушел, лечили самостоятельно.

Конечно, закапать коту в нос капли, если он не хочет, практически невозможно. Залить лекарство в железно сомкнутую из чувства протеста пасть тоже трудов стоит.

Сцены подкрадывания к зверю со шприцом наперевес могли бы вызвать зависть кинематографистов.

Зато он снова ест. Не храпит, посапывает.

Встречает у дверей, ходит следом, ложится рядом, цепляет острым когтем: чеши! Чеши тут, еще вот тут, а вот там не надо, а то как дам!

Попрыгал на крыше и помахал лапами, ловя бабочку. Не поймал, но попрыгал!

Сорвал, рассердившись на невнимание, клоч обоев. Обои с умилением были приклеены, кот с причитаниями обласкан.

Но все же.

«Осень уже пришла!

Шепнул мне на ухо ветер,

Подкравшись к подушке моей.»

- Басё

Wednesday, August 22nd, 2012

ПРОГУЛКИ ПО ЗАКОУЛКАМ.

Кажется, часового забыли сменить.

УСТАЛ ПОМОЩНИК.

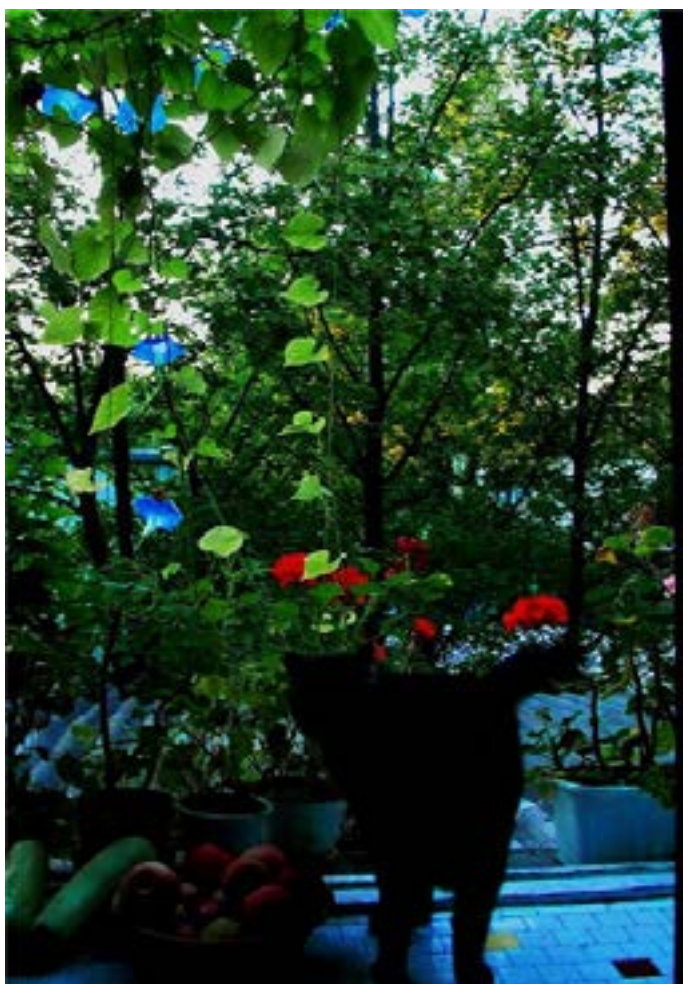

Saturday, September 8th, 2012

СЕНТЯБРЬ. СИНИЕ СУМЕРКИ

Кот задержался на подоконнике.
Стоит, дышит прохладой.

Куда ему спешить?

Прав Басё:

В осенних сумерках

Долго-долго тянутся досуги

Скоротечной жизни.

ОКТАБРЬ. УТРО-ВЕЧЕР.

Жизнь течет так однообразно, что движение времени заметно только по движению солнца и календарю.

Солнце сначала раскаляло по дороге на работу мою макушку, потом слепило глаза по прямой, и вот уже не потрудились подняться, лишь обозначило свое близкое присутствие горячими красками, которые у него всегда под рукой. Манит бананово-лимонными перспективами.

К вечеру возвращаются из банановых далей самолеты, неслышно скользят по густой небесной сини, оставляя за собой белые пушистые следы. У горизонта следы сходятся в одной точке.

Сини надолго не хватит.

Метеорологи обещают затяжные дожди.

Мы с котом рассматриваем календарь, читаем метеопрогноз и вздыхаем.

Что поделывать, октябрь.

Уж наступил.

НОЯБРЬ. ПОСЛЕДНЕЕ ТЕПЛО

...но день-другой —и все пойдет на спад,

проявится осенняя натура,

и, предваряя близкий листопад,

листва зашелестит, как партитура,

и дождь забарабанит невпопад

по клавишам, и вся клавиатура

пойдет плясать под музыку дождя

- Ю.Левитанский

ДЕКАБРЬ. НОВОЕ СОЛНЦЕ

Свершилось.

Как всегда, по расписанию, как всегда, жданно, но неожиданно, мой час настал.

В низком, у самого пола, чердачном окне зарозовело небо.

На манер народов Севера я, можно сказать, пала перед ним на колени, чтобы увидеть, как из ветвей начинает выпутываться первое рассветное солнце. С чердака было видно, что внизу еще синел предрассветный сумрак. Были бы у меня бубен и шапка с песцовыми хвостами, я бы заплясала вместе

с солнцепоклонниками. И хлебнула бы немного огненной воды из чума-бара «Эльдорадо».

Весь декабрь, влача себя и свое существование без восходов и закатов и даже без зенитов, я бормотала что-то вроде «в темнице той царевна служит...э-э-э-э ...тужит.. и бурый волк ей..с ней...мнэ-э-э... как бы дружит...вскормленный в неволе орел молодой...о-хо-хо...

Ну, вариации на известную тему.

Дуба не было, цепь мерещилась, шелухой был осыпан затоптанный снег под ногами.

Кот пристально смотрел в глаза и перебирал в ожидании лапами: не найдется ли в очередном пакетике немного солнца?

Вот и нашлось.

Он вычислил и поймал теплые лучи, зазолотился шерсткой и зрачками, вернул себе уверенность: надо было раньше этот пакетик открыть!

КЕ ФЕР? ФЕР-ТО КЕ?

Для нас с котом наступили дни тягостных раздумий.
Утрачен почтовый адрес для связи с ЖЖ.

Ответить на комменты в своем журнале невозможно,
мы теперь считаемся у себя дома анонимами.

Но в систему зайти удалось.

Проверим, пройдет ли картинка через Семажик.

Monday, March 25th, 2013

МАРТ.

Глянешь в окно - а там туман, ветер и дождь.

И снег.

Вздорные мартовские циклоны крутятся по Европе, сотрясают окна и двери, просят погреться.
Но вот короткий промежуток в их веренице - и солнце пробилось сквозь залеplенные снегом стекла.

И засветилась ему навстречу мохнатенькая верба, засияли свежие фрезии, вытянулись стремительные стрелки оранжевой кливии.

Как ни крути - все же весна.

АПРЕЛЬСКИЙ КОТ

Все вокруг готово к наступлению настоящего тепла.

В парках по молодой зелени - широкие синие мазки фиалок, блики желтых и белых первоцветов. Еще сонные шмели молча летают над фиалками, поминутно приземляясь.

На сирени распускаются почки, из их глубины выглядывают плотные кисточки бутонов, сулят обильное цветение. Беспечные абрикосовые деревья не боятся холодов, первыми зарозовели кронами.

День-два - и в них загудят пчелы.

Пахнет свежей травой.

Кот пережил зиму, вчера впервые поваялся на замшелой от зимней сырости крыше.

Утром сидит в цветах, ловит еще негорячее солнце.

Поза почти иконописная, но зеленый - тоже весенний - взгляд сосредоточен, локаторы настроены на кухню.

Слышит, что тетка туда направилась, и размышляет, не пойти ли следом, не намекнуть ли на новый пакетик.

Слишком долго размышлял. Тетка из кухни ушла, солнце тоже передвинулось. Вздохнул кот и перешел на новое теплое место.

Начинается солнечный круговорот кота.

МАЙСКИЕ СОБЛАЗНЫ

Остановиться бы, да окунуться бы в зеленую прохладу, сорвать травинку и пожевать ее на манер кота, да подуть бы на пушистый шарик одуванчика, загадав желание: если с одного выдоха весь облетит - обязательно исполнится.

Но белые парашютики и без твоей помощи куда-то улетают, они экспансивные и целеустремленные. Рядом пастушья сумка тоже готовится осчастливить мир семенами. И что-то вроде зловредной тимофеевки начинает колоситься.

Солнце поднимается по уже высокой дуге, высвечивает в траве новые группки таких непростых простачков, торопит: загадывай! Вон их сколько!

Вздохнешь и пройдешь дальше.

Сказки учат быть осторожнее с желаниями.

А ну как все исполнятся?

Wednesday, May 29th, 2013

НЕ СЛИШКОМ СВЯТОЕ СЕМЕЙСТВО. СИЕСТА.

Wednesday, August 14th, 2013

...ТЕЧЕНЬЕ ДНЕЙ, ШЕЛЕСТЕНЬЕ ЛЕТ...

Для многих ничего особенного, а у меня кактус зацвел впервые. Эхинопсис.

Я получила его в подарок уже с цветочной мохнатой почкой, выставила за окно.

Больше недели она торчала хохолком на кактусовом темечке, потом у нее появился стебель, на конце которого начал розоветь бутон.

Процесс пошел.

Стебель стремительно удлинялся и стремился вверх, к солнцу.

Бутон на его конце наливался розовым цветом

и толстел с каждым жарким днем. Стебель уже клонился под его тяжестью, из последних сил удерживая груз.

Лепестки были плотно сжаты. До раскрытия цветка, казалось, было время.

Ну, думаю, утром сделаю снимок сначала бутона, а потом уже и цветка.

Ага.

Рано утром кот меня разбудил еще до рассвета и повел, оглядываясь через плечо, проверяя, следуя ли я за ним, к окну.

А за стеклом светился в темноте огромный цветок.

Мы с котом распахнули окно, ахнули и стали вдыхать сладкий запах, заполнивший комнату. Я - с удовольствием, кот - с осторожностью, сморщив пупочки.

В свете фотовспышки плотная группка тычинок фосфоресцировала, поверх них из глубины воронки свесился нежнозеленый пестик.

Времени свободного у нас пока много, торопиться мне, как и коту, некуда, и мы с ним стали наблюдать за цветком: как он проведет один день отпущенной ему жизни?

С восходом солнца стебель смог поднять цветок повыше, пестик передвинулся вбок и расположился вдоль лепестков. Основная масса упитанных тычинок толпилась внутри. Пестик, передвигаясь по пушистым головкам, как гребень, стряхивал пыльцу в чистенькую ладошку.

К середине дня цветок выглядел просто роскошно, светился изысканными оттенками розового и серого, под нежной кожицей упругих лепестков угадывались тонкие сосудики.

Тычинки построились, их хоровод у входа в зеленую, как морская глубь, воронку своими плавными изгибами стебельков напомнил греческий танец. Только пестик съежился и скромно затерялся среди танцоров.

Солнце миновало зенит и скатывалось к западу. Заглянуло в цветник, добавило на прощание света.

Тычинки стали еле заметно терять стройность. Так же изящно, но уже устало изгибались их стебельки.

Аромат, поразивший нас утром, исчез, испарился за ненадобностью.

В еще горячих лучах заходящего солнца обмякали, складывались и опускались лепестки. Туннель воронки потемнел, и тычинки с опаской заглядывали в его зев.

Спектакль закончился всего за 12 часов. Занавес опустился.

Мы с котом вздохнули.

Friday, October 18th, 2013

ОКТАБРЬ

Гости ушли.

И солнце вот-вот уйдет.

День уходит.

Все обещали вернуться.

Тихий ангел пролетел...

НЕМНОГО СОЛНЦА В СЕРОЙ ШКУРКЕ

Кот напоминает европейских политических деятелей, которые перед фотоаппаратами и вечностью стараются выглядеть солидно. Поэтому за мгновение до клика фотоаппарата они деловито сдвигают брови и сжимают губы. Зато дома пускаются во все тяжкие, меняют жен или заводят параллельных, воспитывают побочных детей и еще как-нибудь резвятся, играя, например, по вечерам в прятки с новой подругой или изображая маленького лебедя на дружеских вечеринках. Незатейливо, но от души.

Американские политики следуют советам психологов и когда не улыбаются, ходят с полуоткрытым ртом, чтобы расслабить мимические мышцы и не показать нации своего внутреннего напряжения. Нация не прощает им мелких грехов, которые поминает или придумывает сама и через десятилетия.

Европа обсуждает грешки людей у власти заголовками желтой прессы и забывает через пару недель. Может припомнить их на очередных выборах, но заботиться будет о другом, о личном, о собственных побочных женах и детях и балетных пачках в шкафу.

Кот и без психологов расслаблен, зато умеет мгновенно собраться и превратиться в сгусток энергии.

Он всегда суров на фотоснимках, но до сих пор ворует кнопки с кульмана, выгрызает дыры в чертежах, в самозабвении токсикомана валяется на фольге от шоколадки, застревает мордой в кофейной чашке или ворует со стола чернослив. После этого он может заснуть в солнечном пятне, трогательно подложив, как послушный ребенок, под щечку обе лапы, и вы любуетесь им, напрочь забыв про разбитые чашки.

Или близко подходит, смотрит прямо в лицо в ожидании и уверенности, что вы все поняли и немедленно начнете чесать ему шейку. Если вы делаете вид, что не замечаете намеков, он напоминает о себе настойчивой лапой, не пряча когтей в мягкие ножны. И вы умильно чешете, чешете, чешете, пока процедура ему - не вам!- не надоест.

Жаль, шуток не понимает. Характер у кота древний, нордический. Шутки, особенно с непрошенными прикосновениями - это ущемление его достоинства, и в ответ он без всякого предупреждения впадает в гнев и прибегает к санкциям: зубы, когти, стальные мышцы.

Дальнейшее зависит от вашей сноровки, последующих дипломатических переговоров и ваших же уступок. Например, взятки - вкусной витаминной пилюльки, что вполне в духе времени.

Стальных мышц как не бывало, мягкие губки аккуратно забирают витаминку с вашей ладони, зубки разгрызают ее, не теряя ни крошки, когти вообще ни при чем.

К ночи рядом с вами возникает вибрирующее от громкого мурлыканья увесистое тело. Мурлыканье означает : «я пришел, подвинься», а не « спасибо, мне очень приятно».

Ночные сновидения напоминают средневековые ужасы, потому что ноги вытянуть нельзя и повернуться на другой бок невозможно, не потревожив пришельца. Вам кажется, что вы закованы в колодки, а попытки освободиться сопровождаются шипением инквизитора, у которого всегда наготове еще и острые клещи.

Вы с трудом выбираете более-менее удобную позу, засыпаете и только иногда вскрикиваете во сне.

А утро начинается застенчивым царапаньем одеяла или подушки, просительным взмакиванием и мрыканьем - кроткими намеками на несчастную судьбу голодного кота.

И что же?

Устыдившись своего желания пнуть противное животное и наконец-то спокойно поспать, вы покорно встаете и бредете за пакетиком «Вискас» под бдительным контролем.

Под контролем любимого европейского короткошерстного диктатора.

Monday, October 28th, 2013

ПОВОРОТ

Прошел дождь и - да-да! - дохнул осенний хлад.

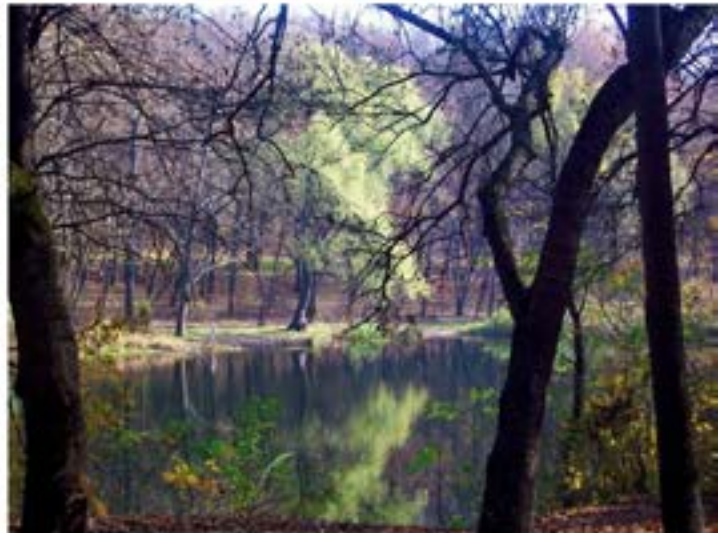
Листва в одночасье обрушилась на мокрые тротуары.

Поворот то ли к дому ведет, то ли от дома куда-то уводит.

В отъезжие поля.

НОЯБРЬ. ПРОГУЛКА ПО ЗАКОУЛКАМ

ПАМ'ЯТИ ЛЮБИМОГО ІХНЕУМОН

«ПЕЧАЛЬНО Я ГЛЯЖУ...»

*...Перед опасностью позорно малодушны,
И перед властью — презренные рабы.*

Мне казалось, что у каждого поколения может быть только одна своя война, как одна комета Галлея.

Ошибалась, на наше они катятся комом.

Как говорила героиня Раневской: «Какая бестактность, какая распущенность - две революции в один год!»

Нам с котом грустно.

КРАСНЫЙ ЦВЕТОК

*Быть может, оттого я так печален,
Что ярких красок
Нет вокруг меня?*

*Послал купить я
Красные цветы*

- Исикаву Такубоку

Неожиданно проснулась китайская роза, которая, казалось, заснула навеки. Мне хотелось то ли обрезать ее под корень, то ли вообще выкинуть, о чем я и сообщила ей дней десять назад. Такое было мое китайское предупреждение.

Через неделю на верхушке ветки развернулся и воспламенился в утреннем свете ранее никем не замеченный бутон.

Пылающие лепестки напомнили мне «Красный цветок» Гаршина. В рассказе пациент психиатрической лечебницы срывает по ночам цветы красного мака как средоточие мирового зла. Сорвал последний и наутро умер в спокойной уверенности, что с мировым злом покончено. Блажен, кто верует.

Роза продолжает цвести. Теряет один красный-прекрасный цветок, раскрывает два. У нее своя китайская философия.

Thursday, June 5th, 2014

ИЮНЬ

Медленное июньское солнце целый день скрывалось за мелким дождиком, а к вечеру «отодвинуло облако» и глянуло прямо в глаза.

Лето.

ПОСЛЕ ДОЖДИЧКА В ЧЕТВЕРГ

Рано утром всю округу поднимает ко дню громкое «тили-тили-тили-тили!». Шибко ранняя пташка, по тембру мелкая, по силе звучания - гигант.

Кто такая - не знаю, но просыпается первой и звенит будильником.

Растворишь окно. За ним еще не замученный жарой бархат петунии, наивные синие лобелии, молодые бархатцы, горошек, подросший овес для кота.

Кот проскальзывает под рукой погрызть травку перед завтраком.

Прохладный воздух пахнет летним бабушкиным садом в маленьком украинском городке.

Вдохнешь эту свежесть, и покажется, что раз так уже было, то и будет всегда.

Пребудет.

ИЮНЬ. У ТИХОЙ ЗАВОДИ

По земному шару прошелся очередной гумилевский космический мазок, торопя естественный ход эволюции.

Театральные прищур, циничные взгляды, ухмылки, ироничные реплики политиков отражаются в пассионарных массах вытаращенными глазами, распахнутыми в удалых криках и брани ртами и хрустящими под ногами стеклами разбитых окон. Стекла разлетаются мелкими злыми осколками.

Кажется, уже не найти места, где отдохнул бы глаз и успокоился слух.

Но если сумеете отойти от телевизора и компьютера, вам повезет набрести на отражение неба и береговой зелени в тихой воде, услышать солидное покрякивание селезня, бормотание плывущих за ним уток, детский вскрик заблудившегося лысушонка в ответ за материнский зов. Лысушенок плывет по синему небу с белыми облаками, и даже от его маленького тельца и тоненьких лапок вода колеблется и расходится мягкими волнами.

На зеленой равнине свободно раскинулись деревья, никакими стенами и заборами не ограниченные. Под высоким солнцем кружится вокруг стволов по свежей траве ажурная тень.

И соревнуются трелями невидимые в пышных кронах зяблики и свистят иволги.

С ума сойти. Картинки из ранних Стругацких, романтических, еще верящих в светлое будущее человечества.

Оно, конечно, нереально. Но помечтать-то можно?

Thursday, June 19th, 2014

ОТВЕТЫ НА ПТИЧЬИ ВОПРОСЫ

- Отгадка на мою давнюю загадку: нежно-вопросительное, короткое «пюиИ» принадлежит пёнке зарничке. По словам зоолога, это ее «позывка вне периода гнездования».

Я поверила замученному моими приставаниями зоологу. Наконец-то у него наступило просветление и он просвистел очень похоже, несмотря на удаленный зуб.

На всех известных мне записях звучит песня, а не позывка, потому птичку никак не удавалось опознать. И ведь видела же ее близко: [маленькая, стройная, с двумя светлыми полосками на крыльях](#).

Как все просто, а столько времени не давало покоя - с детства, с бабушкиного сада в центральной Украине.

По утрам первой всех будила синица. Так говорит Заратустра знаток. Птица потом переместилась, усложнила песню и теперь звучит позже и привычно. Синица и синица, ничего особенного.

Monday, June 23rd, 2014

СТАРОЕ ОЗЕРО

Озеро долго стояло заброшенным, его очистили и постепенно возвращают к жизни. Даже водятся теперь в нем на радость рыболовам мелкие караси и окуньки.

Из крон старых деревьев несется свист и щебет.

Сегодня услышали пеночку-теньковку, овсянку, черноголовую славку, черного дрозда, зяблика, щегла.

Зяблики планируют на тропинки и тут же легко взлетают, мелькнув белыми полосками на крыльях; дрозд канул из-под ног в близкие кусты на склоне холма; серые вороны солидно вышагивают по сторонам дорожек, они-то никого не боятся.

На другой стороне озера липы еще в цвету, воздух пахнет медом.

Ласточки или проносятся над самой землей у берега, или отдыхают на проводах и переговариваются тоненькими голосами. Щеглы тоже летают на виду, перепархивая то по одиночке, то парами с дерева на дерево.

По лестнице, ведущей к ротонде, когда-то сбегала каскадом вода. Здесь было основное место для прогулок.

Скоро и каскад восстановят, есть такие планы.

Ну а птицам пока раздолье на относительно безлюдье, им легко поется и дышится. И они теперь для меня не безымянны, спасибо зоологам.

Свежевыловленного карасика показал вежливый мальчик.

ИЮЛЬ. ЛЯГУШАЧИЙ МИР

Есть на озере тихое место, отгороженное узкой дамбой и заросшее похжей на молодой бамбук густой травой. Поверхность воды издали кажется пупырчатой, а из зарослей несется многоголосое кваканье.

Каждая лягушка поет на свой лад, пространство между основными нотами пуантилистски заполняется бемолями и диезами, голоса певцов сливаются в ораторию. КВАКОофонию?

Если всмотреться, пупырышки на сво-

бодных от травы участках оказываются лягушачьими головами. Лягушки притаились на мягкой подводной подстилке и кажутся спецназовцами в камуфляже. Эти не двигаются, молчат, как воды в рот набрали, осматривают окрестности, поворачивая базедовые глаза-перископы.

Некоторые, с разрисованными по всем правилам спецназа физиономиями, притворяются зелеными травинками. Ни цапель, ни аистов - их заклятых врагов - на озере пока нет, а бдительность просто в холодной и рассудительной лягушачьей крови. Жизнь научила.

Небо медленно теплеет перед закатом, спецназ по одному отступает, оставляя аккуратные круги на воде, исчезает в зарослях. Смена караула?

Мы тоже отступаем, идем дальше своей дорогой.

Вслед нам несется победное лягушачье пение.

Зяблики не возражают.

Зябликам зябликово, лягушкам лягушково.

А где-то и цаплям цаплево.

АВГУСТ

Кот стареет, в июне ему пошел семнадцатый год. Все чаще прихварывает, прячется от назойливой августовской жары. Когда солнце все же находит его, прикрывает глаза лапой, терпит, пока разгорается оранжевым светом и раскаляется пушистый живот, потом со вздохом передвигается в тень. Похрипывает, посапывает, покорно, по-стариковски, глотает очередное лекарство. Как все старички, больше дорожит вниманием, больше разговаривает, благодарно мурлычет, если правильно понят. Раньше поунижаешься, пока допросишься поговорить или помурлыкать, а теперь сам приходит, смотрит в глаза и трогает лапой: хочу того, хочу этого.

А вы счастливы, что понимаете, и готовы на любые подвиги, только чтобы он потом улегся рядом и наградил доверием.

Утром выходит погрызть свежей травы, днем лежит на сквознячке, на подоконнике, ждет вечерней прохлады. Ночью долго сидит за окном на подстилочке, дышит запахами зелени и цветов. У него с детства любовь к веточкам, траве, цветам.

Жить бы ему где-нибудь на ферме, гонять мышей и дружить с собаками. А судьба заточила в городской квартире.

Хорошо, что крыша есть.

Sunday, October 26th, 2014

Никто не возражает против того. чтобы разрушить идолов. В то же время никто не возражает против того. чтобы самому стать идиолом.

Однако, спокойно пребывать на пьедестале могут только удостоенные особой милостью богов: идиоты, преступники, герои.

Из записных книжек А.Н. Стругацкого.

Tuesday, December 23rd, 2014

КОТ И ЕГО ТЕНЬ

Наш с котом главный день.

Солнце повернуло на лето, а непослушная зима поворачивает, куда ей угодно. Как и полагается, на мороз. Или, если вздумается. на глобальное потепление и на дождь.

Пусть зима покапризничает, сейчас ее время. Будет и мороз, и солнце, и снег, и ручьи оттепелей, и - чаще - низкое серое небо, утренние и вечерние сумерки.

Яркими будут только цепочки встречных белых и уводящих в темноту красных автомобильных огней.

Солнце своих законов не нарушает. И потихоньку, по минутке, будет отодвигать нас от сумеречных зимних забот.

И в эту волшебную минуту - только в эту минуту! - первого нового дня солнечный луч, если вам повезет и вы окажетесь на его пути, великодушно приоткроет истину.

Он покажет вам вашу незнакомую тень.

Коту повезло.

У тени патриарха оказаалась трогательная детская щечка, любопытные ушки и мягкий ребячий силуэт.

Можно попробовать и самому провести такой опыт.

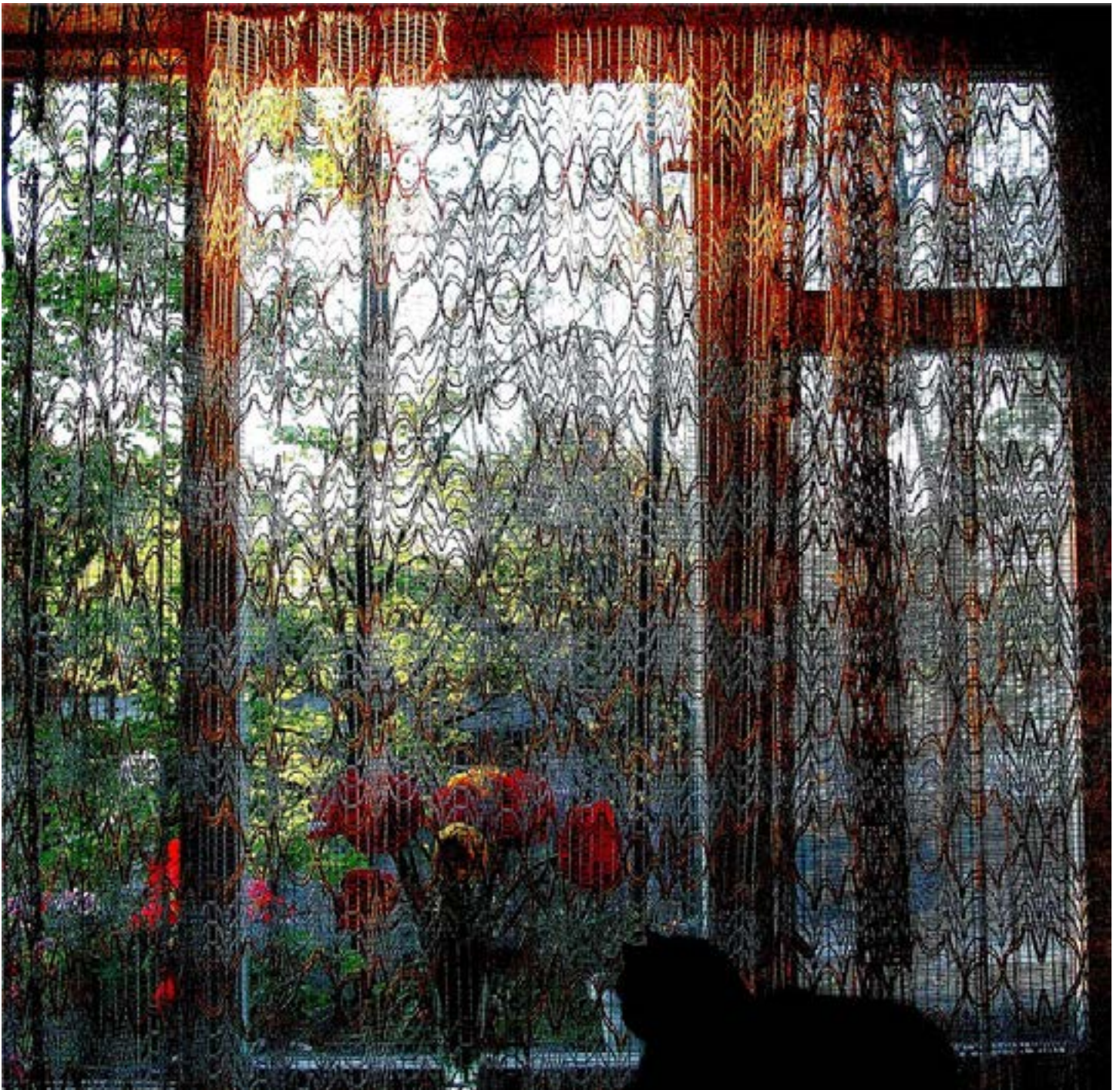
Через минуту солнце скроется, наша тайная тень спрячется и свернется мягким клубочком под закаленной временем шкуркой.

И все пойдет своим чередом.

Но мы-то уже все про себя будем знать.

А кот и так про себя все знает.

И про нас тоже.

МАЙСКИЕ СУМЕРКИ

Прохладный дождливый апрель подготовил майский взрыв. С первыми солнечными днями одновременно зацвело все вокруг: вишни, яблони, каштаны, сирень, ландыши, тюльпаны, ирисы. Мелочь всякая безымянная тоже цветет.

Зеленая трава полна одуванчиков, почему-то так гонимых на Западе. Откроешь окно - свежий воздух, душистый, как все номера Шанели, вливается в дом. Волнами налетали на крышу вновь многочисленные стаи скворцов. Галдели, цокали коготками и клювами, в пять минут съедали все до крошки, летели дальше. Мы еле успевали подсыпать им еды.

Скворцы преодолели, очевидно, какой-то демографический кризис. Года три назад странным образом не улетели осенью на южные квартиры и почти пропали.

Жизнь постояла на месте и пошла дальше. Как всегда.

Разнообразные катаклизмы -погодные или человеческие- в родных местах осложняют ее даже птицам, но не останавливают.

«Об этом стоит подумать. Это касается каждого.»Коту счастье привалило: снова солнца полный день. И долгожданные овсы зреют.

Но недавним теплым вечером кота забыли на крыше, он был очень недоволен, и теперь исправно возвращается домой к заходу солнца и занимает место в ложе.

Звать и приманивать ничем не надо, послушен и кроток.

Днем он тоже следит за птицами из-за занавески, как дряхлеющий генсек за танцем маленьких лебедей в Большом театре. Еще нравится, но уже не слишком волнует.

Солнце садится медленно, не торопится, длит удовольствие.

Цветы в майских светлых сумерках светятся таинственно.

Хорошо.

Гоголя, что ли, коту перед сном почитать.

ХОДЮТ ТУТ ВСЯКИЕ!

Это последняя запись. Фотографией незнакомой кошки «живой журнал» Mafusail заканчивается. Он еще доступен в Интернете по адресу <https://mafusail.livejournal.com/>, но кто знает, надолго ли; в сети рукописи горят с легкостью. Будут продолжать пропадать фотографии и портиться ссылки, а там, глядишь, и весь журнал исчезнет. Поэтому все, написанное там Евгенией Евгеньевной Самотья, сохранено в этом файле.

Ее слова и образы, как и память о ней, останутся с нами навсегда.